

ЫБУР

АЛЕКСАНДРА ПЛЕН

Annotation

Если ты сетуешь на свой мир, то будь готова к тому, что попадешь в другой. Такой, какой заказывала. Там нет измен, нет предательств и преступлений. Один обожаемый супруг (он же отец твоих детей, он же любовник) на всю жизнь. Любовь и счастье до гробовой доски. Идеальный, гармоничный, безупречный мир. Только почему тогда ты хочешь назад? Почему бежишь и от мужа и от счастья?

Александра Плен

Выбор

Лес был прекрасен. Он очаровывал, шелестел листвой, шептал: «Прогуляйся, отдохни от городской суеты, насладись тишиной, щебетанием птиц, первозданной прохладой». Я, наверное, смогла бы в полной мере прочувствовать его красоту, если бы оказалась в другое время и в другом месте.

— А ещё лучше смотрела по телевизору, любуясь им с дивана, — буркнула себе под нос.

Раскидистые невысокие деревья с пышной кроной (непонятный, правда, вид, но, возможно, я биологию неважно в школе учила). Густой сочный ковер из травы покрывал землю. На изредка встречающихся полянках цвели яркие душистые цветы.

Не было видно ни упавших стволов, ни ломанных веток, ни мусора, обычного, в Подмосковье, недалеко от трассы... Деревья не мешали друг другу, словно лес садили, как парк — ровненько, под линейку. Древесина была теплая, приятная на ощупь (в этом я смогла уже убедиться не раз, так как прислонялась к стволам регулярно). Да, лес был прекрасен, но сейчас, сию минуту я его ненавидела.

«Дура! Идиотка! Глупая курица!» — я костерила себя последними словами и не могла остановиться.

Так вляпаться! Заблудиться в лесочке, в пятидесяти километрах от Москвы!

«Ты бы ещё в сквере, возле своего дома заблудилась!» — злобно подумала и сильно шлепнула ладонью по стволу дерева. Оно, конечно, было не виновато в моей тупости, но свое дело сделало. Стало больно...

Я села на живописный пенек возле... то ли ясеня, то ли липы и разминала сведенные от усталости ступни. После четырех часов блуждания по лесу ни сил, ни энергии уже не оставалось. А сначала даже мысленно пошутила — будет, что друзьям рассказать.

Я ни на секунду не допускала, что смогу потеряться. Через полчаса заволновалась, через час встревожилась, а сейчас потихоньку стала впадать в отчаянье. Вечерело, а нашего кемпинга до сих пор не нашла... Я попыталась хоть что-то вспомнить из школы. Пришел в голову мох (если память не изменяет, то он рос на северной стороне), присмотрелась — никакого мха не было и в помине. Подняла глаза и попыталась свериться по заходящему солнцу, где запад, где восток. Выбрала направление, тяжело вздохнув, встала и поплелась на запад.

А все из-за чего? На выходных друзья собрались в лес по грибы (точнее попить пива и поесть шашлыков) и пригласили меня, известную домоседку, с собой. Развеемся...

— Уля, поехали, — уговаривала меня Женька по телефону, — природа, солнышко, птички... Красота!

Я попыталась отмахнуться.

— Мне нужно резюме составить, Жень, — ответила я, — пора начинать искать работу. Написать свои сильные и слабые стороны, и все такое прочее...

— Да знаешь ты свои сильные стороны, Уля, — хихикнула Женька, — они у тебя на лбу написаны. Да мы и ненадолго. В три-четыре привезем тебя обратно.

Все подруги считали своей святой обязанностью меня развлечь и куда-нибудь вытащить, особенно в последнее время. Взяли на поруки. А все потому, что недавно, а если точно, то четырнадцать с половиной дней назад, я рассталась с Пашкой. И это перед самой

нашей свадьбой.

Сказать, что моя жизнь обрушилась в одну секунду, — ничего не сказать. Распланировано было все. Куплены платье и украшения. Разосланы приглашения родным и друзьям. Заказан ресторан и согласовано меню. Сколько денег было потрачено — не описать словами. Родители до сих пор со мной не разговаривают (даже после того, как я рассказала им причину). Глубокая жгучая обида навеки поселилась в сердце, ещё раз напоминая, что я никто и ничто в семье.

Мне всю жизнь казалось, что мама и папа родили меня для того, чтобы потренироваться перед настоящим грандиозным событием — рождением Валерии, моей младшей сестры. Она получилась просто идеальной, не то, что я. Валерия была самой красивой, умной и обаятельной на свете. Она умела петь и танцевать (то есть закончила музыкальную и художественную школы). Не то, что я — ни слуха, ни голоса. У нее был безукоризненный вкус, врожденная элегантность и бездна талантов. Я же не могла выбрать себе даже приличную блузку, а первую помаду купила только в двадцать лет. Свободное время Лера проводила, посещая выставки и музеи, литературные вечера и читальни. Я лучшим времяпровождением считала — залезть с ногами на диван, обложиться орешками и чипсами и уткнуться в книгу часиков этак на пять. У сестры были прекрасные белокурые волосы, у меня — неопрятная копна грязно-русого цвета. То ли рыжие, то ли каштановые — не разберешь.

Нет, не думайте, ко мне прекрасно относились. У меня было все, что нужно — книги, игрушки, техника. Я не голодала, закончила престижную школу, поступила в институт. У меня были ноут и айфон, отдельная комната и карманные деньги. И последнее — я была достаточно привлекательной, чтобы на меня обращали внимание парни и приглашали на свидания. У меня были правильные черты лица, стройная фигурка и густые длинные волосы. Но... Стоило моей сестре оказаться вблизи меня, все мужские взгляды тут же концентрировались только на ней.

Что бы я не делала, сколько бы пятерок не получала в школе, какие олимпиады не выигрывала — Валерия делала это лучше, быстрее и изящнее.

«Что за пальто ты купила! У тебя совершенно нет вкуса, Ульяна. В следующий раз иди в торговый центр с Лерочкой, она поможет тебе».

«Почему ты до сих пор сидишь за компьютером? Лера пригласила нас на литературный вечер на Таганской». Я вздыхала и шла одеваться.

«Сегодня вечером придет Русланчик, оторвись ты от книжки и переоденься, наконец».

Приходили Русланчики, Сашеньки, Олеженьки... Мама готовила фирменный торт и салаты. Папа вытаскивал альбомы и Лерочкины грамоты, чтобы все в очередной раз восхитились ее уникальными способностями и умом. Но боюсь, Русланчикам до ума сестры дела было никакого — ее красота затмевала все. Юноши толпами бегали за ней, дарили цветы, билеты в Большой и Ленком. С каждым у нее была любовь до гроба и возвышенные отношения.

Профессию моя дорогая сестренка выбрала такую же красивую, как и сама — дизайнер. Звучит благородно и элегантно. Родители на всеобщем совете долго выбирали, куда отдать дорогое дитяtko. А я... После окончания школы никто у меня даже не поинтересовался, куда я хочу поступать. Помыкавшись, я залезла в интернет и выбрала самую обычную ординарную специальность — бухгалтерский учет и аудит.

Я жила, как соседка по квартире. Приходила вечером, уходила утром. Иногда

подрабатывала — заполняла отчеты небольшим фирмочкам, сдавала налоговые декларации. Я хотела стать самостоятельной и не зависеть от родителей в материальном плане. Но тут случилась ЛЮБОВЬ.

Павел был продвинутым айтишником, учился на последнем курсе в нашем институте и уже зарабатывал неплохие деньги, продавая ПО и разработки ERP-комплексов. Не знаю, почему он выбрал меня. Серую мышку, которая так и не научилась толком краситься и элегантно одеваться. Туго стянутый хвост на затылке, коричневый рюкзак, джинсы, высокие ботинки — мой ежедневный прикид. Как и чем я смогла заинтересовать лучшего перспективного студента института — сама удивляюсь. Но это случилось. Мы стали неразлучны. Родители впервые на моей памяти вытащили мои грамоты и медали, когда Павел пришел к ним знакомиться.

— Мы поженимся, как только ты получишь диплом, — решительно заявил он, оставалось только согласиться.

Я впервые влюбилась. Сильно, страстно, до умопомрачения. Пашка стал для меня всем. Моим миром, моей вселенной, музой и первым мужчиной. Я, не задумываясь, переселилась в его однушку, родители не сказали ни слова против. Мне вдруг понравилось обустроить быт, готовить и гладить рубашки. Я впервые почувствовала себя важной и нужной. Любимой, единственной. Без постоянного сравнения с идеальным образом сестры, без шпилек и колкостей. Это было прекрасно. Мы оба были технарями, оба могли часами сидеть за компом, не обращая внимания ни на что. Правда, мне приходилось периодически готовить и убирать, но это была небольшая плата за возможность целовать и обнимать любимого ночью.

Я получила диплом, на следующий день Пашка потащил меня в ЗАГС подавать заявление. Я летала, как на крыльях. Родители приняли живейшее участие в организации торжества, даже Лера подключилась, фыркнув, что без ее дизайнерского мастерства на свадьбе будет уныло и грустно.

Впервые я была на первом месте в семье. Впервые никто не игнорировал мои просьбы. Иногда меня посещала мысль, что родители так обрадовались моей свадьбе потому, что им представилась возможность потренироваться на мне опять. Чтобы потом, на Лерочкином торжестве исправить все ошибки и недочеты. Но, возможно, я была неправа и слишком закопалась в самоедстве и зависти.

За месяц до свадьбы я переселилась в наш загородный дом в Подольске. Его нужно было привести в порядок для дальних родственников, которые должны вскоре приехать.

До свадьбы оставалось пару недель, когда я застала Пашку и Леру страстно целующимися в гараже. Сначала просто не поверила глазам, стояла и часто моргала, пытаюсь обрести четкость в полумраке полуподвального помещения. Но когда его губы таким знакомым движением переместились на шею и ниже, поняла, что мне это не кажется. Я развернулась и тихонько вышла вон. Наверное, струсилась. Наверное, нужно было вцепиться им в волосы, закатить истерику, грязно выругаться или ещё что-то. Но тогда я просто была не уверена в способностях держать себя в руках.

После этого события некоторое время я пребывала в шоке. День просидела в своей комнате перед компьютером, тупо пялясь в экран. В голове не укладывалось произошедшее.

— Ульяна, идем ужинать, — вечером в комнату заглянула мама.

— Не хочу, — ответила, не оборачиваясь, — ешьте без меня.

— Ты не простудилась? Что-то мне твой голос не нравится, хриплый какой-то.

— Все в порядке, — бросила я, принявшись усиленно стучать по клавишам, делая вид, что сильно занята.

— Обычный предсвадебный мандраж, — раздался в коридоре голос сестренки, — ничего страшного.

Оказывается, она пряталась за спиной у мамы. Я ничего не ответила, боялась, что сейчас расплачусь.

Дверь закрылась, и меня оставили в покое.

Я откинулась на спинку кресла и закрыла воспаленные глаза. Жизнь была кончена. Самое обидное, что Лере Пашка был и даром не нужен. Она не любила технарей, а о моем женихе всегда отзывалась с презрением и насмешкой.

«Зачем?» — мысленно вопрошала я и не находила ответа.

Следующие дни я ходила по дому, как сомнамбула, ни с кем не разговаривая, ни о чем не думая. Мозги превратились в кисель. Потом я все-таки немного пришла в себя и нашла в себе силы съездить в ЗАГС и отменить свадьбу. Родителям рассказала правду, но они не поверили. «Лерочка не могла такого сделать, — категорично заявила мама, — тебе показалось».

Я не стала спорить. Бессмысленно и бесполезно.

Лера уехала в Москву, сказала, что на конкурс дизайнеров. Но я-то знала, что она просто сбежала, как делала всегда, когда чувствовала себя виноватой.

Пашка же жутко разозлился.

Он меня потом долго убеждал, что это было помутнение. Причем, у меня в голове. Чтс они знакомились. Он целовал Валерию, как сестру, «а что тебе привиделось — твои проблемы». Что только я — любовь всей его жизни... И много ещё всего разного. Переходил с темы страдальца на агрессора и наоборот. Я только молча сидела и слушала его крики. Лучшая защита — нападение. И этой защитой мой бывший жених пользовался изо всех сил.

Я ничего не понимала. Не хотела анализировать и размышлять — зачем это было сделано? Мозг по-прежнему пребывал в сильнейшем эмоциональном шоке, фильтруя слова, не давая вдумываться в их смысл. В итоге, он махнул на меня рукой и уехал к себе, напоследок сказав, что я дура, из-за такой ерунды отменять свадьбу. Что я ещё пожалею и все в таком роде. Родители уехали тоже, обвинив меня в зря потраченных деньгах и своих расстроенных нервах.

Я в очередной раз осталась одна.

Что за мысли бродили тогда в моей голове? Не помню. Что-то делала, о чем-то думала, что-то ела, куда-то ходила. Иногда приходила в себя, стоя на остановке возле Симферопольского шоссе, иногда глубокой ночью за включенным компом, иногда с трубкой в руке, почти набрав домашний номер Пашки.

Потом начались звонки. Все подруги и знакомые решили свести меня с ума. Только Женьке я рассказала правду. Мы дружили ещё со школы. Именно она (а не мама) научила меня подкрашивать ресницы и губы. Именно ей иногда удавалось вытаскивать меня из раковины на свет божий — то в кино, то в клуб.

Именно с ней, спустя две недели затворничества, в день своей несостоявшейся свадьбы, я и согласилась выехать на шашлыки. Отметить, так сказать.

Я редко баловала своих друзей вниманием, предпочитая отсиживаться дома за компьютером. «Вот бы и отсиживалась дальше! — пронеслось в голове. — Нет же, захотелось «природы»...

А сначала все было чудесно. Кое-как склеив разбитое сердце, я нацепила на лицо доброжелательную улыбку и решила не портить друзьям настроение. Субботнее сентябрьское утро, птички, свежий воздух, солнышко. Нас было пятеро. Две парочки и я — одинокий хвостик. Заехали подальше в область, выбрали лесок. Разбили кемпинг — беседка, столик, стулья. Мальчишки поставили мангал, завозились с шашлыками, мы с девчонками открыли бутылку вина, сели в сторонке и начали перемывать косточки. Слово за слово, разговор перешел на Пашку. Чем больше они меня жалели, тем хуже мне становилось. Слезы стремительно и неумолимо подступали к глазам. Я хотела крикнуть «Хватит! Хватит твердить, какой он мерзавец и подлец! Он не такой, он хороший», но горло перехватило, горячий пульсирующий комок не давал выдавить ни звука. Я расстроено махнула рукой в чашу, сделав вид, что хочу в туалет и пошла прочь. На самом деле жутко, просто непреодолимо, хотела выплакаться...

Мне крикнули: «Только ненадолго, шашлыки скоро будут готовы»... Я не оборачиваясь, кивнула.

Отошла подальше в лес (думала не на много, может, метров двести-триста), прислонилась к дереву и разрыдалась. Как ни прискорбно осознавать, но я его любила. Сильно, со всем пылом первого чувства. И до сих пор люблю... Увы. Невозможно разлюбить за две недели, даже несмотря на то, что разочаровалась в любимом человеке. Любовь тяжело покидала мое сердце, цеплялась, как репей, и не хотела отпускать... «Что может сравниться с предательством?» — грустно думала я и не находила ответа.

Паша мне кричал: «Ты видишь только белое и черное, ты не прощаешь ошибок, ты упряма и слишком горда»... Он кричал, что нужно уметь прощать, нужно быть мягче, женственней, добрее. Возможно, он прав. Я так и не научилась в своей короткой жизни компромиссам.

Я горько плакала, сетовала на несправедливость. «Как жесток этот мир», — шептала я. «Почему в нем происходят измены?» «Как хорошо было бы жить в мире, где любовь вечна и любимые не предадут». Жизнь, казалось, кончена. Голова раскалывалась на мелкие острые кусочки, пульсировала болью, в ушах стоял гул, я ничего не видела и не слышала вокруг.

Когда плакать сил больше не осталось, в голову пришла мысль: «Девчонки будут меня искать, нужно идти назад». И поплелась в обратном направлении. Слезы по-прежнему застилали глаза, видела я плоховато, может, поэтому оступилась и свалилась то ли в овраг, то ли в яму. Проехалась по спине, больно ударились пятой точкой и оцарапала руку. На миг я, наверное, потеряла сознание, так как в голове помутилось, а глаза заволокло чернотой. Когда через мгновение пришла в себя, то обнаружила, что сижу на теплой рыхлой земле, на дне ямы, жутко болит подвернутая нога, шорты порвались, светлая футболка превратилась в грязную пыльную тряпку, в волосы набилась земля, листья и мелкие ветки. «Ну вот, допрыгалась, — мелькнула мысль, — осталось только ногу сломать, и эта поездка надолго останется в памяти».

Поплакала ещё немного... Теперь уже по другому поводу. Позвала на помощь. Но то ли я была далеко от кемпинга, то ли тихо кричала — ни через десять минут, ни через пятнадцать никто не явился на помощь. Пришлось выбираться самой. Яма была неглубокая, метра два глубиной. Я цеплялась за выступающие корни растений, впиваясь ногтями в

рыхлую мягкую землю, и все-таки выбралась наверх. Стемнело. «Уже так поздно?» — я посмотрела на часы. Час дня. То есть отсутствовала я не больше двух часов. Странно... И никто меня не ищет. Я даже немного обиделась на друзей. Грязная, оцарапанная, с большим синяком на бедре и распухшим от слез лицом, я, наверное, представляла пугающее зрелище.

«Славная поездочка», — вздохнула и пошла по направлению к кемпингу...

И вот иду уже четвертый час, а друзей не видать... А что самое странное — телефон отказывается ловить сеть, так что я даже не могу позвонить.

Окончательно стемнело. Я давно начала замечать, что деревья, да и по правде, все растения в лесу какие-то странные. И только в темноте ясно определила эту странность. Стволы, листья и даже трава — светились. Мягким, рассеянным светом, и что самое непонятное — они излучали тепло. Когда я в очередной раз прислонилась в изнеможении к дереву, то тут же отпрянула в страхе — кора была горячей. Не обжигающей, но ощутимо теплой. Сначала я подумала, что у меня жар: поднялась температура, и я брежу. Это было правдоподобным объяснением всего того, что я видела вокруг... Так как по другому не могла ничего понять и придумать... Лес был удивительным, необычным, не похожим ни на что ранее виденное мной. Ни в России, ни за рубежом, ни по телевизору, ни по интернету.

«Все, Ульяна, — сказала я себе, — приплыли. Ты получила заражение крови от царапины в яме. У тебя бред. Ты умрешь, бесконечно блуждая по лесу, и никогда не увидишь маму и папу». Впервые стало по-настоящему страшно... До жути, до паники... Слезы опять потекли из глаз... Я начала припоминать разные ужасы, прочитанные в интернете... Только за последний год в России пропало без вести несколько десятков тысяч человек, а во всем мире? Неужели вот так закончится моя недолгая жизнь?..

Я чувствовала себя разбитой, уставшей, отчаявшейся и голодной. Но ночью куда-то идти было чистым безумием. Прислонилась спиной к горячему толстому стволу дерева, откинула голову и затихла, впитывая кожей приятное тепло. Посмотрела вверх. Небо было угольно черным, незнакомые созвездия насмешливо подмигивали мне с высоты. Я попала в нереальную сказку. Меня окружали светящиеся ветки деревьев, причудливые замысловатые узоры, словно вышитые тонкой блестящей нитью, украшали листья, яркие искорки вспыхивали в траве... «Какой интересный бред», — устало подумала я и закрыла глаза...

Проснулась на рассвете от щебета птиц. Мой «бред» никуда не делся. Я по-прежнему находилась в заколдованном лесу. Только ствол уже почти остыл, листья не светились... Я заметила в кроне деревьев разбудившую меня птаху. Она сидела прямо передо мной и радостно щебетала, приветствуя утро... Непонимающе уставилась на оперение... Даже я, далекая от ботаники и биологии, жительница мегаполиса, не могла не вспомнить, что длиннохвостые какаду (а эта птица была почти копией яркого попугая) не обитают в нашем континентальном климате... Тут меня кольнула тревога уже по другому поводу. Потрогала лоб — температура была нормальной. Царапина затянулась и почти не болела (зря я впала в панику вчера). Значит, я в твердом сознании и бреда у меня нет. Еще раз внимательно присмотрелась к растениям.

«Мамочки!» — всхлипнула я протяжно. Куда я попала??? Это не Московская область. И боюсь, даже не Россия... «Не буду об этом думать сейчас», — решила я, быстро затолкав

предыдущую мысль в дальний уголок головы.

Голод и жажда все больше и больше давали о себе знать. Я поднялась на измученные ноги и побрела, куда глаза глядят, выбрав направление на север. Вскоре пошел небольшой теплый дождь. Я ртом ловила капли, потом додумалась сорвать большой лист и пить с него. «В кого я превратилась?» — горестно подумала, опустив глаза вниз. Выглядела я ужасно. Шорты давно превратились в тряпку, изорванная, грязная футболка потеряла свой первоначальный розовый цвет и сейчас, наверное, ее бы не одел и бомж на свалке. Кроссовки ещё держались, но промокли насквозь. «Если выберусь, — мысленно поклялась я себе, — из Москвы ни ногой. От природы меня отвернуло навеки». О Паше я уже не вспоминала... Правду говорили философы — высокие чувства отступают на второй план, когда вперед выходит выживание и примитивный голод.

Я совершенно отупела от усталости, голода и отчаяния. И когда заметила двух странноватого вида мужчин среди деревьев, пару секунд только стояла и непонимающе хлопала глазами.

— Ола? — один из них развел руки, словно собирался обнять.

Другой стоял и ухмылялся... В странной кривоватой улыбке мне почудился извечный мужской интерес к женщине. Я вздрогнула. Для полного счастья мне не хватало только быть изнасилованной какими-то иностранцами с жуткими рожами... Я резко развернулась и рванула в противоположную сторону. Откуда только силы взялись. Я слышала неразборчивые крики сзади, похоже, мужчины бежали за мной. Я, не глядя, неслась по лесу, огибая кусты и уворачиваясь от веток. Мужчины не отставали... «Долго я так бежать не смогу», — билась в голове паническая мысль. Ноги дрожали и подкашивались... Пару раз споткнулась и ободрала локти, зацепившись за колючие ветки.

— Ола! Кнова фи, — что-то орали они мне...

Я не слушала. Паника ещё толкала вперед, заставляя ноги передвигаться, но я уже чувствовала, что силы на исходе. Вдруг я вылетела из густого леса на большую поляну. В центре возвышался красивый ухоженный дом. Немного странный на вид, но я обрадовалась ему как родному. Подлетела к крыльцу и забарабанила в дверь.

— Откройте! Пожалуйста, впустите меня! — рыдала я.

Воздух хрипами вырывался из тяжело вздымающей груди. Оглянулась — мужчины так же выскочили на поляну. Я ещё сильнее забарабанила в дверь. Слава Богу, она отворилась.

На пороге показалась миленькая совершенно седая старушка в широких разноцветных брюках и яркой хипповой жилетке... Я даже сразу не обратила внимания на необычную внешность женщины, раскосые глаза, удлиненный череп, немного непропорциональное тело, только умоляюще сложила руки и вскрикнула: «Помогите мне, бабушка... Они за мной гонятся». Старушка непонимающе уставилась на меня, пожевала губами, потом перевела взгляд на мужчин. Те уже подошли к дому.

— Киари? — произнесла она строго.

Я усиленно пыталась разобрать язык. Ни на один изучаемый мной в школе не похож...

— Ди, ола, — немного смущенно пролепетал один из мужчин, — винара ка, ола... Мит элана.

Я только стояла, тяжело дыша, прижав руку к выскакивающему сердцу. Мужчины после небольшого разговора бросили на меня странный сожалеющий взгляд, развернулись и потопали обратно в лес. Старушка кивнула внутрь дома: «Ари»... Я зашла, едва передвигая дрожащие конечности. После недавнего спринта по лесу ноги подкашивались, и я ухватилась

за стену, чтобы не упасть. Женщина поддержала меня на удивление сильной и твердой рукой, подвела к чему-то похожему на кушетку. Я упала на нее и закрыла веки.

— Спасибо, — прошептала я, — спасибо... Слезы опять заструились из глаз. Наконец, я добралась до цивилизации... Наконец, я у людей... Неимоверное облегчение и благодарность охватили меня.

Я выбралась.

— У Вас есть телефон? — обернулась я к женщине.

Она непонимающе на меня взглянула... Я вытщила свой, показала пальцами перебор кнопок... Нет? Вращение диска... Нет? Поднесла руку к уху... Опять не поняла.

— Ти кува? — женщина показала рукой на рот.

Я увлеченно закивала. Это я понимаю. Есть хотелось ужасно. Она проводила меня на кухню (по крайней мере, я думаю, что эту комнату можно было так назвать). Поставила передо мной плоское блюдо с множеством маленьких тарталеток. Я кивнула с благодарностью. Сейчас мне не до того, чтобы привередничать, съем все... Тарталетки оказались крошечными бутербродами, со вкусом чего-то мясного, хлебного и овощного. Странная приправа будоражила рецепторы. Мне дали запить напитком в мягкой (изгибающейся?) емкости без крышки. Но мой мозг уже настолько отупел, что не воспринимал ничего странного. Ни чудного интерьера дома, ни экзотической внешности приютившей меня женщины, ни яркого необычного наряда на ней (на вид старушке было никак не меньше восьмидесяти).

Глаза стали слипаться. Женщина опять подхватила меня (я в очередной раз поразилась, какие сильные у нее руки, совершенно не старческие) и повела в какую-то комнату. Уже сквозь сон чувствовала, как меня раздевают, обрызгивают чем-то свежим и прохладным, обдувают (ветром?)... И я провалилась в сон.

Утро не добавило ясности. Айфон умер, часы показывали странное время — десять минут шестого... На вечер не похоже... Утра? Солнце сияло почти в зените... «Понятно, — вздохнула я, — часы тоже на свалку». Я находилась в постели совершенно раздетая, на краю кровати лежало что-то типа тонкого длинного балахона, опять яркой хипповой расцветки. «Что ж, — мысленно решила я, вставая и одеваясь, — пора разобраться во всей этой кутерьме». Сейчас, выспавшись, на ясную голову, я вспомнила все — и странный лес, и теплые деревья, и сияющие листья, и экзотическую внешность мужчин, женщины, что приютила меня... И иностранный язык, даже близко не похожий на распространенные языки Земли. Я старалась не паниковать, но получалось плохо. Сердце колотилось, внутри все мелко дрожало. Я балансировала на грани паники, боялась себе признаться и не озвучивать даже мысленно окончательный вердикт — где я оказалась.

Старушка уже поджидала меня в гостиной (прихожей?)

— Ти мроир зак? — ласково улыбнулась мне.

Я перевела, как: «Ты хорошо спала?» и с (почти) искренней улыбкой кивнула и сказала: «Да, спасибо». Меня повели завтракать. Я осматривалась и тихонько сходила с ума, погружаясь в отчаяние. Это не мой мир. Это не Москва, не Россия, и не даже не Земля... Все было другое. Чужое. Нет, даже не так. Чуждое, инородное. Испугало даже то, как женщина

послала по воздуху в моем направлении тарелку с подобными вчерашним бутербродами. Я отшатнулась, но тарелка, пролетев по дуге около двух метров, четко приземлилась на стол передо мной.

После завтрака женщина повела меня за руку в другую комнату, усадила в кресло, села напротив и начала говорить. Чем дольше она говорила, тем сильнее и сильнее я впадала в отчаянье. Слезы потекли из глаз.

— Я ничего не понимаю! — всхлипнула я. — Простите, но куда я попала? Где я?! Что происходит?!

Я, уже не сдерживаясь, рыдала. Истерика, которую так тщательно загоняла глубоко внутрь, наконец, выбралась и поглотила меня целиком.

Старушка что-то сказала и погладила меня по руке. Дотронулась до щеки, провела по скуле, очертила контур ушей... Я замерла, как испуганный зверек, и ничего не хотела понимать. Я дико, до ужаса, боялась заметить, что уши у женщины чуть вытянутые и прижаты к черепу, что глаза раскосы (причем не так, как у восточных народностей на моей планете, а красиво загнуты кончиками вверх, словно кошачьи), что брови абсолютно прямые, доходят почти до висков, а из тонких губ выступают небольшие треугольные клыки. Я не хотела впустить это знание внутрь, так как это значило, что я потерялась навсегда. И я в другом мире.

Как и когда это случилось? Когда я упала в яму? Или когда рыдала о предательстве и проклинала свою несправедливую судьбу? Мысли путались, я ещё цеплялась за призрачную надежду, что я ударилась головой и брежу. Возможно, сейчас лежу в больнице под капельницей и все происходящее — сон? Но нет. Прошел день, прошел второй, а я так и не «очнулась от бреда».

Несколько дней я рыдала в «своей» комнате. Ничего не ела и не разговаривала с приютившей меня женщиной. Только пила воду из странного сосуда с трубкой, регулярно появляющегося в нише, у двери. Старушка иногда заходила, гладила меня по голове, что-то успокоительно щебетала на своем языке и качала головой. Всепоглощающий страх, дикий, неконтролируемый, охватил меня всю, похоронив под собой слабые остатки разумных мыслей.

Только я вспоминала о папе и маме — слезы градом. Я выла, как раненое животное, проклинала и шашлыки, и Пашку. Прошлась злыми словами по «доброте и участию» друзей и своей собственной дурости. В полнейшем отчаянии я даже молилась, с трудом вспоминая где-то прочитанные мимоходом молитвы. Но, увы, ничего не помогало. Я, как и раньше, просыпалась в светлой, просторной комнате с гладкими теплыми стенами.

Наконец, слезы кончились. Голова гудела и пульсировала от боли. Однажды утром я встала с кровати с твердым решением — если я как-то сюда попала, значит, есть способ отсюда и выбраться. И я его найду! А для этого, как минимум, нужно найти в лесу ту яму, куда я угодила. Сама я это место не обнаружу, значит, мне нужна помощь.

Я вышла из комнаты и пошла искать хозяйку. Домик был небольшим. Одноэтажный коттедж, сложенный из желтого камня, размером на пять комнат, со странной крышей, на которой я заметила чудные приспособления, вроде флюгеров. Я нашла женщину на заднем

дворе. Мне показалось, что старушка перебирала плоские, то ли металлические, то ли пластиковые пластины, складывала их рядами в отверстия решетки.

— Простите меня, — старушка обернулась и радостно улыбнулась мне, — научите меня своему языку? Для верности я показала на свой рот и махнула рукой вокруг. Потом ткнула себя в грудь и сказала: — Меня зовут Ульяна, а Вас?

Женщина чуть свела брови вместе и чирикнула:

— Илиана?

— Нет, — усмехнулась я, — Ульяна, можно Уля.

— Илья? — опять повторила она.

Я вздохнула и кивнула. Ладно, пусть будет Илья.

С этого момента я стала сознательно отсчитывать дни пребывания здесь. Женщину звали Вида. И она (бывает же такое!) работала лесником, присматривая за местным лесом.

Только через три недели я начала более-менее объясняться. И первой же просьбой было показать мне лес.

— Я хочу вернуться домой, Вида, — часто говорила я женщине и она понятиливо кивала мне, — я обязана найти ту яму, в которую свалилась. Она — переход между мирами.

Вида отвечала, что лес тянется на десятки тысяч улит (один улит приблизительно тысячу шагов, как потом я посчитала), и откуда я пришла — неизвестно. Чтобы обойти его весь, потребуется много месяцев. Я ответила, что готова ждать и буду учиться. На том и порешили.

Виде было сто десять лет (по-здешнему дат). Правда, я пока ещё не знала, какому количеству дней на этой планете равняется год, но судя потому, что сутки длятся почти столько же, сколько и на Земле, исчисление должно быть похоже.

Выглядела женщина отлично для своих лет. Была подвижна и энергичная. Тогда, когда она со мной не занималась, устраивала обход близлежащих участков леса (я всегда напрашивалась с ней), отмечала краской (что-то типа большого маркера) старые или больные деревья, они (объясняла мне она) предназначены для рубки. Я тщательно искала знакомую поляну, где я ночевала в первую ночь, или хотя бы пенек, где сидела — тщетно. То ли я была в таком неадеквате, что ничего не запомнила, то ли, когда убегала от мужчин, слишком запутала следы... Но я не унывала. Сколько того леса! Всего-то сотня тысяч квадратных километров!

Кстати, через неделю после моего «выхода в свет» к дому Виды пришел один из тех мужчин, что меня преследовали. Я ещё плохо понимала язык, поэтому в разговоре не участвовала. Спрятавшись в доме, с тревогой выглядывала в окно, прислушиваясь к незнакомому чириканью. Вида резко и грубо отвечала мужчине, тот, склонив голову, что-то бубнил, хлопая себя ладонью по груди. После тревожного для меня разговора мужчина, бросив пристальный взгляд на дом, нехотя развернулся и потопал в лес.

Когда женщина вошла в дом, я перепугано спросила, что он хотел? То ли я не поняла, то ли Вида пошутила, но, по-моему, я расслышала: «Тебя». Я ещё неуверенно себя чувствовала, периодически впадала в истерику и беспрерывно рыдала, так, что глаза тут же набухли слезами...

Вида ласково погладила меня по щеке.

— Не бойся, — произнесла она, тщательно выговаривая слова, — Бивар ничего тебе не сделает. Он просил иногда приходить в гости. Они не хотели тебя испугать, только познакомиться... И мне показалось, или она добавила слово «Охаживать? Обхаживать или ухаживать?» Я ещё плохо знала язык и испугалась.

Меня окружал абсолютно непонятный новый мир, я была оторвана от привычной жизни, от родителей, от друзей. Ощущение потерянности, безысходности, откровенной чужеродности всего, что меня окружает, ужасало. Я впадала в истерику быстро, даже не нужно было серьезного повода. Жутко трусилась и пугалась собственной тени. Тем паче незнакомого настойчивого мужчину. Но зато после очередного его прихода, видя мое паникерское состояние, старушка выделила мне из своих запасов темную плотную косынку и показала, как завязывать, чтобы прикрывать уши и часть скул.

— Ты не похожа на нас, — произнесла Вида, — будет лучше, если ты пока будешь прятаться.

Я с радостью согласилась. Прятаться — то основное действие, которое стало для меня актуальным на долгое время. Косынка очень помогла. Впоследствии я стала ее завязывать на манер древнерусских крестьянок. Полностью скрывая лоб, виски, скулы, оставляя открытым маленький треугольник на лице. Тяжелый узел длинных волос, забранных вверх, немного удлинил мой череп, сделав его похожим на местных. Я превратилась в пугливого, робкого мышонка, ходила за Видой, как привязанная, боясь отойти даже на пару шагов. Она стала для меня всем в этом мире — наставницей, подругой, кормилицей, защитницей.

Наши прогулки по лесу частенько превращались в лекции. Я рассказывала о своем мире, она о своем. Сначала меня интересовали теплые деревья и светящиеся листья. Потом, плита без огня, освещение дома без светильников, потом летающие предметы и много другого... Постепенно, день за днем, неделя, за неделей, я начала приобретать необходимые знания...

Мир, куда я попала, представлял собой развитую техническую цивилизацию. Но было существенное отличие от нашего — энергия, которая обогревала дома, рассеивала тьму, позволяла быстро передвигаться и готовить еду, была возобновляема, в отличие от земной. Я нашла только один подобный (и вряд ли их можно было бы сравнивать) источник энергии — наши электростанции, где сила воды заставляет крутить турбины... Пожалуй, все.

Здесь же, на планете Илимас, абсолютно все субстанции — камни, деревья, земля, металл и прочее, умели накапливать, сохранять и отдавать энергию. Зарядившись, в дальнейшем становились такими аккумуляторами. Деревья в течение дня накапливали энергию солнца и ночью отдавали ее, освещая лес и согревая путников. Из специальных камней строили дома. И песчаник, и гранит, и здешний аналог мрамора так же имели свою энергоемкость, рассчитанную на поддержание в доме определенной температуры в течение суток, освещения (сначала я даже плохо спала, так как полной темноты в спальне не было никогда — стены всю ночь светились слабым рассеянным светом). Местные ученые, зная энергоемкость каждого материала (и создавая новые, смешивая, сплавляя разные виды) могли приспособлять их под индивидуальные потребности.

Пластины из специального минерала, заряженные на ветру, приводили в движение легкие повозки, переносили по воздуху письма и посылки. Именно так, в первый мой день, Вида испугала меня летающей посудой. Она думала, что меня это развеселит. Потом женщина извинялась. Батареи, накопившие энергию мощного течения рек и морских прибоев, использовались в промышленности и на предприятиях. А заряженные на солнце,

отдавали тепло и свет.

Энергия пронизывала этот мир сверху донизу, даже деньги здесь были — копии маленьких энергетических батарей. Они делались из специальной редкой руды, добываемой в карьерах, и имеющей самую большую энергоемкость на планете. От вида энергии различались и ценность денег. Самой дешевой, естественно, были «солнечные» деньги, так как солнце было повсюду. Самой дорогой — гравитационные. Такая батарея заряжалась несколько лет и могла перемещать по воздуху тяжелые предметы и людей. Отличались деньги и по цвету. Солнечные энергетические батареи были желтого цвета, ветряные — голубого, водные — насыщенного синего... и так далее... Полностью заряженные батареи находились в специальных, удерживающих их магнитных ловушках. Иначе, батарею невозможно было взять в руки, она могла вырваться и улететь, или сильно обжечь, или еще что.

Кстати, человеческая кожа так же, пусть и немного, но умела накапливать энергию. Однажды я целый день пробыла на солнце и испугалась, когда вечером почувствовала у себя температуру. Я вся горела и светилась. Выслушав мои перепуганные вопли, Вида объяснила, что и человек так же умеет принимать и отдавать энергию. Но энергоемкость кожи слабая.

— Ты завтра постой хотя бы час на сильном ветру, Илья, — смеялась Вида, — а потом пробегись. Вот увидишь, как получится...

Я так и сделала. Тело словно потеряло десяток килограмм, стало легким, невесомым и быстрым. Правда, через час пробежки по лесу все вернулось на круги своя, но сама идея мне понравилась. Не понравилось только стоять на крыше несколько часов, «заряжаясь».

Это было безумно интересно для меня, человека, выросшего на механике и электричестве. Но более менее понятно... Совершенно непонятно было другое — в Илимасе всем управляли некие Боги. Услышав это, я впала в полнейший шок.

— Боги? У вас есть Боги? — ошарашенно лепетала я. — Ты их видела? Как они выглядят? Что делают? Это же невозможно... С ума сойти...

У меня не было слов. И восхищение, и страх, и неверие разрывали меня на части. Для меня это было так волшебно, странно, невысказанно. И то, что Вида так обыденно и просто об этом говорила, убивало. Мне казалось, нужно преклоняться, трепетать, боготворить, а она произносила слово «Боги» буднично и привычно.

— Илья, — говорила она, — ничего такого в этом нет. Мы привыкли к ним. Сколько длится наша цивилизация, столько они и управляют нами. Думаю, они есть и у вас в мире, но ты просто не знаешь...

— У вас есть материальное подтверждение их существованию? — наконец у меня включилось логическое мышление. До этого момента я ошеломленно сидела рядом с Видой и хлопала глазами. — Потому что у нас на Земле этого нет.

— Конечно, — заявила женщина, спустя несколько секунд, она до сих пор не могла привыкнуть к моему способу выражать мысли, особенно, когда я земные понятия пыталась втиснуть в их странный язык.

— И какое? — осторожно поинтересовалась я, ожидая чего угодно — от ездящих на облаках белобородых старичков в балахонах до эквивалента греческого Олимпа.

— Существуют Храмы, где Боги общаются с народом, — ответила Вида, — они расположены не в каждом поселении, но нам повезло, у нас он есть... И это хорошо, потому что сегодня утром мне пришло сообщение — Боги прознали о твоём существовании и требуют, чтобы ты зарегистрировалась.

Я тут же напряглась.

— Зачем? Мне и так прекрасно живется... — испуганно пробормотала.

С моего появления в этом мире прошло уже полгода (по моему земному исчислению). Я пока не нашла заветную яму, но не унывала. Несколько десятков улит леса вокруг Видиной поляны я уже хорошо знала, как свои пять пальцев.

— Все люди, живущие в гряде, должны быть зарегистрированы... В основном их регистрируют при рождении, но у тебя случай особый... — Вида с сожалением на меня посмотрела... — Илья, ты не нервничай, тебя сразу не переместят... Я скажу, что ты у меня на поруках.

У меня задрожали губы. Куда меня могут переместить? Какая регистрация? Сердце испуганно трепыхнулось, и слезы тут же выступили на глазах.

— Илья, — женщина погладила меня по руке, — тебе все равно придется вливаться в наш мир. Приспосабливаться. Я скоро буду уходить...

Я вытаращила глаза, ничего не понимая... Вида вздохнула.

— Илья, я тебе все расскажу. Сначала давай съездим в Храм и пройдем регистрацию, потом поговорим.

Пришлось послушаться. Как бы мне не хотелось сидеть в коттедже посреди леса и не высовываться, но Вида права — нужно начинать жить. А если мне придется быть в этом мире еще год? Если я не смогу найти эту чертову яму еще два или три года? Я старалась не думать об этом, не хотела думать о родителях, оставшихся в Москве, сестре, брате, и об их полном неведении относительно моей судьбы. Я с невероятным упорством и остервенением каждый день пропадала в лесу, наматывая улиты, но пока безрезультатно.

Наутро Вида достала из каких-то глубин странный трансформер. Раскрывшись, он оказался небольшой двухместной повозкой на трех колесах. Автомобиль был маленьким, легким и очень простым. Он отличался от наших навороченных машин с аудиоаппаратурой, камерами, климат контролем, как небо от земли. Сделан из странного материала, прочного и легкого. Не металл и не дерево... Двигателя нет, баков для топлива тоже. Похож на волшебные сани, из сказки о Емеле... Я обошла его кругом, надеясь понять принцип работы. Потом сообразила. Вида вынесла из-за дома несколько «ветряных» батарей. Вставленные сзади в специальные отверстия, они постоянно толкали повозку вперед, поэтому главной педалью был тормоз, а не газ, как у нас. И прежде, чем вставить батареи, Вида включила «ручник». Потом кивнула: «Залезай».

Батареи, как мне пояснила женщина, были самые дешевые и заряжались на крыше. Их хватало всего на одну поездку туда и обратно. Сама она редко ездила в поселок. Вещи, еду и почту ей переправляли прямо к коттеджу.

Мы залезли внутрь. Вида в очередной раз (третий за последнюю минуту) тяжело вздохнула и покачала головой. Еще утром, увидев меня, она впала в недоумение, и до сих пор не могла прийти в себя. А посмотреть стоило. Вырядилась я — хуже не придумаешь. Бесформенный балахон (сама сшила из отданных мне женщиной платьев), плотный серый платок закрывал почти все лицо. Выбеленные брови и ресницы превратили меня в бледную серую немочь, типа альбиноса. У Виды была кое-какая декоративная косметика, которую

она отдала мне несколько месяцев назад. Я постоянно экспериментировала и тренировалась с новыми неизвестными кисточками, магнитными порошками, красками, проводя свободные вечера за этим занятием. Впервые у меня были и время, и желание для косметических процедур, но вряд ли мои московские подружки обрадовались бы сейчас моим «умениям» украшать лицо.

Пудрила губы, рисовала новый контур, чтобы они казались тонкими и бескровными, клеила родинки и скашивала глаза. В общем — без отвращения не взглянешь. Я до жути боялась вызвать любой интерес к своей особе (те мужчины, которых я встретила в свой первый день, с завидной регулярностью попеременно появлялись у порога коттеджа). Сначала Вида просто отсылала их прочь, потом (когда я научилась более менее связно объясняться) стала приглашать меня на эти встречи.

Мужчины (а они, при ближайшем рассмотрении, оказались молодые и симпатичные, по местным меркам) попеременно приглашали в лес прогуляться (ага, щас!), сходить в ночник (сначала я испугалась, но потом Вида мне перевела, что это типа местного клуба, начинающего работать с заходом солнца). Скорее всего, их привлекала моя необычная внешность. Круглые большие глаза, непривычно изогнутые брови, пухлые губы, явная непохожесть на местных. Поэтому вскоре я стала ходить в балахонах, объемных платках и пользоваться косметикой, только совершенно в противоположных от красоты целях.

Ехали мы недолго. Коттедж лесника находился на самой границе леса, и до поселка можно было идти пешком за несколько часов. Его мы объехали по дуге, не заезжая. Я уже бывала в нем и ничего интересного не обнаружила — обычные домики, только опять же раскрашенные в яркие цвета и узоры. Но когда мы выехали за его пределы, тут я и обомлела. Вдалеке возвышалось высоченное строение, наподобие наших земных пирамид, только более остроугольное. Здание было абсолютно белым и сверкало на солнце так ярко, что глазам стало больно на него смотреть.

— Это и есть Храм, — произнесла Вида, обернувшись ко мне.

Я сидела с открытым ртом и медленно офигевала. До этого момента я не верила, что такое возможно. В моей голове не укладывались понятия «Боги» и автомобиль, технический прогресс. В полнейшем ступоре я сидела в кресле, пока Вида не дернула меня за руку, вытягивая из авто.

Мы вошли внутрь. Не знаю, что я собиралась увидеть, но огромное помещение было абсолютно пустым. Только золотая пыль сверкала в воздухе, медленно оседая на белый пол. Стены светились, потолок, купол над головой — все ослепительно сияло. Я прикрыла глаза от нестерпимой рези.

— Иди в центр, — тихо произнесла Вида, и я механически двинулась вперед, осторожно ступая по гладкому теплему камню.

Когда остановилась (мне показалось, я нахожусь точно в центре зала), сверху, из купола брызнул свет. Словно я попала под лазерный прожектор. Он окутал меня теплом, я почувствовала, как тело становится невесомым и легким. Обычно, после чего-то непонятного, я впадаю в панику, но сейчас мне было так спокойно и хорошо, что я заулыбалась.

Раздался негромкий мелодичный голос.

— Начинается регистрация, — прозвучал голос, — кто представляет особь?

— Я, — отозвалась Вида.

Я даже не повернула голову.

— Биологический возраст девятнадцать дат.

Внутри всколыхнулось возмущение, которое тут же исчезло. Мне двадцать четыре, а не девятнадцать. Но потом вспомнила, что год насчитывает здесь больше дней, чем на Земле, и день тянется тридцать часов, и если посчитать, то, наверное, мне действительно девятнадцать. Голос продолжал:

— Представитель, озвучьте имя.

— Илья Вида, — произнесла Вида. Как я потом узнала, имена в мире даются просто приставкой того, кто регистрирует человека. Если мать — имя матери, если отец — отца. Вот так все просто.

Свет засиял ещё ярче, хотя казалось, сильнее уже невозможно. Я закрыла глаза.

— Все? — прошептала испуганно.

Голос сверху не заставил себя долго ждать.

— Илья Вида зарегистрирована. Место настоящего проживания Гряды Актус 3. В двадцать лет вы должны сделать первый выбор.

Свет резко погас. Я чуть было не упала на пол от внезапного ощущения своего тела, такого тяжелого и неповоротливого. Почему-то побаливала правая рука. Иголочками колото до самого плеча. В глазах плясали зайчики. Осторожно, чтобы не упасть, я медленно потопала по направлению к выходу. Там и столкнулась с Видой. Я с трудом приоткрыла глаза. Старушка быстро шепнула: «Дома все расскажу». Мы сели в повозку и направились в лес.

И только после того, как разделась и сполоснулась в душе, я увидела на внутренней стороне запястья что-то вроде трехмерного штрих-кода. «Боги меня поместили», — мелькнула тревожная мысль. Я надела халат и потопала к Виде. Не отстану, пока она мне все не расскажет!

Оказывается, Боги в этом прекрасном (как я наивно считала ранее) мире были довольно строги и авторитарны. Они регламентировали всю жизнь людей, населяющих Илимас. До тридцати лет каждый человек на планете должен был сделать выбор. Точнее, три выбора — профессию, место постоянного проживания и пару. Как убеждала меня Вида, выбор осуществлялся по самым ярким способностям и предпочтениям, которые они видели в человеке.

— Какой ужас! — бесконечно восклицала я, слушая старушку.

То, что я была в шоке, после ее рассказа — ничего не сказать.

— А какой именно выбор я должна буду сделать в двадцать лет? — вспомнила я странную фразу, сказанную «Богам» в храме.

— Любой, какой угодно. Или профессию, или место, где жить, или пару, с которой заведешь семью. Эти действия можно делать в случайном порядке. Например, — Вида терпеливо объясняла мне правила, — если ты захочешь сразу выйти замуж, то дальнейшее твое действие — выбор места жительства будет скорректирован исходя из места жительства твоего избранника... А, возможно, вас переселят обоих.

— Значит так, — задумчиво озвучила я свои мысли, — чтобы искать переход между мирами, мне необходимо оставаться вблизи твоего леса, — я пристально смотрела на Виду

и, дождавшись ее кивка, продолжила, — опять же, пару я выбрать тоже не смогу, так как автоматически это означает замужество, и, возможно, переезд туда, где живет жених, — Вида кивнула опять...

— Значит, — сделала я вывод, — остается только профессия...

Я ужасно была расстроена и подавлена. Вида видела мое угнетенное состояние и пыталась приободрить.

— Илья, все замечательно. У тебя еще есть время.

Ага! Целый год вперёди! Иногда, от ее детского наивного оптимизма коробило. Вида в свои сто была похожа на жизнерадостную девочку. Я ни разу не видела ее хмурой или чем-то расстроенной. Она совершенно не удивилась моему появлению здесь. Приняла как должное переход между мирами. На все был один ответ: «Так решили Боги». Хорошо, наверное, когда есть на кого переложить ответственность.

— А профессия? — спросила я немного раздраженно. — Что нужно будет с ней делать?

Вида улыбнулась.

— Посмотри на меня. Мне всегда нравилась природа, лес, растения. Я с детства люблю возиться с огородом, цветами. Я — смотритель леса. Это как раз то, что мне больше всего хотелось делать. Так что ты не переживай, тебе Боги так же дадут заниматься твоей любимой деятельностью.

— А если нет?! — воскликнула я возмущенно. — Если они заставят меня рисовать картины или петь песни?

— Значит, у тебя есть талант к рисованию, просто ты об этом не подозревала, — весело заявила она. — Боги все знают о каждом человеке, о его предпочтениях и наклонностях...

— Р-р-р-р, — яростно зарычала я, перебивая старушку.

Во мне поднималась волна гнева. Я ещё не осознала всю масштабность сих божественных заповедей, но мне уже поплохело от них.

— Одна профессия на всю жизнь? Один мужчина на всю жизнь? Одно место жительства на всю жизнь? — сквозь зубы поинтересовалась я. — Так же можно со скуки сдохнуть!

И тут на задворках сознания забрезжило воспоминание... Я же сама хотела, чтобы в мире не было измен и предательства... Чтобы один любимый и на всю жизнь, гарантированно... Только вот мир не уточнила... Я тихонько застонала... Как говорится, бойся своих желаний, а то они могут исполниться.

— Подожди, — произнесла я уже более спокойно, — а если сведенные Богами женщина и мужчина не влюбятся друг в друга? Так и будут всю жизнь жить вместе, тихо страдая?

— Конечно, влюбятся, — успокоила меня Вида, — ещё раз говорю. Боги подбирают друг другу лучшую пару. Самую идеальную.

Я только скептически поджала губы. У меня не укладывалось в голове, что за меня будут решать, с кем мне спать и рожать детей.

— Ладно, будем надеяться, что за ближайший год я все же найду эту чертову яму, — пробормотала себе под нос, — иначе... Дело дрянь.

Вида сочувственно смотрела на меня. Она действительно, не понимала. Я прекратила препираться со старушкой. В чужой дом со своим уставом не ходят. Она так привыкла. То, что для меня кажется неестественным, для нее — понятно и привычно. Например, дождь, который шел каждый день в девять утра и в десять вечера в течение часа. Что ещё может быть естественнее?

— Вот скажи, чем ты занималась в своем мире? — после паузы поинтересовалась она.

Я тяжело вздохнула.

— Закончила институт. Специальность — бухгалтерский учет, управление и аудит, — и саркастически усмехнувшись, добавила: — А у вас здесь есть подобное?

Вида неуверенно покачала головой...

— Какие странные слова. Не припомню...

— То-то же, — вздохнула я.

— Боги лучше знают, — убежденно заявила женщина, — они обязательно тебе что-то придумают по твоим способностям.

Я не стала ее разубеждать в ее вере.

— Самое безопасное пока для меня — это выбор профессии. И если за эти четыреста дней я не найду проход между мирами, пойду в Храм именно для этого, — твердо решила я.

— Девочка моя, — Вида ласково погладила меня по руке, — ты привыкнешь. Боги добрые и милосердные, они будут во всем помогать тебе.

— Это как? — настороженно спросила я.

— Помогать в работе, — пояснила Вида, — люди, которые выбрали работу по профессии, данной в Храме, не бывают бедны. Они работают и зарабатывают. Им везет в этой сфере деятельности. Боги помогают им, направляют. Поэтому, если ты хочешь жизни в достатке, иди в Храм. Так поступают почти все...

Я ухватилась за последнюю фразу.

— Почти все? А что, есть те, кто не захотел выбирать? Кто пошел против системы? — меня охватил азарт.

— Конечно, — усмехнулась Вида, — бывают и такие... Люди ведь разные. Есть и, как ты сказала, «бунтари». Но их очень мало. Я встречала в своей жизни всего нескольких человек...

— И... — приподняла я брови, — что мне грозит, если я не пойду в Храм?

Вида нахмурила брови.

— Я бы тебе не советовала, — начала она, — тебя будут преследовать неудачи, бедность, боль...

— Боль? — воскликнула я, перебив старушку, — какая боль? У вас же нет болезней!

— Я не знаю, что это такое... — беспомощно смотрела на меня Вида, — я ее ни разу не ощущала, ведь я не слушивалась Богов, — но говорят... Человеку очень плохо. В конце концов, он умирает преждевременно.

— Понятно, — пробормотала я, — уничтожают бракованный материал. Добрые Боги...

Я надолго задумалась. Вида пошла на кухню готовить обед. Я поплелась за ней.

— А пару можно не выбирать? — опять задала ей провокационный вопрос. — Если я вдруг влюблюсь в какого-то мужчину и не захочу идти в Храм?

Вида ласково улыбнулась.

— И это тоже можно, — ответила она, — просто в таком союзе не будет детей. Дети появляются только при соблюдении условий, выставленных Богами... Каждой паре Боги определяют максимальное количество детей, которые она может иметь. Или вообще запрещают иметь детей. Мне, например, повезло. Мне разрешили троих.

— И где они? — с любопытством поинтересовалась я. — Почему живут не с тобой?

Вида посмотрела на меня, как на слабоумную.

— Они давно уже взрослые и выбрали...

То есть, додумала я фразу, переселились в другие места.

— Кошмар, — пробормотала под нос, — просто насилие над личностью... Не хочешь работу по приказу — будешь беден. Не хочешь переезжать — сдохнешь от заворота кишок. Не хочешь мужа по воле Богов — не будет детей.

А мысленно добавила: «Своеобразная селекция. Отсев неудобных. Или наоборот — отбор для скрещивания... И как всегда, прикрываясь заботой о благе народа. Знаем. Знаем».

Вида ловко нарезала мясо. Я вынула из магнитных ловушек несколько батарей для горячего и вставила по бокам в духовой шкаф.

— Ты привыкнешь, Илья, — произнесла ласково Вида.

Что ж, могло быть и хуже... Я могла бы попасть в мир, где процветает рабство. Или разумными существами были бы медузы... Ладно, подумаю об этом потом, на досуге. Я замуж не собираюсь и переезжать не планирую, так что все потом...

— Подведем итоги, — продолжила я пытаться Виду, когда мы уселись за стол, — что самое неприятное из всего этого?

— Если не выбрал профессию — человек будет бедным. Его будут преследовать неудачи, провалы, неурядицы. Если не выбрал пару — умрет бездетным, плюс все те же неудачи и проблемы. Если не хочет жить на своей территории, то вскоре его будет мучить сильная боль, такую вытерпеть невозможно. Выбирай.

— Ладно, — покладисто произнесла я, — а как тогда людям, которые богатые? У которых есть в этом округе... Ну, например, большой дом, бизнес (я сказала дело, но Вида поняла, о чем я говорю), много собственности... Я же видела в городе огромные особняки, богато украшенные автомобили... И вдруг Боги предписали переехать в другой район... Что тогда? Как он сможет забрать с собой всю свою недвижимость? Ценности?

Вида с улыбкой смотрела на меня, ее веселил мой серьезный сосредоточенный вид. Я как горный старатель, копала все глубже и глубже, собираясь добраться до истины.

— В каждом округе есть гильдии (перевела я слово похожее на управляющие комитеты). Они производят полную оценку имущества в денежном эквиваленте и меняют на такой же эквивалент в той зоне, где человек будет жить. В Храмах собраны все данные. Кто, куда и когда. Тем более что многое можно взять с собой, переезжающему даются несколько заряженных гравитационных батарей для перемещения, — Вида рассмеялась, — так что не бывает накладок. Боги все предусмотрели. А вообще, я тебе советовала бы не привязываться к определенному месту жительства. У нас все общее. Например, в этом коттедже до меня жило несколько семей, и после меня будут жить. Ничего удивительного в этом нет.

«Совершенно не похоже на наш мир. У нас дом или квартира — наша крепость. Особая неприкосновенная территория, которая наполнена личными вещами, эмоциями, запахами. А здесь? Не посмотрят, что человек привык к месту, познакомился с соседями, завел друзей. Нет — переезжай, и все тут!

— Я все решила! — заявила Виде после обеда.

— Ну и отлично, — улыбнулась она. — Когда идешь в Храм?

— Нет! — с изумлением воскликнула я. — Никакого Храма! Ты мне говорила, что до тридцати лет можно выбор не делать... Последствия будут, но незначительные. Подумаешь, не будет детей — ерунда! Немного живот поболит — потерплю. А так как живу я у тебя, то мне и деньги не нужны... Буду искать яму все десять лет. За десятилетие найду всенепременно!

Я широко заулыбалась, но осеклась, увидев печальное лицо старушки.

— Илья, — начала она неуверенно, — я не могу тебе обещать...

— Что? — всполошилась я, — что ты не можешь?

— Мой муж Патри умер год назад. Как раз перед твоим появлением здесь. Я вскоре хотела уйти за ним, но осталась из-за тебя...

— Что значит, уйти? — хрипло произнесла я, замирая от страшного подозрения.

— Илья, девочка моя, — ласково произнесла женщина, — мы сами в нашем мире выбираем, сколько нам жить... И многие пары предпочитают совместный уход. Бывают исключения, когда человек гибнет молодым. На работе или по собственной глупости... Тогда его пара может еще раз пойти в Храм...

— Подожди, подожди, — взволнованно зачастила я, — у вас люди сами выбирают, сколько им жить? И когда умереть?

— Можно сказать и так, — согласилась Вида.

— Круто! — воскликнула я. — Так вообще не умирай! Живи еще сотню лет.

Вида заулыбалась, и морщины солнечными лучиками разошлись по экзотическому маленькому личику.

— Нет, Илья. Я буду дряхлеть, стареть. Тоска и апатия поглотят меня. Мы с Патри прожили почти восемьдесят лет вместе. Мне очень грустно без него.

Мы помолчали, думая каждая о своем. Весь этот прекрасный мир — одна большая русская рулетка. Одна надежда на то, что Боги действительно подбирают лучшую пару и работу по твоим способностям. По крайней мере, Вида была в этом стопроцентно уверена.

— Илья, девочка, — женщина ласково погладила меня по плечу, — ты все поймешь со временем. Я вижу, что ты привыкла к другой жизни, но ты здесь. Для чего-то Боги перенесли тебя в наш мир.

Я удивленно посмотрела ей в глаза. Такая мысль не приходила мне в голову. Значит ли это, что меня специально сюда переместили?

— Наверное, потребовалась новая кровь для селекции, — буркнула недовольно, — эти ваши идиотские Боги... — Вида перепугано положила ладошку мне на губы и шикнула.

— Нет, Илья, — прошептала она, — ты неправа. У нас в мире нет болезней (именно от меня Вида узнала, что такое болезнь. До того, как я ей объяснила, что значит, болит тело, или мучает температура, или скрипят суставы в старости, она об этом и не помышляла). Нет войн. Как могут войска напасть на другую территорию, если при переходе границы у воинов случится заворот кишок или дикая головная боль? Нет перенаселения (об этой проблеме моего мира она так же узнала от меня, когда я ей рассказывала об огромных мегаполисах, где ютятся миллионы людей и пустующих землях, с плотностью населения один человек на тысячу квадратных улит)... Нет различных рас и противоборствующих религий, и, соответственно, проблем с этим связанных (и об этом она узнала от меня)...

Она еще долго меня убеждала в том, что жизнь у них прекрасна и великолепна. Я соглашалась, но несвобода выбора коробила меня больше всего. Я сделала единственный вывод из нашего долгого разговора — нужно усиленно искать «яму»... Пока Боги не заставили меня сделать то, о чем я пожалею.

Вида уговаривала меня принять приглашение Бивара (самого настойчивого из тех двоих

мужчин), но ещё слишком неуверенно себя чувствовала, что бы ходить на свидания. Мы жили обособленно. Профессия Виды, как лесника, не располагала к жизни в центре поселка, да я была и не против одиночества. Несколько раз мы с Видой ездили по магазинам (купить мне одежду, обувь, поменять батареи, узнать новости). Встречавшиеся нам жители, видя меня, не высказывали ни любопытства, ни удивления. Здесь все так привыкли к внезапным появлениям или исчезновениям людей, что для них это было нормой.

Поселок был словно нарисованным на картинке. Сказочным и идеальным. Ровные улицы, ухоженные дорожки, одинаковые чистенькие домики с яркими крышами, стриженные кусты и низенькие деревца — все было так красиво и чудесно, что даже немного бесило.

Зимы, такой, какой я помню по своему миру, на Илимасе не было. Наступило что-то похожее на прохладную осень, до морозов и снега дело так и не дошло. Может быть, потому, что все излучало тепло? Земля в том числе. Вида на время холодов дополнительно покрыла стены дома тонкими пластинами. Мне сказала, что они имеют большую энергоемкость, чем камень, из которого сделан дом, и лучше накапливают и отдают тепло.

В основном я сидела в коттедже или бродила с Видой по лесу. Я начертила кое-какую карту и планомерно исследовала квадраты леса, каждый день, углубляясь дальше и дальше. Я отходила почти на сто улит от дома, брала с собой еду, воду... Возвращалась домой поздно вечером, опять ни с чем. Больше всего меня пугало то, что я прошла мимо ямы и не заметила ее. Возможно, ее занесло землей или листьями... Или (что ещё страшнее) яму я нашла (я прыгала в любые, более менее глубокие и не очень), но проход закрылся.

Моей единственной целью стало найти портал, и я все силы бросила на это. Вида иногда уезжала на несколько дней, порой на неделю. Проводывала детей, гостила в других секторах или грядах. По размерам каждый сектор представлял собой территорию, равную около пятистам тысячам квадратных километров (однажды я целый вечер убила, пересчитывая улиты в привычный мне размер). Все гряды приблизительно были одинаковы по территории. Столица сектора совпадала по названию с грядой. Боги решили не заморачиваться и поделили планету на равные участки.

В этом мире был и общественный скоростной транспорт (что-то типа поездов). Так как долго находиться в других секторах не позволялось, то в гости и по делам ездили быстро и ненадолго. Дороги пронизывали материки насквозь, и за несколько часов можно было добраться до самых отдалённых секторов. Технически эти «поезда» (как-то я проезжала мимо трассы и рассмотрела все в подробностях) представляли собой пневматические трубы, внутри которых постоянно дул сильный ветер. По желобам с огромной скоростью перемещались узкие обтекаемые торпеды, в которых или сидели люди, или находились грузы. Ветер нагнетался искусственно, думаю, разницей давления между точками переходов. Из-за постоянно дующего ветра батареи в «поездах» все время были заряженные. Более подробно, увы, я ничего не смогла рассмотреть. Так как наука и техника в этом мире основывались на способности всех материалов принимать и отдавать энергию, то, скорее всего, принцип изобретений был далек от нашего земного. Иногда я замечала в небе летящие куда-то продолговатые предметы. Вида рассказывала, что если правильно рассчитать емкость батарей, направление и расстояние, то можно отправить из нашего дома посылку, и она опустится прямо на порог ее дочери в соседней гряде, когда полностью исчерпает батарею. Но лучше не рисковать и перемещать вещи с помощью специальных служб, типа почтовых, так как такие расчеты очень сложны, и их выполняют профессионалы.

Я уже год живу на Илимасе. Почти привыкла и не плачу по ночам, вспоминая свой мир. Мои желания поумерили свой пыл, стали на порядок слабее. Если раньше, я страстно стремилась найти яму и перенестись в свой мир, то теперь хотя бы дать знать родителям. Я исследовала весь лес, вплоть до границы следующей гряды. И ничего. Это как искать иголку в стоге сена. Иногда в голову приходила мысль, что мое перемещение — наказание. Наказание мне за мою зависть сестре, мои обиды и проклятия. Наказание за то, что я не ценила то, что имела. Свой мир, друзей, родителей. Я сама никогда не стремилась наладить с ними отношения, только дулась и обижалась. Завидовала сестре, ее красоте, таланту, умению вести себя в обществе, одеваться...

Я виновна и сейчас отбываю наказание.

Я прекрасно знаю язык, немного читаю и пишу. А вчера я с ужасом заметила в зеркале свои чуть вытянувшиеся кверху уши и удлинившиеся нижние клыки. Я заорала так, что содрогнулись стены коттеджа. Вида на мои крики не обратила внимания, только спокойно сказала:

— Боги тебя меняют под местную жительницу. Не знаю, сколько времени займут изменения. Думаю, несколько десятилетий.

— Не хочу! — взвизгнула я. — Как я с такими ушами появлюсь дома?

— Девочка, — Вида в последнее время стала какая-то тихая и неестественно спокойная, — будь готова, что ты никогда не вернешься к себе. Чем больше ты отвергаешь приютивший тебя мир и чем яростнее с ним борешься, тем хуже. Я скоро уйду, — и, видя мои перепуганные глаза, добавила, — да, Илья, уже совсем скоро. И я не хочу тебя оставлять одну в нашем мире. Ты упрямо не хочешь слушаться Богов...

Я насупилась.

— Зачем ты так неукротимо сопротивляешься? Шарахаешься от любого проявления мужского внимания? Одеваешься как...

Вида тяжело вздохнула и расстроено махнула рукой.

— Мой дом отдадут следующему леснику, которого сюда пригласят, а тебе придется уходить. И мне боязно за тебя.

Мои губы задрожали. Я шмыгнула носом и умоляюще сложила руки.

— Вида, не бросай меня, пожалуйста... Я пойду в храм и попрошу профессию, только останься ещё немного.

Вида тяжело вздохнула.

— Хорошо, Илья, я не уйду, пока ты не определишься с работой... Тогда я буду спокойна.

Как я ни отметала саму мысль об этом, нужно признать очевидное — я не могу дальше сидеть у Виды на шее. Пора вливаться в мир Илимаса. Мой эгоизм, нежелание видеть страдания приютившей меня женщины, уже вышли за рамки приличия.

Заторможенность и пассивность Виды в последнее время пугали. Словно у женщины

кончился заряд. Я сама давно уже делала все дела по дому, готовила еду и заряжала батареи. Даже отмечала в лесу больные деревья для рубщиков... Болезней здесь не было, значит ли это, что именно так умирают старые люди — у них просто пропадает страсть к жизни? Или человек — такая же энергетическая батарейка, как и все в этом мире?

Мужчины давно перестали приходить в гости, да и в поселке никто не обращал на меня внимания. Я своего добилась — выглядела ужасно. Мой глубоко въевшийся в кожу страх привлечь к себе внимание (в том числе мужское) за год отвратил от меня всех. В платке, закутанная с ног до головы, припудренные брови и ресницы, бледные тонкие губы — мой «выходной» образ.

Здесьние девушки и женщины почти все были красавицами и умело подчеркивали свое очарование. Яркая экзотическая одежда, раскосые глаза, подведенные косметикой, чуть выступающие изящные клыки над нижней губой придавали этакий сексуальный вид кошечек. До выбора пары мужчины и женщины позволяли себе все. Можно было даже не предохраняться — детей все равно не будет. Поэтому нравы в своем большинстве были вольными. Я не понимала, как можно встречаться, гулять, спать друг с другом, а потом просто пойти в Храм и выбрать мужа или жену? А как же чувства к оставленному за бортом кавалеру? Вида на мои вопросы просто пожала плечами и произнесла: «Воля Богов — закон»... И, в общем, эта беззаботная распущенная «жизнь» проходила мимо меня. Я ни разу за год не ходила на свидания, в ночник или ещё куда. Не было ни желания, ни возможности — я усиленно искала яму.

Я пообещала Виде поехать в Храм завтра, с утра, и собиралась сдерживать обещание. Мне было совершенно все равно, что за работу выберут Боги. Мыть полы, готовить в ночниках, разводить овец или шить одежду — я готова на все, только бы платили.

Но в итоге в Храм я так и не поехала. Случилось происшествие гораздо более страшное. То, что я совершенно не могла спрогнозировать. Какой-то идиот выбрал меня в жены.

Когда Вида получила послание из Храма, я заканчивала завтрак. Вчерашний день я полностью потратила на поиски ямы. Возвратилась глубоким вечером, грязная, заплаканная и злая. Почти не спала, поэтому с утра выглядела неважно.

— Илья, — произнесла Вида приподнятым тоном, я даже обрадовалась, давно не слышала от нее веселья, — произошло замечательное событие!

Естественно, мое сердце тут же упало вниз, горло перехватил спазм.

— Что случилось? — прошептала я перепугано.

— Пришел запрос из Храма. Твое имя было произнесено для некоего Гора Павна при выборе им невесты.

Я покачнулась и схватилась за крышку стола.

— Боже мой, — только и смогла прошептать.

— Илья, — зачастила Вида, — это же прекрасно! Тебе выбрали пару! Ничего лучшего для тебя и не могло произойти.

Я мысленно усмеялась. Куда уж лучше! Я была в ужасе, в шоке, в ступоре... Вида продолжала меня гладить по рукам, голове и приговаривала:

— Ты полюбишь, создашь семью, у тебя будут дети. Все к лучшему. Ты уже больше года

здесь и до сих пор не нашла свой проход. Смирись, девочка. Боги выбирают двух людей идеально подходящих друг другу. Вы самые близкие люди на всей планете. Ты обязательно будешь счастлива...

Вида тараторила без остановки, уговаривала, увещевала... Я почти все пропускала мимо ушей. Только одна мысль занимала меня — как я буду искать яму, если придется переехать в другую грядку?

Через время из Храма пришла краткая информация о будущем муже. Что — то типа небольшого обзорного буклета. Гор Павн жил в соседней гряде Оша (что, конечно, плохо, но могло быть и хуже, если бы он находился на противоположном конце планеты). Происходил из семьи богатых землевладельцев и фермеров. Имел профессию — рисовальщик (что это?) Проживал в одном доме со своим старшим братом и его женой. Тут я впала в задумчивость.

— Странно, — произнесла я, — Вида, а как может старший брат переехать к младшему? Или наоборот? По своему выбору... А если кому — то из них дали распределение в другое место? Как такое может быть, что бы родственники жили рядом, в одной гряде? Неужели, случайность? Твои же дети далеко от тебя.

Впервые на моей памяти лицо Виды нахмурилось.

— Илья. Я тебе не рассказала еще кое-что... Ты же понимаешь, что в нашем мире все люди равны? — Я кивнула. — Каждый, кто подчиняется воле Богов, живет благополучно, богато и спокойно.

Я кивнула опять.

— Но есть кроме бедных бунтарей ещё и богатые.

Я недоуменно уставилась на женщину и задумчиво произнесла:

— А я все думала, зачем в вашем мире богатство? Если все и так есть. Смысл зарабатывать деньги?

— Да, — ответила Вида, — за деньги... Я уточню. Огромные деньги можно купить в Храме для себя ВЫБОР.

Мои уши превратились в локаторы. Такого я даже не представляла.

— Продолжай, — замороженно выдохнула я.

— Если ты хочешь жить в определенном месте, это место можно купить. Так же и профессию. И пару. Боги на твой запрос в Храме озвучивают сумму. Она всегда огромна, иногда невообразимо. Если ты смог собрать деньги, ты платишь — Боги твой выбор одобряют. Вот и все.

Я потрясенно молчала. Значит, все-таки есть лазейки. Не все так ужасно. Этакое перераспределение денежной массы в мире.

— И сколько стоит выбор?

Вида поджала губы.

— Тебе столько за всю жизнь не заработать. Я только слышала об этом. В основном богачи пользуются этим способом, чтобы не отсылать любимых деток на край света, чтобы они жили рядом с ними. Но после того как заплатят, быстро перестают быть богачами.

— Значит, — сделала вывод я, — семья Гора очень богата, если смогла позволить жить братьям в одной гряде.

— Да, — согласилась Вида, — наверное. Или разорилась, после уплаты Храму цены за выбор.

— Мне все равно, — опять нахмурилась я, вспомнив о своей проблеме, и добавила, вспыхнув, — а я могу отказаться от свадьбы?

Вида вытаращила глаза.

— Нет. Нельзя отказываться, — расстроено произнесла она, — это великая честь, быть избранной. Даже престижнее, чем самой идти в Храм за парой. Если тебя посчитали для него идеальным выбором, значит, и он для тебя самый лучший.

Я надолго задумалась. Что делать? Яму за год с лишним я так и не обнаружила. Вида уже едва ходит, планируя уйти за грань совсем скоро. С парой мне (можно сказать) повезло, так как жених обитал в соседней гряде. Вдруг, если откажусь, следующий раз будет еще хуже?

— Ладно, — решительно произнесла я, — делать нечего, выйду замуж, — я истерически хихикнула, — если он мне, конечно, понравится.

Вида непонимающе уставилась на меня.

— Нет, вы соединитесь через Храм, он в своем Храме, ты в своем. После этого, вам дадут выбор, где жить, или в твоей гряде, или в его. И только после этого, он приедет к тебе, или ты уедешь к нему.

Я обессиленно съехала по стене.

— Мне что, выходить замуж, даже не видя, за кого?! — сердито крикнула я.

Вида испуганно залепетала.

— Илья, ты будешь счастлива с ним, вот увидишь. Только смирись со своей судьбой. Ты же мне говорила, что перед тем, как попасть к нам, ты ругала свой? Возможно, Боги тебе решили помочь и перенесли сюда?

Я устало закрыла глаза и несколько раз стукнулась затылком об стену. Больнее, ещё больнее, еще... Ну вот, немного отпустило.

Уговаривала я себя всю ночь. За год бесполезных поисков потеряла веру, почти утратила надежду вернуться в свой мир. Ушки немного вытянулись, уголки моих зеленых глаз чуть загнулись к вискам (совсем незаметно, но все-таки), клыки на нижней челюсти чуточку выросли, но пока не показывались из-под губ. Все это страшно нервировало, но выхода не было. Вида права — а если я здесь застряла навсегда? Тогда лучшим выходом из создавшейся ситуации был бы брак с самым подходящим мне человеком, моим «избранником», моим «истинным возлюбленным».

Вида удивлялась, что после того, как из Храма пришел запрос, прошло уже больше недели, а приглашения на свадьбу еще не поступало. Наконец, спустя почти десять дней после запроса, пришло сообщение: «Завтра регистрация в Храме. Ровно в полдень».

Ну что ж. Наверное, пора прощаться со своей привычной спокойной жизнью.

Регистрация в полдень. До нее я даже не узнаю, где буду дальше жить. Здесь, или в Оши, или еще где-нибудь. Снова вернулись паника и неконтролируемый страх. Кошмары меня преследовали и ранее, но в последнюю неделю стали досажать каждую ночь. Я падала в

бесконечную яму, в черный замогильный холод. Цепляясь ногтями за шершавые стены, сдирала ладони в кровь, срывалась и скользила дальше. Белый круг неба над головой превращался в точку, и я понимала, что никогда больше не увижу света. Я просыпалась в холодном поту со слезами на глазах, с безумно колотящимся сердцем, так же, как и в первые дни нахождения в этом мире. Ничего не изменилось, я как была трусихой, так и осталась.

Вида был непонятен мой страх. У нее на все был один ответ — Боги знают, как лучше, они помогут. Она уже едва ходила и разговаривала. Мне казалось, что она с нетерпением ждет, когда я покину ее коттедж, так она жаждала прекратить свое существование.

И как бы мне не хотелось, чтобы она пожила подольше, я должна была уважать ее выбор.

План у меня был такой — сразу же после бракосочетания встречусь с мужем (в Актусе или в Оше), а дальше — будем решать вместе, как жить. Если у него хватило мозгов пойти в Храм за женой, то пусть ее и обеспечивает дальше. Сюда я уже не вернусь. Вида даже не смогла встать, чтобы меня проводить. Я надела свой обычный балахон и замоталась платком. Камуфляж стал таким привычным, что я действовала на автомате. Мозги отключились, я, словно робот, собирала немногочисленные вещи в сумку.

Вида дала мне немного денег в маленьком поясном мешочке и взяла торжественное обещание, что я честно попробую приспособиться к семейной жизни. И если вдруг что-либо случится с мужем, я пойду в столичную распределяющую гильдию и попрошу работу. «Они обязаны подыскать тебе работу по профессии, Илья», — тихо прошептала Вида, прощаясь.

Я крепко обняла женщину, лежащую на диване, и поцеловала в щеку. Очень трудно было не расплакаться и не испортить и так непростое прощание. Больше года я живу на Илимасе, а трушу, как в первый день. Вида была права, я слишком затянула интеграцию в новый мир. Пряталась, маскировалась, боялась открыться. Сторонилась и мужчин и женщин. А теперь этот страх так прочно въелся в кожу, что без платка и балахона я чувствую себя голой.

— Ты хоть перед встречей надень что-нибудь нормальное, — прохрипела Вида, увидев меня перед отъездом.

Я махнула рукой.

— Конечно, переоденусь...

Бракосочетание состоялось быстро. Я опять стояла в белом луче, мое тело опять невесомо приподнялось, и меня опять охватил невольный трепет. Что Боги могли прочитать в моих мыслях? Не думаю, что что — то интересное, так как в них царил полный хаос. Боги ни о чем не спрашивали. Хочешь? Нет? Выбора они не предоставили. Только мелодичный обезличенный голос произнес в конце:

— Регистрация пары пройдена. Лимит детей — четверо. Место жительства — гряда Оша.

Не знаю, была я рада или нет. Лучше бы, конечно, было, если бы нас поселили в моей гряде, где я могла бы продолжать поиски, но и соседняя неплохо... И дети. Четыре — это хорошо или плохо?

— Не хотите передать что-нибудь мужу, Илья? — невыразительно поинтересовался

голос сверху.

Я хмуро буркнула: «Пусть встречает меня сегодня в три часа пополудни на станции Оши. Я приеду экспрессом из Актуса», — и вышла из здания, мельком взглянув на запястье.

Почему-то я не была удивлена — к моему обычному «штрих-коду» добавились новые значки... Значит, замужем.

Я впервые ехала так далеко, да еще и на экспрессе. Два ряда удобных обтекаемых кресел на воздушных подушках. Вагон был небольшим, со мной находилось, возможно, с десяток человек. Кто ехал с детьми, кто один. Кто в гости, кто по работе. Пересечение границы Оши прошло спокойно. Подлокотники кресел зажглись белым светом и голос произнес: «Пройдите идентификацию». Я присмотрелась к соседям — они все опускали руку со «штрих-кодом» в полосу света, и подлокотник загорался розовым. Я по аналогии сделала то же самое. У меня он зажегся зеленым... Что значат эти цвета? Допускаю, что розовый — это временный пропуск, зеленый — постоянный, так как Оша — мой дом на долгие — долгие годы...

На перроне меня встретил посыльный. Маленький летающий маячок носился вдоль состава и беспокойно попискивал: «Ищу Илью Вида». Я растерянно подняла руку на манер школьника. Маячок радостно пристроился рядом, стрелкой показывая направление. Я угрюмо побрела по направлению стрелки. Надеюсь, неизвестный абстрактный муж приехал меня встречать, иначе все было бы очень печально. Еще только подъезжая к Оши, я впала в тревожное мрачное состояние, а теперь и вовсе запаниковала.

Утром, вставив полностью заряженную батарею под брюхо чемодана, я тащила его за собой на высоте около метра. Сейчас же он летел за мной в районе моих икр. Еще немного, батарея разрядится полностью, и он упадет на землю. Нужно спешить. Не хотелось бы нести тяжелый чемодан в руках.

Статного темноволосого мужчину я увидела издалека. Он стоял возле шикарной повозки, небрежно облокотившись на дверцу, и лениво рассматривал снующих туда-сюда людей. «Какой красавец», — только и успела подумать я, как маячок последний раз пискнул, стремительно ринулся к нему и упал в протянутую красавцем ладонь. Тот недоуменно обвел глазами площадь перед собой, не задерживаясь взглядом на мне ни на секунду. Потом ещё раз. Наконец, красивые раскосые глаза остановились на мне. Сначала недоверчиво, удивленно, потом настороженно, а затем — ошеломленно. Я подошла ближе.

— Ты Илья Вида?! — воскликнул красавец.

— Угу, — пискнула я, от смущения растеряв весь словарный запас.

«Черт, — мелькнуло в голове, — я же забыла переодеться!»

Я совершенно позабыла, во что одета и как выгляжу. И так срослась со своей камуфляжной броней, что первые секунды встречи даже не поняла, почему у мужчины безразлично дрогнули губы и заледенел взгляд.

— Это невозможно, — прошептал он потрясенно, рассматривая с головы до ног.

Пока он фыркал и ругался сквозь зубы, я стояла и любовалась мужчиной, потихоньку избавляясь от панического ужаса. Он приехал! Он встретил меня! Он точно такой, какой мне представлялся в самых сказочных мечтах!

Широкий разворот могучих плеч, горделиво посаженная голова, точеные скулы, аристократический нос... Ах, куда там Паше, моей первой любви! Вот она, любовь на всю жизнь.

Я была так очарована им, не в силах оторвать взгляд от черных звериных глаз, что у

меня и мысли не пришло в голову, что я могу ему не понравиться. Подумаешь. Дома сниму платок, распушу волосы, смою пудру, и он увидит меня настоящую. И тут же влюбится. Мы же предназначены друг другу Богами. Так говорила Вида. Я — его лучшая пара в этом мире.

— Садись в повозку, — наконец бросил красавец мне, обходя машину с другой стороны.

И только спустя несколько минут после того, как мы тронулись, я поняла, что он так и не представился...

Его невежливость не испортила мое настроение. Впервые мне пришло в голову, что здешние Боги не так уж и неправы. Я села рядом с водителем, успев заметить, как Гор непроизвольно дернулся от меня в сторону, словно от прокаженной. Скорее бы добраться домой, умыться и одеться приличней. Я уже проклинала свою паническую тягу к переодеваниям. Но ничего... Мы женаты, у меня будет много времени, чтобы познакомиться.

Машина плавно покатила по улице. Я пару раз спросила об Оше. Об истории, архитектуре, школах, учебных заведениях... Презрительное молчание было ответом на каждый мой вопрос. Ну и ладно. Отвернулась и все свое внимание направила на осмотр достопримечательностей.

Город мне понравился. Широкие ровные улицы расчерчивали его на одинаковые квадраты кварталов. Радовали глаза яркие разноцветные крыши домов, украшенные флажками, флюгерами, резными деревянными и металлическими фигурками. В общем, в этом мире, как я заметила, любили все яркое и многоцветное. Стены, рамы, двери, даже кусты во дворах были раскрашены орнаментами, блистали украшениями или резьбой. Большинство домов было двух, даже трехэтажными. Много зелени, цветов, гирлянд. Мостовая выложена красивым желтым камнем с коричневыми прожилками, похожим на тот, из которого строили дома. «Наверное, вечером она светится, — подумала я, — как и дома, очень красиво». Да. Город был многолюднее и богаче, чем тот поселок, где я жила прошлый год.

Я опять перевела взгляд на Гора. Мой муж... Именно такие мужчины мне всегда нравились. Пашка был слабым бледным подобием, но все равно очень похож. Такой же высокий, худощавый, черноволосый. С темными пронзительными глазами, немного язвительной улыбкой, но обаятельной и сексуальной. Но этот... Кошачий разрез глаз, чуть выступающие клыки, высокие скулы. Нет слов, что бы описать его привлекательность. Сердце замирало от восторга — мне хотелось его съесть. Или хотя бы облизать...

Боже мой, неужели, я влюбилась? Я отрицательно мотнула головой своим мыслям. Нет, не может быть так быстро... Я — трезвомыслящая взрослая женщина. Мне почти двадцать пять лет (по моему исчислению, и двадцать по исчислению этого мира). Вида говорила, что Боги выбирают идеально подходящих друг другу мужчину и женщину. Я не маленькая, понимаю, что для настоящей любви этого мало. Но то, что Боги выбрали мне мужчину по моим внешним предпочтениям — уже абсолютно достоверно.

Через минут десять мы подъехали к большому трехэтажному особняку. Во дворе перед домом стояло что — то похожее на фонтан или бассейн. В центре находилась странная композиция. Сначала я даже не поняла, что это. По бурным волнам плыла сложная конструкция с вращающимися турбинами и раздутыми парусами. «Наверное, корабль», — догадалась я через мгновение. На планете же есть моря и океаны, я видела карты. Корабль яростно сражался с высокими волнами, но вода не переливалась через бортики фонтана, все действие происходило в центре. Это было так захватывающе, что я непроизвольно ахнула и

всплеснула руками.

— Что это? Откуда берутся ветер и волны? Я не вижу никаких приспособлений.

Впервые Гор обратил на меня внимание, и мне показалось, в его глазах мелькнула насмешка.

— Мой брат развлекается. Это замкнутый цикл.

— Твой брат изобрел вечный двигатель? — ошеломленно произнесла я. — Перпетуум мобиле?

Муж иронично приподнял угольно-черную бровь.

— Не знаю, что такое перпетуум, или как там, — ответил он, — но ничего вечного в этом нет. В любом случае, материалы из которого сделаны накопители, со временем разрушатся...

— Ах, да. Конечно, — пробормотала я и пошла вслед за Гором, периодически оглядываясь назад.

В доме нас ожидали. Мы вошли в гостиную, и навстречу с кушетки поднялись мужчина и женщина. Мужчина, как я сразу заметила, был очень похож на Гора, только немного старше. Такой же стройный, худощавый, черноволосый. Но уставший хмурый вид портил все впечатление. На непроницаемом лице застыла вселенская скука. Темные глаза равнодушно прошлись по мне с макушки до пяток, ощупали балахон, платок, задержались на физиономии. Потом точно так же равнодушно перевел взгляд на Гора, оставив меня в покое.

Женщина, стоявшая рядом с мужчиной, несомненно, была красавицей. Хотя, в этом мире все выглядели сногшибательно, но она была выше всяких похвал. Кошачьи раскосые глаза, умело подведенные косметикой, яркие причудливо изогнутые губы, волна иссиня-чёрных волос рассыпалась по плечам. Бесподобная фигура подчеркивалась обтягивающей туникой с высокими разрезами, открывающими стройные ноги в модных переливающихся лосинах. Сверкающие камни были инкрустированы на руках, и на щиколотках. В общем, вся она блестела и искрилась, как драгоценная статуэтка. Я почувствовала себя рядом с ней безобразной уродиной и страшилищем.

Как только она меня увидела, на ее лице мгновенно проступила брезгливая гримаса.

— Это подобрали тебе Боги? — произнесла она с отвращением, даже не поздоровавшись.

Хмурый мужчина, резко подхватил ее под руку, обрывая следующую фразу.

— Позвольте представиться, — сухо кивнул он, — я Рей, брат Гора, а я это моя жена — Пелея. Мы рады приветствовать Вас в нашем доме, Илья.

Думаю, им так же, как и мне, выслали буклет с моей краткой биографией. Очень интересно было бы его почитать... Что могли написать Боги обо мне, кроме имени и возраста?

— Очень приятно, — я мило улыбнулась, не разжимая губ, так, что бы не показать отсутствующие клыки, — у вас чудесный дом, и такой великолепный фонтан во дворе. Я поражена. Как Вам удалось создать это чудо?

Всю дорогу в машине я настраивала себя на дружественный лад. Это же мои новые родственники, значит, мне нужно быть вежливой и приветливой, несмотря ни на что. Вида

без устали твердила: «Тебе необходимо интегрироваться в новый мир». Вот я и стараюсь.

Мужчина едва заметно поклонился, принимая комплимент, и заинтересованно уставился мне в лицо, рассматривая более пристально. Я невольно напряглась.

— Ничего особенного, — ответил через мгновение, — это копия нашего парусника.

И, видя мое непонимающее лицо, добавил:

— Гор разве не говорил Вам, что мы выросли на побережье и часто катались на таких вот кораблицах?

— Нет, — пробормотала я, — мы не успели еще...

Мой голос обиженно угас. В действительности муж мне и трех фраз не сказал, всю дорогу игнорируя. Напрасно было бы ожидать, что он мне расскажет о своей жизни или поинтересуется моей.

В гостиной повисло неловкое молчание. Хозяйке надо было бы пригласить присесть или угостить чем-нибудь, но жена Рея смотрела на меня с такой неприязнью, что казалось, лучше умрет от голода, чем предложит обед.

— Поздравляю, Гор, — наконец произнесла Пелея, — Боги долго искали тебе такую уродку. Я за покупками, к обеду не ждите...

Она прошла мимо, благоухая чем-то экзотическим. Я осталась стоять в гостиной с двумя братьями. Мой муж вопросительно смотрел на Рея, словно спрашивая, что ему делать дальше. Тот вздохнул и произнес:

—Илья, Вам, наверное, нужно отдохнуть и распаковать вещи?

— Да, — неуверенно ответила я, — было бы замечательно.

— Гор, — обратился он к брату, — проводи жену в ее комнату.

Я развернулась к мужу. Тот дернулся от меня, словно обжегшись, но послушно потопал по лестнице наверх. Я пошла за ним. Он привел меня на второй этаж, распахнул вторую дверь по коридору и буркнул:

— Располагайся.

Сразу же развернулся и быстро пошел по коридору прочь. Я задумчиво закрыла дверь и медленно прошла по комнате.

Свершилось. Это мой новый дом. Только почему я не чувствую ни радости, ни удовольствия? Муж шарахается от меня, как от прокаженной. Даже не пытается узнать лучше. Невестка откровенно облила презрением. Рей еще кое-как пытался создать видимость гостеприимства, но у него также получается не очень. Неужели здесь ценят красоту больше, чем все остальное? Не помню, чтобы в Видином поселке, где я прожила год, так ко мне относились. Недоуменно посматривали на платок — да, было. Косились и шептались. Но чтобы оскорблять в лицо — никогда!

Сама виновата. Вырядилась, как пугало. Паникерша... Хотя, стоит признать, мужчины семьи Павн производили впечатление. Мой муж, конечно, намного красивее брата. Зато у брата жена красавица, каких свет не видывал. Но и стерва первостатейная. И эту идеальную пару подобрали Боги? Какой умный мужчина в трезвом рассудке женится на ней сам? Хотя я их совершенно не знаю, возможно, у них сходные характеры и любовь до гроба... Мне же тоже достался идеальный мужчина.

С глухим стуком чемодан шлепнулся на пол. Все — батарея сдохла. Где ее можно зарядить, и что вообще мне можно делать в этом доме, а чего нельзя? Хозяйка здесь Пелея. А я? Меня торопливо сунули в какую-то комнату и забыли... Стараюсь не паниковать раньше времени, тряхнула головой и принялась осматриваться.

Комната была большая, но какая-то безликая, словно здесь никто не жил. Минимум мебели, кровать, два кресла, небольшой столик. Теплый пол, желтые стены, окна выходят во двор... «Наверное, комната для гостей», — пришла в голову мысль. И я здесь гостя. Нежелательная. Стало грустно. Почти до слез. Опять навалилось одиночество, огромное, как вселенная. Виды рядом нет, нет даже того привычного мира, знакомого леса, сельского пейзажа, который я хорошо знаю и успела полюбить за прошлый год. Нет ничего.

«Хватит хандрить, Ульяна», — прошептала я под нос. Муж ещё не видел меня настоящую, дам ему шанс. Мы же идеальная пара, значит, нужно действовать. Решительно встала, сняла платок, размотала шиньон и пошла в ванную комнату.

Встала под душ, смыла пудру, крем. Укуталась в яркий пушистый халат, висевший в душевой, и посмотрела на себя в зеркало. Впервые за целый день.

«А я, оказывается, ничего. Даже по здешним меркам», — улыбнулась своему отражению. В зеркале отразилась молодая симпатичная девушка с большими зелеными глазами, тонким изогнутыми бровями и пухлыми губами. Раскосость ещё не была видна, но уши уже загнулись остроконечными кончиками. Волосы за год стали более рыжими. Стройная фигура, чуть припудренная веснушками белоснежная кожа. Непохожесть на местных бросалась в глаза. Но она же и привлекала.

Вида рассказывала, что из-за постоянного перемешивания людей в ее мире устойчиво преобладал черноволосый смуглый типаж. Никаких рас (типа земных) здесь не было. Девушки красили волосы и разрисовывали кожу, но в основном в яркие, эффектные цвета. Сиреневый, розовый, золотистый. Может, и мне рискнуть?

«Полюбит ли он меня? — подумала грустно, рассматривая чистое бледное лицо, и себе же ответила: — Со временем — обязательно. Мы же идеальная пара».

Нужно разобрать чемодан. Вида настояла, чтобы я купила в поселке модную одежду: несколько ярких туник, лосины, высокие легкие сапожки.

Я оделась, высушила и расчесала волосы. Собрала в растрепанный узел на затылке, ещё раз посмотрела в зеркало. Совсем другое дело. Нужно еще подкраситься, что бы сделать глаза раскосыми. Я навела стрелки, подрисовала брови, выровняв линию и удовлетворенно вздохнула. Теперь никто, даже стервозная хозяйка дома, не сможет назвать меня уродиной.

Прошел час, прошел второй. Никто не заглянул в комнату и не спросил, как я. Никто не пригласил обедать или просто даже не принес поднос с едой. Вывод — никому я не нужна, и никому до меня нет никакого дела. Я обследовала комнату вдоль и поперек, вдоволь рассмотрела пейзаж за окном, два раза распускала волосы и опять сооружала прическу на голове, три раза переодевала туники, выбирая покрасивее. В конце концов, решила — если гора не идет к Магомеду, он идет к горе. Пойду и я. Иначе совсем умру с голода.

Затолкнув обиду и возмущение глубже внутрь, открыла дверь и вышла в пустой коридор. Спустилась по лестнице в гостиную. Дом словно вымер. Ни хозяев, ни помощников, никого. И почему Гор живет с семьей брата? Неужели, у него нет денег построить или купить себе отдельный дом? В ознакомительном буклете было написано, что по профессии Гор рисователь, значит, и место жительства и профессию он уже выбрал. А сейчас и с женой определился... Какой молодец!

Я осмотрелась. Вдоль стены, выложенной неровным камнем, похожим на мрамор, стояла забавная конструкция миниатюрного водопада. Тоже — Perpetuum Mobile? Позаглядывая в разные комнаты, пытаюсь найти кухню, обнаружила еще несколько механических изобретений. Одно из них самостоятельно передвигалось по полу, всасывая в себя воздух. Мне тут же пришла в голову мысль, что батарея была заряжена на ветру, только он дует в другую сторону, создавая вакуум и поглощая пыль. Только куда она девается? Накопителей я не увидела. Я немного походила следом за «пылесосом». Когда он самостоятельно открыл дверь и поехал в другую комнату, я вспомнила, что очень хочу есть и принялась искать дальше.

В итоге, немного поплутав, нашла кухню. Прошла по полкам, кладовке, холодильнику. Нашла мясо, фрукты и овощи. Вскипятила чайник, разожгла плиту. Полчаса, и на моем столе появились рагу, салат и горячий напиток. С удовольствием поела. Настроение улучшилось. Вокруг столько всего интересного! Я жива, замужем за самым привлекательным мужчиной на свете, у меня все впереди, я красива, в конце концов! Захотелось найти муженька и посмотреть в его черные кошачьи глаза, пусть почувствует себя болваном.

Заулыбалась, представив его лицо, и вышла в гостиную.

Долго искать не пришлось. Заворачивая в очередной коридор, я вдруг услышала громкий рассерженный голос Рея:

— Ты ей не сказал?!

Я почему — то подумала, что разговор идет обо мне. Очень хотелось узнать, что обо мне думают родственнички... Замерла и прислонилась к дверному косяку, прислушиваясь.

— Еще нет, — Гор говорил сдавленно, почти жалобно, — боюсь ее реакции. Алана знает, что в Храме мне озвучили не ее имя, но не знает еще, что я женился.

— Дурак, — рассердился старший брат, — сам запутал ситуацию, теперь самому придется расхлебывать.

— Знаю, — опять послышался дрожащий голос мужа, — но, я так ее люблю. Безумно, страстно.

Догадка ударила обухом по голове, в висках сразу же запульсировало, в животе образовалась холодная тяжесть. Разговор шел не обо мне. Кто такая Алана? И почему мой муж поперся в Храм выбирать себе невесту, если у него есть уже любимая женщина?

— Женился бы на своей Алане, если так сильно любишь. Я нашел бы деньги для выбора... Собрал бы через несколько лет... — холодный голос Рея.

— Это ты способен идти против Их воли. Я не могу. Алана настаивала, твердила, что мы и есть истинная пара. Что в Храме для меня озвучат ее имя. Была так уверена. Она хотела выйти замуж по воле Богов. Я пошел в Храм — и мне дали уродку!

«Похоже на истерику», — отрешенно подумала я, прислушиваясь к визгливым крикам мужа. Я словно наблюдала за собой со стороны. Видела красивую рыжеволосую девушку, прислонившуюся к косяку двери, видела, как она прижала руки к горлу и судорожно глотнула, видела, как дрожат ее губы, как тонкие пальцы впиваются в кожу...

— Что же теперь делать?! — послышался... всхлип?

Мой муж — трусливый сопляк? Нет, если он действительно любит эту Алану, то кто я такая, что бы вмешиваться? Тогда почему в Храме ему не дали на ней жениться? Странные Боги... Разговор тем временем продолжался.

— Я боюсь, Рей, — произнес мой муж дрожащим голосом, — может, ты сам расскажешь Алане о свадьбе?

— Предполагаю, она уже все знает. Если не Пелея рассказала, то кто-нибудь обязательно просветил. Думай теперь, что говорить жене и любовнице.

— Какой любовнице? — возмутился Гор, — Алана единственная. Любимая. Женщина, которую я люблю и буду любить всегда...

— А как же Илья? — насмешливо поинтересовался брат. «Да, именно, — мысленно поддержала я Рея, — как же я?» Потом через время прогремел: — Ты что, за целый день ни разу к ней не зашел, пока меня не было?!

Муж что — то пробубнил. Мне послышалось: «Я тоже уезжал». Братья довольно долго молчали, остывая. Я уже намеривалась покинуть свой пост, как Рей примирительно произнес.

— Илья показалась мне вежливой и смышленной девочкой. Может, попробуешь познакомиться поближе. Поговорить с ней?

— О чем? — насмешливо хмыкнул муж. — Только увидела фонтан, сразу же открыла рот, как деревенщина, кем она, в сущности, и является. Всю жизнь прожила в глухом лесу, помогала леснику... В машине пялилась на меня, как влюбленная идиотка, задавала какие — то вопросы тонким заискивающим голоском...

«Боже мой, — мелькнуло у меня в голове, — неужели, я так смотрелась со стороны?»

— А ты видел, как она одевается? Уверен, она скрывает какое-то жуткое уродство, — продолжал муженек, — у меня мурашки от нее.

— Наивность и простодушие — это не пороки, — ответил Рей холодно и добавил, — а вот то, что она некрасива... Это, действительно, проблема. Для тебя, братец, особенно.

Они опять помолчали. Я ждала продолжения, никуда не уходя. Только бы в коридор не зашел кто-нибудь из работников. (Слуг как таковых на Илимасе не было, помощников по дому называли работниками сферы обслуживания).

— Гор, — задумчиво произнес старший, — если тебе дали Илью Боги, то она для тебя идеальная пара. Думай в этом направлении...

— Ага, спасибо, удружил, — буркнул едва слышно муженек, — сам то... Пелею тоже в Храме откопал. И сколько продлилось твое незамутненное счастье? Ребенка так и не родили, уже два штрафа было.

«Это еще что?» — насторожилась я.

— Плевать, — бросил Рей, — ты же знаешь, для меня главное — работа. У меня нет времени ни на ухаживания, ни на свидания, ни на нежные признания... А Пелея... Она идеальная для меня в некотором роде. Ей нужны только деньги... Она счастлива, когда они есть, и не требует от меня ничего более... Ни ласки, ни заботы... А детей она сама не хочет, так же, как и я. Так что — мы действительно идеальная пара...

Рей невесело рассмеялся, а мне стало страшно. Неужели и так бывает? Боги сводят вместе двух идеальных эгоистов?

— Ладно, — произнес мой дорогой муж, — пока отправлю в загородное поместье. В то, что с виноградниками. Она выросла с сельской глуши, ей понравится. А я буду здесь с Аланой. Устроишь, братец? — заискивающе произнес Гор.

«Ах ты, гад!» — мысленно возмутилась я.

Значит, меня в ссылку, а сам в столице с «любимой женщиной»?

— Как же дети? — спросил Рей скептически. — Рано или поздно тебе придется их заводить.

— Боже... — простонал Гор, — дети... Может через годик? Два? Пять? Меня стошнит,

если я к ней притронусь...

В голосе муженька послышались панические нотки. «Да не хочу я от тебя детей, — мысленно ответила ему, — ни за какие коврижки. И жить с тобой уже не хочу». Сейчас, не видя его прекрасного лица, я уже была не столь уверена в правильном выборе Богов.

Зачем я согласилась на эту свадьбу? Где были мои мозги? Я ещё некоторое время попричитала и потопала наверх, к себе. В глубине души я-то знала, что выбора, как такового, у меня и не было. Боги решили за нас. Только вот зачем им это было нужно? Сводить нас вместе. Хотя... Если бы я встретила Гора при параде, накрашенная и сияющая, результат мог быть совершенно другим. «Что ж. Не судьба».

Только я зашла в комнату, как на внутренней стороне двери нарисовалась сообщение: «Вас приглашают на ужин к шести часам». Есть мне, конечно, не хотелось. Но я все-таки пошла, что бы ещё раз увидеть этих напыщенных Павнов. Только теперь постаралась выглядеть ещё более ужасно, чем обычно.

«Даже немного перестаралась, по — моему», — подумала весело я, когда увидела опарашенные глаза мужа. Он крупно вздрогнул и поперхнулся напитком, который держал в руке. Даже старший братец криво изогнул губы, рассматривая мою «поразительную» внешность.

— Кошмар, — пробормотала хозяйка дома, — и «это» будет жить в нашем доме...
Прошу извинить. У меня испортился аппетит.

Пелея высокомерно встала, бросила салфетку на стол и проплыла мимо. Один готов.

Я невозмутимо села напротив муженька (чтобы он внимательно смог рассмотреть мое изуродованное косметикой лицо и прилепленную бородавку на лбу), взяла больше блюдо и принялась молча накладывать кушанья.

Я развлекалась по полной программе. Гремела приборами, роняла салфетки, чавкала и облизывала ложку. В общем, делала все, что бы выглядеть ещё более мерзко. Злобный коварный демон, который жил у меня внутри, совсем распоясался. Даже дома, с родителями, он проявлял свой жуткий характер. Частенько делал гадости и поступал назло. Когда был маленьким, ломал дорогие игрушки младшей сестренки. Потом портил и рвал дизайнерскую одежду, которую мне помогала выбирать Лерочка, дорисовывал рожицы на ее картинах, которые она мне дарила на праздники... Редко он выбирался наружу, но когда появлялся, доставалось всем...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Муженек выдержал недолго. Слабак!

— Я наелся, — вскочил он из-за стола и быстро ретировался.

Я с победным выражением на лице смотрела ему в след. Второй пошел... Остался последний.

Сначала Рей пытался поддерживать беседу. Но как-то уныло и негостеприимно.

— Расскажите немного о себе, Илья, — сухо вато произнес он. — Где вы родились, чем увлекаетесь?

Я видела по глазам, что я ему точно так же не нравлюсь, как и всем остальным. Надменно сжатые губы и скучающий взгляд ничем не отличался от грубых слов его жены или презрения муженька.

— Ой, — пискнула я, облизав большой палец и громко причмокнув, — че рассказывать то... Жила с теткой в лесу. Она у меня строгая была, никуда не пускала... Я даже в школу не ходила, — хихикнула и потянулась за очередной порцией десерта.

Я больше размазывала еду по тарелке, чем ела, но выглядело это отвратительно. Намеренно коверкала слова и ставила неправильно ударения. Рей с ужасом переводил взгляд с моих испачканных сладостями рук на заваленную едой тарелку.

— Но вы не думайте, я грамотная, — продолжала писклявым голосом, — Даже одну книжку прочитала... Как же она называется, — я прикусила кончик мизинца и подняла вверх глаза, словно пытаюсь припомнить.

Зацепила краем брезгливое выражение на лице хозяина. Он смотрел на меня, словно на таракана, и изо всех сил старался случайно не пристукнуть тапком. В конце концов, не выдержал и он.

— Договорим завтра, Илья, — мужчина встал. Его кресло плавно отъехало в сторону, — уже поздно. Желаю вам приятных снов. Надеюсь, вам понравится наш дом.

— А как же! — воскликнула я ему в спину. — Тут так клево! Все такое чистенькое и богатенькое... Прямо как в музее.

Стук захлопнувшейся двери и удаляющиеся шаги по коридору были мне ответом.

Третий тоже оказался не слишком силен. Я сидела за столом одна, словно последний оставшийся в живых солдат на поле брани, не давая сердцу погрузиться в отчаянье. Я победила в этой конкретной битве. Но почему-то ни радости, ни удовлетворения не чувствовала. Только горечь и желание плакать.

Утром меня разбудили громкие истеричные вопли, раздающиеся с первого этажа. Пронзительный девичий голос вгрызался в мозг круче циркулярной пилы.

— Как ты мог?! Ничего мне не сказал! — грохот чего — то разбившегося.

Я приоткрыла дверь и высунула кончик носа в пустой коридор. Слышимость стала лучше.

— Алана, любимая, — бубнил тихий голос моего мужа, — в Храме мне дали десять дней на приглашение. Я и так тянул долго, как мог.

— Ты мог вообще не жениться! Если не на мне, так ни на ком! — послышались горестные всхлипы, — я была так уверена, что мы с тобой идеальная пара. Почему Боги выбрали другую?

«Ага, стала бы я доверять каким-то Богам такое важное дело, как замужество... Глупая курица», — мысленно фыркнула я.

— Неужели она более красива, чем я? — продолжала причитать Алана.

— Что ты, милая! Если бы ты ее увидела, то упала бы в обморок.

— Что, такая страшная? — в голосе девушки я различила любопытство.

— Кошмар, — подтвердил Гор и затараторил возбужденно: — Алана, у нас ничего не изменится. Мы по — прежнему будем вместе. Я люблю тебя больше всего на свете... — звук поцелуев я ни с чем не спутаю.

Потом сразу сдавленный хрип и стон. Что так? Алана его стукнула?

— Что с тобой? — взволнованный голос девушки.

— Живот... — сиплый голос Гора.

«Так тебе и надо, — злобно подумала я, — будешь знать, как целоваться с любовницами!»

Некоторое время ничего не происходило, то ли они вышли из гостиной, то ли разговаривали шепотом.

— Но она должна родить тебе ребенка... — донесся до меня всхлип Алаңы.

И следом шепот мужа:

— Никакого ребенка не будет...

— Но, Боги...

— Плевать, у нас есть еще много времени, что-нибудь придумаем...

— Она будет жить в твоём доме...

— Нет, я отошлю её на ферму, пусть возится с огородом и животными. Там ей самое место...

И так далее. Я слушала этот лепет, прерывающийся руганью и упреками, а мои щеки полыхали то ли от гнева, то ли от стыда... Вот вляпалась, так вляпалась. Мне хотелось уйти сейчас же, куда глаза глядят. Но рассудок не позволил броситься в омут с головой. Я без профессии, без денег, едва умею писать и читать, куда я пойду? Я чувствовала себя, как рыба, выброшенная на берег. С выпученными глазами, задыхаясь, корчась от ужаса, я пыталась найти решение.

Или сдохнуть, или отрастить ноги. Третьего не дано. То, что я год прожила в лесу, не прибавило мне уверенности в себе. Хотела легкой жизни? Выйти замуж, плыть по течению? Бесплатный сыр только в мышеловке, Уля...

Сцепив зубы, вернулась в свою комнату и заперла за собой дверь. Предстоял долгий день.

Уже месяц я живу на «ферме». Хотя «фермой» эту милую живописную деревеньку, состоящую из большого коттеджа Павнов и нескольких домиков поменьше, в которых обитали работники, можно назвать с большой натяжкой. Современные здания с солнечными батареями на крышах, окруженные плодородными полями, садами, виноградниками, оснащёнными самыми разнообразными устройствами, произвели на меня благодатное впечатление.

Муж струсил и даже не вышел утром к завтраку, предоставив братцу объяснять, как великолепно мне будет в деревне, как близка мне по духу сельская местность. Я чуть не прослезилась, слушая его уговоры, где мне и с кем будет лучше жить.

«Как же я вас всех ненавижу», — крутилось в голове.

Анализировать и размышлять о чём-либо не было желания. Запихнув в багажник многострадальную сумку с обновками, я молча села в авто и всю дорогу молча дулась.

— Вот увидите, Илья, — попытался замять проблему Рей, ведя машину, — Вам понравится. Поживете несколько лет... — он запнулся, перехватив мой пылающий злобой взгляд, — обвыкнитесь. Вы же раньше занимались садоводством и ухаживали за животными?

«Лесничеством, — фыркнула я мысленно, — я занималась, если так можно сказать, лесничеством». Они даже буклет не прочитали, идиоты. Я молчала, лелея свое раздражение и гнев.

Наверное, именно он и помог мне не упасть в депрессию, оставшись одной в большом

незнакомом доме, где — то за городом, в глухой местности.

Даже удивительно, но в деревне мне действительно стало лучше. Я, наконец, успокоилась, раздражение улеглось. Голова прочистилась. Никто не виноват в том, что со мной произошло. Не полюбил муж с первого взгляда — сама виновата. Отправил в деревню — нужно находить плюсы из своего положения. Первые несколько дней я осматривала дом, потом пошла знакомиться с соседями. А вскоре вовсю помогала им работать в поле, потихоньку расспрашивая, узнавая биографию и характер своих «вынужденных родственников».

Мой план «найти яму» никуда не делся. А чтобы его реализовать, мне придется полностью изменить жизнь. Скорее всего, я ненадолго задержусь здесь. Нужно поселиться поближе к границе с Актусом, что бы делать периодические вылазки в лес. А для этого необходимо научиться самостоятельности. Зарабатывать деньги, найти дом, работу. Увы и ах... Похоже, придется идти в Храм...

Но пока я наслаждалась каникулами на свежем воздухе. Несложный труд в поле, прекрасная погода, летний дождик утром и вечером, приятные знакомые, веселые посиделки с девушками и юношами за стаканчиком местного вина. Я не красилась так сильно, как это делала в столице. Просто завязывала косынку, закрывая лоб и уши.

— Мина, — обратилась я к молодой симпатичной девушке, — а почему ты работаешь на семью Павнов? У тебя же профессия такая же, как и у Рея? Фермер?

Девушка хихикнула.

— Можно работать на себя, можно на кого-то... Работа от этого не меняется, только зарплата выше...

Она ловко обрезала виноградную лозу (здесь она называлась градоочка) и складывала обрезки в медленно ползущую за нами платформу.

— Конечно, как и все, сначала я пошла в гильдию. Но там дают стандартную зарплату по гряде. Хватает только на необходимые нужды, дом, еду, одежду. А мне хочется много всего... — девушка мечтательно уставилась вдаль.

Я скептически хмыкнула.

— А мне говорили, что если профессию выбрал в Храме, то бедным не будешь...

— Угу, — согласилась она, — бедным нет, но и богатым тоже.

Я весело рассмеялась. Оказывается, порядки везде одинаковые. Что в моем мире, что здесь. Хочешь жить — умей вертеться...

— То есть, частники платят больше? — поинтересовалась я. — Конкретно, семья Павн?

— Ага, — кивнула она, — перед ними я работала на Фирков, ухаживала за скотом... Но постоянная вонь и грязь меня доконали... Лучше уж фрукты собирать.

— Странно, — произнесла я, едва успевая срывать одну гроздь, против трех Мины, — я видела такие интересные творения Рея Павна в его доме, почему же он фермер?

Мина пожалала плечами.

— Пути Богов непостижимы, — перефразировала почти точь-в-точь земную фразу, — они глядят в далекое будущее, нам этого не понять. Может, Рей достигнет большего и принесет больше пользы обществу, работая фермером, чем создавая роботов?

Я нахмурилась.

— Полезность для общества — это не все, — буркнула недовольно, — работа должна приносить, прежде всего, радость и удовольствие. Желание двигаться вперед, творить.

— Откуда ты знаешь? — фыркнула Мина. — Возможно, он радуется?

И, посмотрев на мое скептически скривившееся лицо, добавила, нахмурившись:

— А почему ты так интересуешься Павнами? Ты им родственница?

— Нет, конечно, — натянуто рассмеялась я, — просто наши родители дружили, а меня случайно распределили сюда. Вот я и попросилась пожить у них, пока не определюсь с работой. Присматриваю за домом.

Врать я не любила, но и правду говорить не могла. Слава Богу, Мина не умела долго разговаривать на серьезные темы.

— Пойдем сегодня вечером в ночник? — улыбнулась она лукаво. — Они целую неделю заряжали платформу на ветру, сегодня можно будет ее опробовать и полетать...

— Конечно! — заулыбалась я.

— Только одень что-нибудь приличное, а то смотреть тошно, — добавила девушка.

— Я подумаю, — неопределенно произнесла я в сторону и принялась ещё усерднее обрезать виноград.

Муженька за месяц ни разу не видела. А вот старший братец частенько приезжал на ферму. Я просиживала целый день, закрывшись в комнате, или убегала к Мине, в ее домик. Не хотела встречаться ни с кем из этой семейки, ни видеть их, ни знать. Рею нужно было отдавать дань Богам, работая фермером, хотя, как мне кажется, он с большей радостью занимался бы своим хобби, чем сельским хозяйством. Он выращивал овощи и фрукты, делал вино, продавал древесину, корм для животных и еще много всего разного. Ферм у него было три или четыре. Все небольшие, расположены в одной гряде. Конкретно на этой выращивали виноград и яблоки. Где-то на севере Оши были ещё несколько. Хотя я не права — хобби Рея приносило пользу и немалую. Разные механические приспособления: давилни, тележки, подъемники и прочее были (по словам Мины) сконструированы им своими руками. Все это прекрасно вписывалось в его фермерское божественное предназначение.

Я же училась, читала, общалась, впитывала в себя, как губка, знания этого мира. То, что отказывалась изучать, живя у Виды в лесу. За несколько месяцев я узнала многое.

Телевизоров и радио на Илимасе не было. Народ гряды почти ничего не знал о том, что происходило в соседних. Хотя, что могло произойти? Все одно и то же. Ни войн, ни конфликтов, ни религиозных распрей. Одна работа на всю жизнь, один муж (жена), одно место жительства...

Со скуки умереть.

Новости, если таковые были, распространял Храм, присылая послания по воздуху. Молодёжь, пока не выбрала пару, развлекалась в ночниках. Девушки тратили деньги на украшение тела, волос, одежду и разные безделушки, мужчины — на дорогие игрушки, повозки, летающие платформы и прочее.

Унылое бесцельное существование. Достижения? Сверхшения? Прогресс? Нет, не слышали.

Адреналин? Соревнования? Стремление к успеху? Зачем, если двигаться некуда? Выбора нет — все решают Боги. Мина говорила, что ее подруга бежит в Храм чуть ли не каждую неделю. То платье не может выбрать, то с кем пойти на свидание.

— Неужели, Боги даже по таким мелочам дают совет? — ужаснулась я.

— Конечно, — улыбнулась девушка, — я вот перед увольнением тоже пошла в Храм.

Мне посоветовали переехать к Павнам. Они больше платят.

— Но должна же быть своя голова на плечах, — пробормотала я.

Мина удивленно посмотрела на меня.

— Зачем напрягаться? — ответила она. — Боги же лучше знают.

Я согласно кивнула и не стала продолжать разговор. И так Мина периодически интересовалась натуральной ли цвет моих волос и откуда у меня такие круглые глаза. Почему у меня маленькие клыки и длинная шея. Я отвечала, что там, откуда я приехала (назвала выдуманную гряду — Москва), все такие. А так как Боги не стремились просветить народ по части географии, Москва могла быть где угодно, хоть на противоположном конце Илимаса.

На следующий день меня с утра не покидало тревожное чувство. Сначала я обожгла руку о солнечную батарею, неправильно вынув ее из ловушки, потом расплакалась, получив сообщение Храма об уходе Виды. Она попросила сообщить мне, когда ее не станет. Я вспоминала добрую энергичную старушку, которая стала мне почти родной бабушкой, и чувствовала, как рвется последняя нить, связывающая меня с прошлым. С тем лесом, откуда я появилась здесь.

— Нет! — вскочила я на ноги и заорала в пустоту комнаты. — Я не смирюсь! Я буду искать и найду эту яму! Я вернусь домой, чего бы это мне не стоило!

Я заметалась по комнате, сжимая кулаки. И так бесполезно потеряла несколько месяцев, пора решаться. Теперь я не та необразованная, забитая деревенщина, сейчас я знаю, что делать...

Вдруг я услышала шуршание колес повозки. Осторожно выглянула в окно и увидела подъезжающего к дому Рея. Ну вот. Прекрасное завершение дня, теперь придется весь сегодняшний вечер и завтрашний день сидеть в комнате или, закутавшись в балахон, шнырять, как шпион, по дому, стараясь не встретиться с деверем.

— Илья, мне нужно с тобой поговорить, — голос Рея прозвучал прямо возле двери.

Я только вышла из душа и была явно не готова принимать посетителей. Рея не было слышно почти целый день, он где-то пропадал в поле, разговаривал с работниками, что-то строил. Я видела его повозку мелькающую между домами и складами... Вот бы и уезжал в Ошу, не отдавая день вежливости жене брата, особенно, если это ей совершенно не нужно.

— Говори, я слушаю, — прохладно ответила я.

Дверь была заперта (с недавних пор я всегда их запираю), разоблачение мне не грозило, но стало немного не по себе. Я плотнее запахнула халат и принялась вытирать волосы.

— Может, спустишься вниз в столовую?

— Нет, мне и здесь хорошо, — я уселась на кровать, взяв расческу.

Мужчина немного помолчал. Потом, выдавил:

— Илья, через несколько дней сюда приедет Гор. — Я перепугано перевела взгляд на дверь, словно мой муженек уже стоит в коридоре. Рей продолжал: — И вы попытаетесь познакомиться поближе.

— Это еще зачем? — я не удержалась от насмешки в голосе.

— Всплыли некоторые факты, которые ранее не были учтены Гором, — туманно заявил Рей, — и мной тоже. Он все объяснит при встрече. К тебе большая просьба — постарайся привести себя в порядок. — Я сузила глаза от злости. — Гор большое значение придает внешности.

— Моя внешность — его проблемы, — фыркнула я, — твой брат потерял мое расположение. Я не собираюсь делать что-либо для него.

— Тебе придется... — категорично произнес Рей. В его голосе я услышала странную смесь приказа и просьбы, — вас свели Боги, теперь вы вместе навечно.

— Как свели, так и разведут, — заявила я насмешливо, — и вообще, нет ничего «вечного».

Походу, я сама себя переплюнула. Такое высказать... Тому, кто всю жизнь прожил в мире, где нет разводов, самостоятельного выбора и неподчинения приказам Богов.

Рей некоторое время молчал, переваривая услышанное...

— Открой дверь, — вдруг решительно произнес он.

— Это еще зачем?

— Я хочу увидеть тебя, Илья. Ты странно разговариваешь.

— Совсем не обязательно меня видеть, — ответила быстро.

Я стояла с другой стороны двери, почти прижавшись к ней, напрягшись всем телом и сжав кулаки. Сердце стучало как бешеное. Наш разговор перешел всякие мыслимые границы разумности, и я боялась, как бы он что-то не заподозрил.

Ручка двери повернулась, потом дверь пару раз сильно дернулась. Я замерла от страха. Нет, отступил...

— Упрямая глупая девчонка, можешь сколько угодно упираться, но рано или поздно придется смириться.

Мне показалось или в его голове проскользнула горечь?

— Брак навечно, Илья, — тихо добавил он, — привыкай...

И когда уже шаги почти затихли в коридоре, я услышала громкое:

— Я отправлю Гора сюда завтра. Начинай готовиться уже сейчас...

«Начну», — заскрежетала я зубами бессильной злобе.

Обернулась назад и посмотрела на комнату, где прожила несколько месяцев. Все. Конец... Пора пасторального отдыха закончилась. Решено — завтра меня здесь не будет.

Как только замер вдали шорох колес повозки Рея, я принялась собирать чемодан. Взяла продукты в дорогу и оставшиеся деньги, еще те, которые отдала мне Вида. Так и не пришлось ими воспользоваться. Теперь только вперед.

Ближайший Храм находился в нескольких улитах от фермы Павнов, но я решила сесть на экспресс и поехать дальше, в городок Турис, на юге Оши, он являлся самым близким к гряде Актус. Если все сложится удачно, то я буду жить на границе с лесом и смогу периодически выбираться на поиски ямы.

Все приготовления были сделаны, осталось только попрощаться с подругой.

Я всегда уходила от вопросов о себе, скрывала настоящую причину появления на ферме, плела сказки о друзьях, знакомых, отдыхе перед предстоящим выбором в Храме. Но этим

вечером я была так растеряна и дезориентирована, что на вопрос Мины: «Что случилось?», рассказала ей о Горе и о своем корявом «браке».

— Ну он и идиот! — расхохоталась она. — Теперь он в твоих руках...

— В смысле? — не поняла я.

Мина посмотрела на меня недоуменно.

— Откуда ты приехала, Илья? Иногда у меня такое ощущение, что ты ничего не знаешь о нашей жизни.

— Я... — неуверенно начала я. — В общем, жила далеко и очень уединенно. Почти в лесу... Ни с кем не общалась. Пока не пришел запрос из Храма, я и слыхом не слыхивала об ваших порядках. Так что ты имела в виду, когда говорила о том, что муж в моих руках? — напомнила я Мине ее слова.

— Это значит, что твой муж не может чисто физически заниматься сексом ни с кем, кроме своей жены после регистрации брака в Храме, — хихикнула Мина и, увидев мои круглые ошарашенные глаза, добавила, — его любовнице можно, пока она не вышла замуж, а ему уже нет. Хотела я бы посмотреть на его рожу, когда он ее целовал...

Я неуверенно улыбнулась.

— Мне когда-то говорили, что в ва... — я запнулась и тут же исправилась, — в нашем мире пары выбираются из двух идеально подходящих друг к другу людей. У меня в Храме не возникло никаких сомнений, что может быть по — другому...

Мина задумалась на мгновение.

— В большинстве случаев так оно и есть. Но иногда, очень редко бывают проколы. Не знаю, с чем это связано. Предполагаю, что Боги просто не смогли подобрать пару, потому что она или занята, или такой пары нет в нашем мире, — девушка грустно вздохнула и принялась нервно тереть кончик пояса. — Я сама бы никогда этого не узнала, если бы...

Она горестно вздохнула. Было видно, как ей тяжело говорить. Всегда веселая и улыбкавая, в один миг она стала тихой и печальной.

— Когда мне было пятнадцать, моя мама влюбилась...

Я удивленно приподняла брови:

— В отца?

— Нет, конечно, — грустно рассмеялась Мина, — если бы... Я была уже взрослая и понимала, что происходит что-то плохое. Она стала другой, нервной, вспыльчивой. Пропадала целыми днями, ругалась с папой. В нашем доме поселилось горе. Младшие сестры плакали, отец был в отчаянье. Я бы никогда не узнала, но однажды увидела маму с ее возлюбленным в парке, на окраине города. Я спряталась за деревом и жадно наблюдала за их объятиями и поцелуями. Вдруг мама со стоном согнулась в поясе, словно ее резко ударили в живот. Я испугалась. Она плакала и стонала: «Больно»...

— А как же мужчина? — осторожно полюбопытствовала я.

— Не знаю... — пожалала плечами девушка, — с ним было все в порядке. Может, он был свободен на тот момент или вдовец...

Мина замолчала надолго. Я смотрела на миленькое смуглое лицо и не знала, что сказать.

— В общем, из маминой любви ничего не вышло. Трудно любить, если при каждом поцелуе тебя скручивает боль. Через несколько месяцев они с папой опять стали разговаривать, иногда обниматься... Но тепла в нашей семье уже не было. И как только мне исполнилось восемнадцать, я пошла в Храм выбирать новое место жительства...

— Да, — произнесла я отрешенно, переваривая услышанное, — похоже на тюрьму.

А сама подумала: мало того, что насильно женят, так ещё и разводов нет. И как я могла мой мир променять на это убожество? Что меня ждет дальше?

— А что такое тюрьма? — тут же поинтересовалась Мина.

Я непроизвольно напряглась.

— У вас иногда запирают животных в клетках? — мучительно пыталась выкрутиться я. — Скот или домашних животных?

— Да... — недоуменно ответила она.

— Так вот, эти клетки и называют тюрьмой. Если запереть человека в комнату насильно и не выпускать оттуда, то... — я развела руками.

Мина с ужасом на меня глядела.

— Где ты росла? — прошептала она. — У вас что, запирали насильно людей?

— Нет, конечно, — напряженно рассмеялась я, — только животных... Но если теоретически перенести это на людей...

— Молчи! — воскликнула Мина. — Я даже думать об этом не хочу! Какой ужас! Давай больше не будем об этом говорить... Расскажи лучше о своем муже. Что он за человек. Я видела Гора всего один раз и то мельком. Он вроде рисователь? И много домов он украсил?

Я, смеясь, рассказывала о том единственном дне, который провела вместе с мужем, а в голове крутилась назойливая мысль: «Запереть мужчину и женщину в брак навечно, это значит нормально, а посадить человека в клетку — кошмар и ужас!» Двойные стандарты.

Солнце стояло в зените, когда я вошла в Храм города Турис. Пришло время самостоятельно строить свою жизнь, пришло время выбирать профессию.

— Управляющий, — раздался механический голос сверху.

Руку опять кольнуло, вычерчивая новый завиток в штрих-коде. Я растерянно моргала. Какой еще управляющий? Чем? Над кем?

Я никогда в своей жизни ничем не управляла. Наоборот — бежала от ответственности, как от огня.

Медленно переставляя ноги, вышла из Храма. Хочешь не хочешь, выбор сделан, нужно идти в распределительную гильдию за работой. Слабо что соображая, ориентируясь по сияющим указателям, я побрела по улице.

Удивительно, но в гильдии работали люди. Я уж думала, что мне придется сесть в какое-то кресло с нимбом над головой, и оно само скажет, куда идти... Но нет — унылого вида служащий ткнул мне в руку странного вида жетон с номером и буркнул:

— В конце коридора.

В тупике располагались маячки, похожие на тот, что встретил меня на перроне. Как только я активировала свой, маяк взлетел, радостно зажужжал и пропиликал: «Следуй за мной».

Маячок привел меня в небольшую гостиницу «Короткий день». Странное название, но потом, спустя время, я нашла ему объяснение. В городе были ещё «Длинный день» и «Постоянная жизнь» или как-то в этом роде (если я правильно перевела). То есть, я буду работать в мини постоялом дворе, где останавливаются на один-два дня приезжие.

После того, как я показала жетон хозяину гостиницы, митру Горцу, он окинул меня скептическим взглядом, пробубнил что-то нелестное насчет распределяющих гильдий, нехотя кивнул и отправил в кабинет, знакомиться с делами. Просидев до ночи за учетными книгами, с трудом разобрав бумаги и корявые записки митра, я прозрела.

Я — управляющий! Бухгалтерия, учет, финансы, баланс — это мое. Пусть немного по-другому, нет компьютера и привычных программ, но сам принцип работы понятен как дважды два. Немного успокоилась. Здесь Боги не сплеховали. Мелькнула мысль, что, возможно, Вида была права и насчет свадьбы. Быстро затолкала мысль об изменнике-муже вглубь и принялась обустроиваться.

Чтобы не пугать хозяина и гостей, я решила не портить свою внешность слишком сильно. И даже, наоборот, немного приукрасить. Маленькая дочка хозяина Лана помогла мне выкрасить волосы и брови в насыщенный черный цвет. Карандашом дорисовывала и выравнивала их линию, с помощью пудры кожа приобрела смуглый оттенок. Вместо платка — кокетливая яркая косынка, густые вьющиеся пряди скрыли шею и уши. После всех манипуляций посмотрела в зеркало — о, ужас! Кто эта девушка? Я действительно ее не узнаю.

Зачем нужно было прятаться, если меня здесь никто и так не знал? Без понятия... Я так привыкла это делать, что без камуфляжа чувствую себя голой. Да и внешность у меня по — прежнему все так же сильно отличается от местных.

Скажу честно, особой красотой новый мой облик не блистал. Правду говорят, что природа с рождения дает внешность абсолютно сбалансированную и гармоничную. Если что-то нарушить в этом балансе, то вы будете выглядеть в лучшем случае неестественно, в худшем — как клоун. Мой внешний вид больше склонялся к первому варианту. Но зато можно было выходить на улицу и не бояться, что тебя узнают. И пусть я никому, даже Мине, не говорила, куда еду, но Турис находится всего в паре часов езды от Оши... Не хотелось бы повстречаться с муженьком, особенно после того, что я узнала о постельных проблемах... И пусть в большинстве случаев я пребывала в бешенстве, вспоминая его гадкие слова, но мысль о том, что его тошнит, когда он в постели с Аланой, грела душу.

Живя в Турисе, я впервые попала в театр. Оказывается, они есть на Илимасе. Актеры назывались то ли показушники, то ли игральники (с переводами новых слов у меня пока были проблемы).

Пригласила в театр меня Лана, в очередной раз посокрушавшись, что я никуда не хожу, а сижу безвылазно дома. С группой таких же, как и она подростков, немного стесняясь своей великовозрастности (на фоне их) я и посетила сие действо. Пьеса (кто бы сомневался!) была о Выборе. Девушка влюбилась в парня, он полюбил ее. Они мучились, терзались, боясь идти в Храм. Дождались, пока им стукнет тридцать, чтобы потом выяснить, что они и есть пара, предназначенная Богами свыше. В итоге — хеппи-энд, свадьба, счастье и песни.

Тема меня не впечатлила, особенно на фоне своей собственной свадьбы, но как развлечение на вечерок, сойдет. Может быть, у них и симфонический оркестр где-то припрятан в рукаве? Как многого я ещё не знаю! Например, откуда мне было знать, что к гильдиям можно было обращаться по любому поводу, и они обязаны помогать? Давать

кредиты, рекомендации, учебники, технику.

— Как бы я хотела организовать игральные комнаты для детей, разбить садик во дворе с аттракционами... — Поделилась я как то задумками с хозяином.

— Это твоя первая работа? — Поинтересовался он в ответ.

— Угу, — осторожно ответила я, не зная чего ожидать.

— Тогда ясно... — Увидев мой угрюмый обиженный взгляд, Горец дружески потрепал по плечу, — не переживай. Я сам, когда построил «Короткий день» много не знал. Иди в гильдию, там помогут.

Я слабо понимала, чем и как они могут помочь, но послушно потопала к ним. У меня были только идеи. Оказывается, этого достаточно. Мне выделили бесплатную строительную бригаду, пообещали заказать необходимые механизмы (за них надо было заплатить), утвердили план преобразований и дали премию (за что, пока непонятно).

В дальнейшем, сообразив, что к чему, я эксплуатировала гильдии по полной программе. И за каждую удачную реформу мне полагалось вознаграждение. «Так вскоре я разорю Храмы», — подумала я весело, генерируя ещё одну оригинальную идейку.

— Красавица, я могу тебя угостить?

Я удивленно обернулась и уставилась на симпатичного парня, сидящего за столом в небольшом кафе в фойе гостиницы. У него что, близорукость?

— Я иногда прихожу сюда пить феско и наблюдаю через окно, как ты работаешь в беседке, — продолжал он, — всегда такая серьезная, всегда одна.

Я действительно любила разбирать бумаги именно в беседке, во дворе гостиницы. Хозяин махнул рукой на то, что я игнорирую кабинет и перенес мне туда стол с креслом.

— Я Падди, местный архитектор, — улыбнулся молодой человек, — живу рядом с «Коротким», вон там, — он кивнул вправо, показав на большой четырехэтажный дом через дорогу, — здесь очень вкусные пирожные и девушки привлекательные... — парень замолчал, ожидая моей реакции, потом кашлянул и смущенно добавил, — работают...

«А почему бы и нет?» — подумала я весело.

Три месяца монашеской жизни, три месяца страха и беспокойства, неуверенности в себе, разочарования в своей привлекательности... Хватит! Пора устраивать личную жизнь.

— Меня зовут Илья, и я люблю пить феско с молоком, — присела за столик напротив парня и махнула рукой Лане, заказывая порцию местного кофе.

Мы договорились встретиться через несколько часов, на закате. Митр Горец радостно похлопал парня по плечу, с удовольствием выпихивая нас из гостиницы. Весь последний месяц он настойчиво пытался убедить меня, что одиночество и изоляция являются ненормальным времяпровождением для молодой красивой девушки.

После того, как я привела дела «Короткого дня» в порядок, наладила поставки продуктов, выпивки, организовала работу подрядчиков, садовников, поваров, разработала новые правила проживания в гостинице и заказала в гильдии опытного кондитера, Горец, наконец, убедился, что ему прислали не глупую неопытную девчонку двадцати лет отроду, а (его слова) «ответ на мои молитвы Богам».

Впервые за долгое время, отправляясь на свидание, я немного трусила. Я утаила свое

замужество, нацепив на оба запястья широкие блестящие браслеты и скрыв ото всех непонятный штрих-код. На всякий случай. Вдруг кто-нибудь, кроме сканеров, смог бы прочесть информацию, выбитую на них... Вместе с яркой косынкой, черной вьющейся гривой волос и красной помадой на губах, браслеты создали мне образ этакой эффектной колоритной цыганочки. И скажу, что многие особы противоположного пола оборачивались мне вслед, когда я выходила в городок за покупками.

Сначала мы поужинали в одном из многочисленных ночников, расположенных вдоль берега Ошики (реки, протекающей в Турисе). И только когда окончательно стемнело, и небо разрисовалось россыпью незнакомых звезд вышли на набережную прогуляться. Разговор шел в основном о работе, самой безопасной из всех тем, которые я смогла бы поддерживать.

— Ты странная, — заявил Падди через некоторое время.

Я немного напряглась.

— Почему ты так думаешь? — поинтересовалась осторожно.

— Ты не похожа на наших девушек, — ответил он и добавил, — слишком серьезная, необщительная, замкнутая. Все время работаешь. Ни с кем не встречаешься, не ходишь в ночники. Там у вас все такие?

Я непонимающе посмотрела на Падди и нахмурила брови. Сердце испуганно дернулось.

— Где?

— Там, откуда ты приехала? Это, наверное, очень далеко?

— Угу, — охотно согласилась я, облегченно выдыхая, и повторила ту же легенду, которую рассказывала Мине, — я родилась на другом конце Илимаса. Наша гряда называется Москва.

Парень остановился и развернулся ко мне. Его глаза разгорелись в предвкушении.

— И как там? Я слышал, что есть гряда, где все по-другому. Даже Храмы другие... А Боги? Ходят слухи, что выбор там не такой, как у нас. Расскажи, пожалуйста, — Падди восторженно тараторил, засыпая вопросами, а я впала в ступор, пытаюсь найти выход из той ситуации, в которую угодила по своей глупости.

— Не знаю, что за слухи ты слышал, — невозмутимо ответила я, стараясь выглядеть равнодушной, — но у нас все так же, как и здесь. Возможно, твои слухи не соответствуют действительности. Или есть земли еще более далекие.

— Наверное, — сразу же поскучнел Падди, — а я родился здесь, в Турисе. Первый выбор сделал в прошлом дате и выбрал профессию. И знаешь, мне очень нравится строить дома. Особенно в городах, где много людей.

Я слушала его, а в голове крутилась мысль, какой же он еще молоденький. Первый выбор... Это же двадцать, возможно двадцать два. Не больше. То, что мне двадцать по здешним меркам, я проигнорировала... По сравнению с ним я чувствовала себя умудренной опытом и много чего повидавшей.

Мы медленно шли по улице, ведущей к гостинице. Тротуар, стены домов, крыши светились мягким рассеянным светом, даже фонари были не нужны, город погрузился в теплую сероватую дымку. Я до сих пор не могла привыкнуть к такому распределению энергии. Чувствовала себя, словно попала в сказку, в другой мир... Увы, но так оно и было.

Вход в «Короткий день» сиял и переливался, словно маленькое солнышко. Месяц назад я настояла, чтобы митр оплатил художнику заказанную мной мозаичную вывеску, собранную из разных материалов и раскрашенную термокраской. Мы каждый день заряжаем ее на солнце. Митр поворчал, но денег дал. Теперь наша вывеска горит всю ночь и даже

является в своем роде маяком для встреч влюбленных... Я недавно подслушала разговор на рынке, там одна девушка говорила парню: «Ориентир вывеска «Короткого дня».

— Ну вот мы и пришли, — произнесла я слишком, на мой взгляд, бодрым тоном.

Весь вечер парень пытался взять меня за руку, обнять, прижаться... Я усиленно делала вид, что не понимаю. По сравнению с царящими здесь вольными нравами, я выглядела в лучшем случае скромницей, в худшем — ханжой. А сейчас решила — будь, что будет. Попробую.

— Встретимся завтра, Илья? — Падди подошел почти вплотную, приблизившись на самое неприличное расстояние.

В животе что-то подозрительно дрогнуло. Я замерла, прислушиваясь к ощущениям. Пока все идет нормально. Его губы скользнули по щеке. Мягко коснулись моих губ, раз, другой. Вскоре я почувствовала, как настойчиво язык пытается забраться внутрь. Немного приоткрыла рот и позволила это сделать. Ум-м, хорошо... Как давно я не целовалась! Внутри всколыхнулись давно забытые чувства — интерес, любопытство, предвкушение... И только-только я начала получать удовольствие от полноценного поцелуя, как живот скрутило резкой болью.

— Ай! — отскочила я назад от парня почти на метр.

— Что случилось? — испуганно выдохнул он, округляя глаза.

— Мне пора, — произнесла я быстро, коротко и часто дыша, — совсем забыла. Завтра рано вставать. Пока.

Пади решительно шагнул за мной и попытался взять меня за руку, я резво спрятала ее за спину.

— Так как насчет завтра? — нахмурился он. — Мы встретимся?

— Не знаю, — ответила подрагивающим голосом, — у меня запланировано столько дел. Приезжает строительная бригада, будут сооружать открытую площадку. Мы собираемся на территории гостиницы открыть кондитерскую на вынос и небольшой кафетерий... Затем еще игровая комната и детский зал...

— Мне рассказывал Горец, — прервал мою тираду Падди, — скажи, откуда у тебя такие идеи? Ты все это придумываешь сама?

— Ага, почти, — пробубнила я, судорожно пытаюсь найти причину сбежать, — ну все. Было приятно пообщаться.

— Я все-таки надеюсь, что ты выкроишь время для меня, — крикнул мне вслед Падди, когда я уже вбегала в заднюю дверь.

Я только неопределенно махнула рукой и скрылась в проеме.

«Это вряд ли, — думала обреченно, поднимаясь на второй этаж, где у меня была маленькая квартирка, — как это ни прискорбно, но Мина была права. Боги постарались обезопасить супружеские пары от измен. Черт, как же больно... Мне что, теперь всю жизнь быть одной?!»

Я прижала руку к ноющему животу. Боль постепенно затихала, превращаясь в слабый неразборчивый далекий отзвук. Но я помнила ее. И, увы, не скоро решусь на повторный опыт...

Три часа ночи, сна ни в одном глазу. Я задумчиво смотрела в потолок и размышляла. Я почти адаптировалась. Почти влилась в этот мир, привыкла и даже начала получать удовольствие (по крайней мере, от работы). Почти забыла о своей главной цели... Хотела даже парня завести. От злости, я больно ущипнула себя за ногу и зашипела. Дурочка! Я же

должна искать яму. Должна вернуться назад, домой, а вместо этого живу, как ни в чем небывало, деньги зарабатываю, внедряю новые проекты, наслаждаюсь работой.

Не будет у тебя, Уля, парня. И счастья не будет. И нормальной семейной жизни. Перед глазами всплыл образ красавца мужа. Слезы тут же навернулись на глаза. Нет, вряд ли что-нибудь у нас получится, даже если он найдет меня, извинится и попытается загладить вину. Слишком плохим было начало, слишком много я пережила, слишком обидчивой стала...

Три месяца коту под хвост. Хватит. Пора идти к своей главной цели.

Ранним утром, ещё до того, как приехали строители, я расспросила хозяина о географическом расположении Туриса. Оказывается, от него до границы Актуса оставалось ещё много десятков улит.

— Есть ещё более южные города, — ответил мне Горец, — например Эман или Варна. Варна, кстати, находится ближе всего, только вот граница с Актусом проходит через огромный лес, — я наострила ушки, — там необжитые места. Лучше, конечно, держаться севернее... А что тебе нужно в Актусе, девочка?

Я мило улыбнулась в ответ.

— Хочу повидать свою сестру. Ей дали распределение в Актус...

— Так лучше езжай на экспрессе из Оши. Он проходит через центр, — усмехнулся Горец.

— Да, наверное, так и сделаю, — ответила я и отошла.

Приехали строители. Пока они работали, я усиленно размышляла. Зачем мне центр Актуса? Мне как раз нужен лес. Значит, следующим местом работы я выберу Варну... В гильдию идти бесполезно, там могут распределить «куда Бог пошлет». Значит, нужно искать работу у частного. Мина говорила, что так можно. Именно так она устроилась у Павнов.

Не успел план полностью вырисоваться у меня в голове, как произошло гораздо более неприятное событие. «Накаркала», — только и успела подумать, когда увидела хорошо знакомую шикарную машину, останавливающуюся напротив главного входа гостинцы.

Мой деверь с надменным выражением на лице открыл дверь и вышел из авто. Я в панике застыла, не в силах сдвинуться с места. Потом, очнувшись от ступора, потихоньку начала двигаться к боковому входу в гостиницу. Добравшись до двери, я не удержалась и обернулась. Рядом с Реем стояла Лана и радостно протягивала руку в моем направлении, что-то говоря мужчине. Холодный цепкий взгляд впился в меня мертвой хваткой. Глаза сверкнули удивлением, губы дернулись, словно он хотел что-то сказать. Больше я не раздумывала. Рванула на себя дверь и влетела в здание.

Я неслась по лестнице в свою комнату, ничего не соображая. Я была не готова встречаться ни с кем из семейки Павнов. Ни с Реем, ни с мужем. Я почему-то была уверена, если Рей здесь, значит, и Гор поблизости. Только-только я успокоилась, зажила нормальной жизнью, как все пошло кувырком. Я влетела в свою комнату и захлопнула дверь. Нужно успокоиться... Руки тряслись, пока я вытаскивала чемодан и открывала створки шкафа. Где же батарея? Блокнот с записями, любимый комбинезон. Через мгновение раздался громкий стук.

— Илья, открой дверь, — прозвучал приказ, — я знаю, ты там.

Я не ответила, судорожно запихивая вещи. Вот мешочек с деньгами, косынки, серьги, вот дорогой косметический набор, который я купила всего неделю назад. Нет. Косметика потом, сначала жакет и брюки... Блестящие прозрачные капли падали на одежду. Я шмыгнула носом.

— Илья, я не уйду отсюда, пока ты не откроешь, — Рей говорил холодно и уверенно.

Сердце сжалось от безысходности. Что я делаю? Куда я пойду? Я оставила полузаполненный чемодан и присела на кровать. Необходимо взять себя в руки и решить, что делать.

В коридоре послышался голос митра Гореца.

— Что происходит? Кто ты такой и почему преследуешь моего управляющего?

— Я брат ее мужа, — митр удивленно крикнул, услышав слова Рея, — и собираюсь забрать ее домой.

— Но она говорила, что не замужем, — митр был явно расстроен, я мысленно попросила прощения у добродушного хозяина гостиницы.

— Она соврала, — произнес холодный ненавистный голос, — Илья сбежала от нас, и только недавно я смог отыскать ее след.

В коридоре наступило молчание. Я со своей стороны так же замерла, ожидая решения митра. Мне было любопытно, чью сторону он выберет.

— Илья, девочка, — обратился он ко мне, — ты должна поехать домой. Боги соединили вас, твое место рядом с мужем.

Ну, конечно! Разве могло быть по-другому! Боги! Боги! Здесь все им подчиняются... Слезы мгновенно высохли, уступив место злости и раздражению.

— Я пойду, — прокричал Горец глухо, — нужно ещё заявку в гильдию сочинять. Мне будет нужен новый управляющий. В его голосе явно звучало сожаление...

Рей остался один по ту сторону двери.

— Илья, хватит вести себя, как ребенок. Открой дверь, — прозвучало жестко и категорично.

Я обвела глазами устроенный мной бардак. Распахнутый чемодан, вывернутый шкаф с бельем, футляр с косметикой, разбросанные вещи.

— Твоя взяла, дорогой родственничек, — зло прошептала под нос.

Медленно встала, стерла помаду, завязала косынку, как делала раньше, скрывая лицо, и распахнула дверь, готовясь к нелегкой схватке.

— Собирайся, — скользнув по мне равнодушным взглядом, произнес мужчина, — чтобы через пять минут была в машине, у меня еще куча дел, более важных, чем гоняться за сопливой девчонкой.

— Никуда я не поеду! — заявила категорично, демонстративно сложив руки на груди и расставив ноги.

Пусть только попробует меня сдвинуть с места. Буду кричать и кусаться.

— У тебя нет выбора, — усмехнулся Рей одними губами, — Гор с огромным нетерпением ждет твоего возвращения.

— Так я тебе и поверила! — фыркнула насмешливо. Мне хотелось стереть навсегда его ухмылку, и если не смогу отомстить мужу, то хоть потреплю нервы деверю, — он даже сам не смог приехать. Прислал тебя, — я перевела дух и нагло улыбнулась. — Давно ты у него на побегушках? Может, ты и супружеские обязанности за него будешь выполнять?

— Не понимаю, о чем ты, — ноздри Рея гневно затрепетали.

Он резко шагнул в комнату, наступая. Я попятилась.

— Мое терпение подошло к концу. Если ты такая смелая, то поедешь без вещей, — Рей ухватил меня за руку и дернул. Я только и успела сцапать футляр с косметикой, лежащий на столе.

Я дергалась, пытаюсь вырваться, но куда там. Пальцы были, как стальные канаты. Спотыкаясь и ругаясь, спустилась по ступеням на первый этаж и ввалилась в фойе гостиницы, чуть не налетев на спину Рея.

— Пришлите ее вещи по этому адресу, — мужчина кинул тонкую карточку на стойку.

— Но как же? — Лана растерянно хлопала глазами. — Наша управляющая...

— Попросите нового в гильдии, — бросил деверь уже у двери, таща меня на прицепе.

Он затолкал меня на переднее сидение и захлопнул дверь. Потом вынул из багажника две ловушки со странного вида батареями и вставил их в гнезда под сидениями.

— Нет времени ехать обычным способом, — буркнул Рей, — держись крепче.

Он сел на место водителя, и мы взлетели. Я охнула от неожиданности и вцепилась в кресло. Впервые я летала на автомобиле. Вида говорила, что на Илимасе есть гравитационные батареи, которые могут поднимать в воздух что угодно, но они так дорого стоят... Внутри боролись страх и восхищение. Рей поднялся над крышами зданий и уверенно повел машину на север. Я ошеломленно смотрела на проплывающие внизу дома, маленьких человечков, снующих по улицам, вдалеке показалась остроконечный купол Храма. Мне хотелось кричать от восторга, я была переполнена эмоциями, но упрямо дулась, отвернувшись в сторону от Рея...

Мы давно выехали за город, смотреть вниз стало неинтересно. Одинаковые поля и рощи сменяли друг друга. Рей молчал, а я усиленно и планомерно нагнетала в себе гнев и злость. Как он мог так со мной поступить! И кто он вообще такой? Муж? Отец? Привык командовать у себя в семье. Вот пусть и повелевает Пелеей.

В голове вызревала месть одна другой страшнее. Теперь им не запереть меня в сельской глуши, сейчас я далеко не та, что была три месяца назад. У меня есть работа, цель и уверенность в собственных силах. Интересно, как муж собирается заглаживать свою вину? Я даже усмехнулась про себя, представив эту картину... Немного пофантазировала и опять переключилась на Рея...

И тут мне вдруг пришла в голову мысль, что мое молчание ему только на руку. Рулит и в ус не дует. Нет уж, если мне плохо, то пусть и ему будет некомфортно.

— Так почему муженек сам не приехал? — произнесла насмешливо. — Струсил?

— Он плохо себя чувствует, — ровно ответил Рей, не отрывая взгляда от управления машиной.

— Что, неудачно провел время с Аланой? — злобно поинтересовалась я.

— Так ты все знаешь? — в голосе Рея послышалось удивление.

Он повернул голову и окинул меня заинтересованным взглядом.

— Можно сказать, прочувствовала на собственной шкуре, — угрюмо ответила, исподтишка наблюдая за мужчиной.

— Ты собиралась изменить мужу? — Рей чуть повысил голос, но этим и ограничился.

Вечная невозмутимая маска казалось, приросла к его красивому смуглому лицу.

— Ага, — весело согласилась, — а то мой муженек не занимался этим с Аланой?

— Гор знал и любил Алану задолго до твоего появления, — процедил сквозь зубы Рей, — они прекрасная пара, и уже пять лет вместе.

— Если они такая прекрасная пара, то почему же Боги решили нас поженить? — ехидно пропела я, демонстративно щелкнув пальцами.

Мне начинало нравиться выводить его из себя.

Гор надолго замолчал. Один — ноль, зачла я себе победное очко и отвернулась. Мимо пролетали поля с сочной яркой зеленью. Ослепительно сияло солнышко, пели птички, и мне впервые за долгое время на душе стало весело и беззаботно. Неужели, на меня так подействовал спор с деверем? Он был такой чопорный, скучный и зажатый, мне так и хотелось его растормошить.

— Неужели, тебе ни разу не приходила в голову мысль изменить своей жене? — налюбовавшись на окрестности, я снова принялась доставать Рея.

— Никогда, — отрезал он, — брак на всю жизнь. Боги выбирают идеально подходящих друг другу людей, и я никогда не пойду против их воли. Я люблю свою жену и буду всегда ей верен, как и она мне.

— Нимб не жмет? — фыркнула насмешливо и добавила более серьезно: — И никогда не говори «никогда».

— Я не понимаю твоих слов... — Рей нажал какой-то рычаг и остановил машину. Развернулся ко мне и внимательно уставился в глаза. — Ты странно говоришь, странно излагаешь свои мысли. Иногда я даже не понимаю их смысла. Где ты научилась так говорить? Откуда ты?

Я немного струхнула от такого резкого перехода. Неужели, перегнула палку? Да... Нимб был лишним. Улыбнулась и сделала беззаботно придурковатый вид.

— Я же из глухого леса, — попыталась отбиться шуткой, — меня никто не учил учтивости. Даже пишу и читаю с трудом. А то, что ты меня не понимаешь... Может быть, проблема в тебе, а не во мне?

Рей хмуро смотрел на меня. О чем он думал? Что видел? Смуглую, черноволосую наглую девчонку? Деревенскую задиру и хамку? Или все-таки испуганную, неуверенную в себе девушку, настороженную, обидчивую, беспомощную?

Изо всех сил стараясь не запаниковать, я рассматривала его в ответ. А он ничего. Симпатичный. Не такой красавец, как Гор, конечно, и унылое скучающее выражение лица портило вид. Затянут, как в панцирь, в черную куртку и брюки, ни единой яркой вещи в одежде. Уши, как и у всех, расположены выше к вискам, вытянуты и прижаты к черепу. Из-под нижней губы выглядывают треугольные клыки. Кошачьи глаза, широковатый нос, короткая шея, переходящая в плечи. Я так уже привыкла к виду здешних мужчин и женщин, что если бы иногда не смотрелась в зеркало, то забыла бы, как выглядят земные люди. Руки чуть длиннее, чем у нас, пальцы с крупными суставами и толстой коркой ногтя. Если брать все по отдельности, то на самом деле, все непривычно и неправильно. Но общее впечатление потрясающее. Особенно, мне нравились глаза. Мерцающие, таинственные, меняющие цвет. Горящие то гневом, то неприязнью, то негодованием. Интересно, как он смотрит на Пелею в темноте спальни? Наверное, по-другому... Такс, мои мысли приняли совершенно неестественное направление.

Вдруг выражение глаз Рея изменилось. Губы дрогнули и он произнес:

— Зачем ты скрывала свое лицо? Не такое уж оно и уродливое. Не красавица, конечно, но вполне симпатичная. Ты можешь ходить без платка.

Я тут же оцетинилась колючками. И как я могла на секунду подумать, что Рей милый?

— Спасибо огромное, — моим сарказмом можно было забивать гвозди, — я как-нибудь

обойдусь без твоего разрешения. Как одеваться — мое сугубо личное дело.

Рей легко пожал плечами и отпустил педаль, мы снова полетели, правда, гораздо ниже, чем раньше. Батареи разряжались, автомобиль постепенно опускался к земле.

— Как хочешь, — произнес он равнодушно, — но тебе придется поговорить с Гором и наладить отношения. И как ни крути, рано или поздно он увидит тебя настоящую.

«До меня настоящей ему не добраться вовеки, — злобно подумала я, — ни он, ни ты никогда ее не увидите».

Мы опять ехали молча. Рей спокойно вел машину, я же с ужасом думала о том, что он прав. Нужно планировать отношения с мужем, что совершенно не входило в мои планы. Найти яму и перенестись домой — вот мой план... А тихая семейная жизнь, даже с мужчиной своей мечты, не радовала абсолютно.

— А как ты меня нашел? — поинтересовалась я через время. — Боги помогли в Храме?

Рей бросил на меня слегка удивленный взгляд.

— Боги не ищут людей, они дают только право выбора, как ты знаешь, конечно, — добавил ехидно.

— Тогда в гильдии рассказали? — быстро поправила я.

— Опять мимо, Илья, — фыркнул Рей, и сжалившись надо мной, пояснил, — чистое везение. Ты оставила заявку на бригаду строителей под своим собственным именем. А так как мне тоже они были нужны, я пришел делать заказ и увидел твое имя в их расписании...

— Черт, — пробормотала я, так опростоволоситься. Все время записывала нужды на митра Горца, а со строителями прокололась...

Что сделано, то сделано. Неделей раньше, неделей позже, они бы все равно меня нашли. В следующий раз, если он будет, конечно, я постараюсь так спрятаться, что им не найти меня вовеки. А ещё лучше — перенесусь к себе домой, на Землю... Пусть тогда поищут...

— Можно и мне задать вопрос? — произнес вдруг Рей, я даже подскочила от неожиданности.

— Конечно, — осторожно ответила, боясь подвоха.

— Как тебе вообще пришла в голову мысль сбежать от мужа? — в его голосе звучало неподдельное удивление. — Я никогда не слышал, что бы жены так поступали. Это ненормально и противоестественно.

— А жить с другой женщиной, когда у тебя есть жена — нормально? Любить ее, спать с ней...

Рей скривился, словно наелся кислого.

— Гор еще молодой и не слушает советов. Рано или поздно он бы вернулся к тебе. И перед твоим побегом, он собирался приехать и поговорить... Да и оказалось, что «спать» не так уж приятно, — Рей весело хмыкнул.

Я округлила глаза в удивлении — оказывается, он умеет смеяться?

— Наверное, тебя неправильно воспитывали, — через время произнес он, сделав какие-то свои выводы, — ты же выросла в глухом лесу.

— Точно, — пробормотала я, не желая больше спорить. Усталость давала знать. Сначала строители все утро дергали и требовали моего внимания, потом столкновение с Реем. Потом долгая дорога, пусть и по воздуху, но все же, утомительная. Я чувствовала себя голодной, вымотанной и пустой. Ничего не хотелось. Ни спорить, ни разговаривать, ни объяснять...

— Почти приехали.

Я очнулась от невеселых дум и подняла голову. Мы подлетали к Оши, вдали показались башни вокзала, остроконечная крыша Храма. Автомобиль ещё больше опустился, и сейчас нас от земли отделяло не более двух метров.

Когда мы подъехали к особняку, машина катилась уже на колесах. Я с ненавистью уставилась на знакомый красивый фасад. В первый раз я вошла в него преисполненная надежд и ожиданий, сейчас вхожу с горечью и злостью. Рей неотступно следовал за мной, наверное, боялся, что бы я не ускользнула прямо из-под носа.

Первым, кого увидела, был мой великолепный муж. Немного бледноватый на вид, но такой же, как и раньше — сногшибательный красавец. Он сидел на кушетке и рассеяно водил кистью по небольшому холсту, установленному напротив. Я скривилась. На холсте была нарисована темноволосая девушка. Алана, наверное. Увидев нас, Гор вскочил, глаза его лихорадочно забегали от Рея ко мне. Губы дрогнули.

— Илья? — неуверенно произнес он, пристально рассматривая меня.

— Привет, — равнодушно произнесла я, проходя мимо, — моя комната та же?

Не останавливаясь, я стала подниматься на второй этаж. И уже за спиной услышала напряженный голос Рея.

— Иди, поговори с ней, — обратился он к брату, я замедлила шаг, прислушиваясь, — и не показывайся мне на глаза, пока не решите все свои проблемы. Тебе с ней жить всю жизнь. Сделай так, что бы она тебя простила, очаруй, пусти в ход обаяние. Ты же можешь...

Дальше я уже не слушала. Скривившись, потопала в «свою» комнату, ожидать визита. Оказалось, что у моего мужа мужества более чем достаточно, или он так уважает брата, что беспрекословно ему подчиняется? Так как не успела я вымыть руки и заново повязать косынку, как в дверь постучали.

— Входи, — обреченно произнесла, опускаясь в кресло.

Гор со скорбным выражением на лице вошел в комнату.

— Можно присесть?

— Конечно, садись.

Сколько же ему лет? В буклете вроде было написано двадцать пять. Почти ровесник. Красивое лицо, статная фигура, плавные четкие движения, одежда дорогая и яркая. Ему идет. Я рассматривала Гора, словно видела его в первый раз. Он тоже рассматривал меня в ответ.

— А ты симпатичная, — вдруг улыбнулся он и глаза лукаво заблестели.

Я не дала себе подпасть под обаяние его улыбки.

— Спасибо, — равнодушно ответила, — это все, что ты хотел узнать?

— Нет, — растерялся он от моей явной грубости и сразу же поменял тактику, приняв серьезный вид.

— Илья, — продолжил Гор грустно, — мы не очень удачно начали нашу семейную жизнь. И в этом есть и моя, и твоя вина. Я в то время любил Алану, мы с ней встречались пять лет, и именно по ее настоянию я пошел в Храм. Почему-то она была уверена, что мы и есть идеальная пара. Когда Боги выбрали мне какую-то девушку из деревни, я был немного расстроен.

Я улыбнулась краешком губ. «Немного — слабо сказано», — подумала скептически, но промолчала, продолжая слушать оправдательный монолог.

— Ты не дала мне себя узнать лучше, — Гор пододвинулся ближе и попытался взять меня за руку, я с кривоватой улыбочкой убрала ее с колен, сунув в карман. Он недоуменно

посмотрел на меня и приподнял бровь, — оделась и накрасилась, изуродовав себя до неузнаваемости...

Если он ожидал моих объяснений или оправданий, то не дождался. Я хранила гробовое молчание.

— Ты не дала мне ни единого шанса! — немного повысил голос Гор. — Нарядилась, как пугало. Вела себя... Откуда мне было знать? Мы, мужчины, в общем, примитивный народ. Не умеем читать мысли и заглядывать под одежду. Что вижу, то есть на самом деле. Честно, я не смог бы полюбить девушку твоей внешности, — проникновенно закончил он, — но потом ты исчезла, и я...

— Не смог заниматься любовью с Аланой, — закончила за него. — И я не исчезла, вы меня вышвырнули из Оши, отправив на ферму, — подсказала я любезно. Гор немного смутился.

— Ты должна понять, Илья...

— Я понимаю, — ответила авторитетно, и Гор удивленно уставился мне в глаза, — действительно, понимаю. И на твоём месте, я, возможно, поступила бы точно так же. Одни только Боги думают, что можно полюбить по заказу. Свести вместе двух совершенно незнакомых людей, поженить их, заставить рожать детей... Это в большинстве случаев чистая рулетка...

Слушая меня, у Гора все больше и больше округлялись глаза. Мне кажется, я опять не туда забрела в своих рассуждениях.

— Нет, ты не поняла, — Гор наклонился вперед, словно стараясь стать ближе, — я всецело доверяю Богам. Если они выбрали для меня такую, как ты, значит, так нужно. Значит, ты — мой идеал и моя единственная любовь на все времена.

Слушать такое, конечно, было приятно, хотя с его рассуждениями можно было и поспорить. Но, что толку спорить с человеком, который не знает, что такое свобода решений и независимый выбор?

— Э... — я потеряла переносицу, пытаюсь сформулировать ответ. — А ты можешь на секунду представить... Только представить, что Боги ошиблись?

— Что ты говоришь? — прервал он меня и подсел еще ближе, в голосе проскользнуло искреннее возмущение. — Боги всегда правы. Я уже чувствую, как меня к тебе тянет. Ты красива, умна, Рей рассказал, что еще и успешна в профессии. Мы сможем создать прекрасную семью. Мы обязательно будем счастливы. Дай мне немного времени, и я покажу тебе, каким чудесным мужем могу быть...

Его голос переменялся, стал бархатным, вкрадчивым. Он обволакивал, как мягкое пуховое одеяло, незримо опутывая и подчиняя. Я почувствовала, что теряю нить разговора, что злость куда-то улетучивается. Я вдруг увидела, какие у Гора выразительные глаза и длинные черные ресницы. И как волнует прикосновение горячих ладоней к своим плечам. Как он очутился так близко? Почему я не заметила, как оказалась сидящей у него на коленях?

— Но я еще очень зла на тебя, — слабо прошептала я, борясь с головокружением.

— Я уверен, что смогу вымолить у тебя прощение, милая, — Гор прижался к моим губам.

Боже! Как же хорошо! И как чудесно, что не болит живот! Гор обнял меня за шею и снял косынку. Пышные черные кудри рассыпались по плечам.

— Какие у тебя красивые волосы, — прошептал он нежно в губы, — зачем ты их

прятала?

Я ничего не ответила, подставляя шею, скулы, губы, млея от его ласк.

— Какая ты вкусная, — голос околдовывал, — мягкая, сладкая.

За косынкой последовал жакет. Глубокие медленные поцелуи сменились быстрыми нежными укусами. Внутри все плавилось от восторга. Этому мужчине нужно запретить так целоваться...

В одурманенном мозгу вдруг мелькнуло недавнее воспоминание. Слова Рея: «Используй свое обаяние. Очаруй». Блаженная истома схлынула и пропала без следа. Я отодвинулся назад. Опаньки! А я уже почти обнажена до талии.

— Стоп, хватит, — произнесла сипло, переводя дух и запахивая ворот, — я не могу так быстро...

— Хорошо, — улыбнулся Гор, и я невольно залюбовалась красивыми раскосыми глазами, блестящими от удовлетворения, — не будем спешить. Сегодня отдыхай, но завтра, — Гор крепче обнял меня, — мы наверстаем упущенное за три месяца.

Я коротко вздохнула. Он выглядел ужасно самодовольным. Как же! За десять минут смог вымолить прощение у жены, очаровать и почти влюбить в себя. Умница!

— Ты простила меня, милая? — прошептал он нежно, и я не смогла ничего выдать кроме тихого: «Да».

Гор ещё раз поцеловал меня и, встав с кресла, пересадил меня на кровать. Потом с явным сожалением произнес:

— Отдыхай, я пришлю поднос с едой к твоей двери, — и вышел из комнаты.

Я задумчиво сидела и теребила край подола. Что сейчас произошло? Как я могла так быстро сдать? Все женщины безоружны против чарующей нежности или только я? Неужели мы с ним действительно идеально подходящая пара? Похоже, Гор уже не сомневается, что это так... Но как же упоительно он целуется! Я прижала пальцы к припухшим губам.

Желание все силы бросить на поиск ямы немного потускнело. А может быть, действительно, попробовать наладить семейную жизнь? Посмотреть, что из этого получится? А вдруг Боги правы, и мое счастье рядом с Гором?

Проснулась я в приподнятом настроении. Напевая что-то из старых песен, умылась, оделась и накрутилась. На секунду мелькнула мысль: «А, может, бросить прятать внешность? Показать такой, какая есть?» Нет, еще рано... слишком все стремительно произошло. Слишком идеальным показался мне Гор, слишком нежно обнимал, слишком пылко целовал... Я, привычная все критиковать и во всем сомневаться, решила не торопиться. Да и объясняй потом, откуда я и как сюда попала.

Волосы собрала в растрепанный узел, красная косынка, браслеты. И пусть одежда была вчерашняя, расположение духа это мне не испортило.

— Всем привет! — улыбнулась я, выйдя к завтраку.

Гор вскочил из-за стола. Отодвинул для меня стул, а когда я уселась, наклонился и поцеловал в щеку. Потом сел рядом и принялся накладывать мне на тарелку всего понемногу. Сердечко сладостно заныло. Какой он милый, заботливый. Пелея насмешливо фыркнула, окидывая сие действие презрительным взглядом. Рей неодобрительно сжал губы.

— Доброе утро, — процедил он холодно, — Илья, если хочешь жить в своем доме, дай мне знать, я куплю для вас особняк. Выберите только место.

— Я ещё не решила, где хочу жить, — заулыбалась я и принялась за завтрак.

— Тебе нужно купить одежду и украшения, — произнес Гор нежно, дотрагиваясь до плеча. — Пелея, поможешь Илье с покупками? Рей даст машину...

— Еще чего! — возмущенно заявила она. — У меня куча других дел и нет времени одевать провинциальную девицу.

Резво вскочила, схватила напиток и унеслась из столовой. Мы с Гором переглянулись и заулыбались. Сегодня ничто не сможет мне испортить настроение, даже стервозность невестки.

— Поеду сама, — тихо произнесла я, — только все деньги остались в Турисе. Рей так быстро меня увез, что я не успела ничего взять.

— Это не проблема, — заявил Гор, переводя взгляд на брата... — Рей виноват, что ты приехала без одежды, значит, ему и платить.

Рей молча пожал плечами и невозмутимо кивнул. Странные у них отношения. Но я решила не заострять на этом внимание. Сегодня мой день, и я буду им наслаждаться изо всех сил.

Деверь встал из-за стола и (что поразило меня больше всего) взял свою тарелку, тарелку жены и поставил в мойку.

— Я надеюсь, вы решили все разногласия? — поинтересовался он, обернувшись.

— Все абсолютно, — муж нежно обнял меня и поцеловал в плечо, — правда, Илья?

Я мило покраснела и смущенно кивнула.

— Отлично, — заявил Рей, направляясь к выходу, — можешь взять зеленую повозку, батареи в боковом отделении. За деньгами зайдешь в кабинет. Я сегодня уезжаю на ферму, меня не будет весь день. Постарайтесь вести себя хорошо. А вечером поговорим о собственном жилье. Думаю, Илье будет комфортнее иметь отдельный дом...

Деверь стремительно вышел из столовой. «Бессердечный сухарь», — фыркнула я про себя. Ни тебе улыбки, ни дружелюбия. Только самоуверенность и избыток превосходства. И как его Пелея терпит? Я сразу поняла, что он хочет сбегать нас отсюда. Чтобы глаза не мозолили.

Гор обернулся ко мне и заглянул в глаза.

— Хочешь, я поеду с тобой? Правда, у меня сегодня заказ на покраску дома, но я могу отложить работу.

— Нет-нет, — произнесла я взволнованно, — не нужно. Иди работай, а я справлюсь сама.

— Тогда я поцелую на прощанье свою любимую жену? — прошептал он, склоняясь ко мне.

Я ничего не ответила, только приподняла лицо навстречу его губам. И опять головокружение, сладкий трепет, жаркое касание языка. Ах, наверное, я влюбилась.

— Купи что-нибудь красивое. Вечером я приду к тебе, — внутри все сжалось от его слов.

Я вдруг поняла, что жду этого с нетерпением.

— Пока, — прошептала, провожая мужа затуманенным взором.

Справилась я быстро. Во-первых, не привыкла тратить чужие деньги, во-вторых, — не

люблю шопинг. Еще с юности. В первой же швейной мастерской купила несколько туник и лосин, мягкие сапожки, белье. Заняло это все не более часа. Зная, что Гора нет, домой я не слишком спешила. Немного покаталась по городу, посмотрела на достопримечательности. В первое свое посещение Оши, столицы гряды, я так толком ее и не рассмотрела, а сейчас наверстывала упущенное. Ведь мне здесь жить. Настроение было приподнятое, погода отличная, жизнь, казалось, наладилась и впереди только счастье, любовь и процветание.

В особняк въехала через задние ворота. Поставила машину в «гараж», взяла покупки и направилась к себе. Вдруг услышала едва уловимые знакомые интонации. Гор дома? Он же говорил, что целый будет работать. Я на секунду выглянула из-за угла. А что это за девушка рядом с ним? И почему они так близко стоят друг к другу? Где-то я ее уже видела... Да, на портрете, который муж рисовал. Алана. Его бывшая любовь. Ну-ка, подойдем ещё ближе. Я почти впечаталась в стену, но, увы, расслышать ничего не могла, только отдельные слова. О чем они могут шептаться?

Только вчера Гор обещал, что будет мне прекрасным мужем. Клялся в любви и верности. Просил прощения! Боже, неужели снова?

Возможно, я зря паникую, и сейчас он прощается с ней?

Вдруг до меня донеслось женское: «...станешь вдовцом...» Мурашки побежали по спине, внутри все заледенело от ужаса. Мамочки. Они собираются меня убить. Если Гор станет вдовцом, то он может в следующий раз не ходить в Храм, а жить с Аланой, пока не надоест... Мысли лихорадочно заметались. Что делать? Куда бежать? Паника заставляла немедленно мчаться отсюда, сломя голову, куда глаза глядят. Трясущимися руками, подхватила покупки, на цыпочках зашла в «гараж» и вставила новые батареи в автомобиль. Если вы так со мной, то и меня ничего здесь не держит. Огромная горькая обида набухла жгучими слезами. Я быстро вытерла щеки. Какая же я дура! Поверила, размечталась! Один поцелуй — и я растеклась лужицей у его ног! Прочь отсюда. Хватит с меня однодневной семейной жизни. Теперь только поиски ямы и никаких мужчин на горизонте.

Я бросила машину у вокзала. Сначала думала доехать на ней до границы с Актусом, но потом решила, что даю прямую наводку Рею, где меня искать. У меня ещё оставались деньги, которые я сэкономилла на покупках. Надеюсь, хватит на экспресс. Я думала вернуть их, поблагодарить деверя за доброту. Нетушки. Теперь я отдельно, семья Павнов отдельно. И пусть в этом мире нет разводов, я объявляю Гору отставку. Пусть катится ко всем чертям.

План у меня был таков. Из Оши в Актус едет экспресс. Одной из остановок будет поселок, где мы жили с Видой. Там и выйду. Пройду напрямик через лес до границы с Ошей, параллельно занимаясь поисками ямы. Вида говорила, что больше недели в чужой гряде жить нельзя. Надеюсь, мне хватит времени. Когда выйду к родной гряде, попробую найти работу и жилье вблизи леса... В гильдию идти нельзя, значит, буду искать у частника...

В итоге получилось, как и предполагала. На остатки денег я купила продуктов на неделю и потопала в лес. Не удержалась и прошла мимо видиного дома. Увидела молодую женщину и двоих ребятишек, игравших на поляне. Наверное, новые жильцы.

— Прощай, Вида, — прошептала я и низко поклонилась.

Смахнула слезу, поправила рюкзак и вошла в знакомый до последнего пенька лес.

Когда то нарисованную мной карту я помнила довольно приблизительно. Шла в основном по солнцу, на северо-восток. Прыгала во все ямы, встречавшиеся мне, но, увы, ту, что нужно, так и не обнаружила. На четвертый день поисков у меня вдруг заныл живот. Пока не слишком сильно, но я напряглась. Еды оставалось все меньше и меньше. Воду я пила

дождевую, благо дождь регулярно шел утром и вечером. Вида, еще когда водила меня по лесу, обучала различать съедобные растения, ягоды и плоды. Эти знания очень пригодились теперь.

Тяжелый поход, выживание в глухом лесу, усиливающаяся в животе боль не давали горевать о предательстве мужа. Обида еще оставалась в сердце, но постепенно логика стала преобладать. Когда я отдыхала на пеньке или просыпалась после ночного отдыха, разные мысли лезли в голову.

Возможно, я не то услышала? Или мне показалось? Тем более, говорила в основном Алана, Гор же помалкивал... А вдруг я поторопилась сделать выводы? Я же паникерша и трусиха. Как была, так и осталась. В этом мире нет убийств. Да они вообще не знают, что такое преступление, тюрьма, наказание... Мина чуть в обморок не упала, когда я ей намекнула об этом.

Ладно. Что сделано, то сделано, и нет пути назад. В конце концов, я заталкивала сомнения глубоко внутрь, тяжело поднималась на ноги и брела зигзагами через лес, внимательно рассматривая землю.

На седьмой день блужданий боль стала такая, что терпеть не было никакой мочи. Я впервые испугалась, что заблудилась и никогда не выйду к границе. Я не могла есть, не могла пить. Дико болела голова, двоилось в глазах. Вот, значит, как... Я уже испытала на себе две божественные заповеди — поцелуй не с мужем и жизнь не на своей территории. Осталось прочувствовать только последнюю — работать не по профессии. Мысль меня развеселила. Я тут же согнулась от рези в животе и упала на колени. Все, больше не могу. Лес стоял сплошной непреодолимой стеной, конца и края не видно. Яму я не нашла, от мужа сбежала. Осталось только умереть, сделать Гора вдовцом, и Алана получит его на блюдечке с голубой каемочкой...

Вдруг рядом со мной запиликал маячок. Я устало подняла голову и сощурила глаза. На экране высветилось: «Настоятельно рекомендуем покинуть чуждую вам зону и переместиться в родную грядку».

— Если бы я знала как, — прошептала тихо.

Маячок пискнул и стрелкой показал направление. Я осталась сидеть. Не было ни сил, ни желания куда-то двигаться. Он пискнул еще раз, и мне показалось, что раздраженно и настойчиво.

— Ладно, иду... — пробормотала я и, кряхтя, поднялась на ноги.

Цапнула полупустой рюкзак и, пошатываясь, побрела за летающим надоедливym указателем. Шли мы недолго, где-то около часа. Становилось все легче и легче, потом бац — боль мгновенно ушла, тело стало невесомым и воздушным. Маячок последний раз пиликнул и взмыл ввысь.

— Спасибо! — крикнула ему, не особо рассчитывая на ответ.

Немного ещё прошла вперед и вышла к небольшой ферме. Грязная, уставшая, без единой монеты в кармане, я подошла к первому же мужчине, копавшемуся в земле, и спросила:

— Требуются работники?

— Иди к хозяину, он в том сарае, — мужчина ничуть не удивился, что я вышла из глухого леса соседней гряды.

Оказалось, что ферме нужны были только лесорубы, мясники и сборщики урожая. Профессии лесоруба и мясника меня не прельстили, я выбрала сборщика.

В первый же день, собирая яблоки, я упала со стремянки. Споткнулась на ровном месте.

Отделалась ушибами и прикушенным языком. Дальше — больше. Те яблоки, которые я собирала, рассыпались по дороге, корзины переворачивались, рвались ручки и прочее, прочее... Через несколько дней на мне не было живого места, синяки, ушибы, порезы полностью покрывали мое тело. Плюс испорченный урожай, сломанные стремянки, повозки, инструменты... После того, как в очередной раз я порезала руку и пришла за аптечкой, хозяин взмолился:

— Илья, ты ходячее бедствие... У тебя точно профессия — фермер? — я смущенно помотала головой. Он тяжело вздохнул и произнес. — И кто ты по профессии?

— Управляющий, — пробормотала я.

— У меня уже есть управляющий, и он меня вполне устраивает, — ответил хозяин. — Давай я заплачу тебе за месяц работы, а ты покинешь мою ферму?

— Хорошо, — кивнула я горестно, — я согласна.

Вот и третье неповиновение испробовала. Хорошего мало. Зато есть немного денег.

Через пару недель блужданий от фермы к ферме я освоила профессию попрошайки и бомжа. Если кое-какая одежда ещё у меня была (та, которую я купила в свой первый и последний раз, делая шопинг в Оши), то еду, питье и ночевку приходилось отрабатывать. И самое ужасное — никто меня управляющим брать не хотел. Я все больше и больше впадала в уныние.

Месяц потратила на кочевой образ жизни, это ещё хорошо, что был сбор урожая и всегда требовались лишние руки. Я старалась, делала все осторожно и медленно, но все равно роняла ножницы, корзины, путалась в лозе, царапала руки и рвала одежду.

И однажды мне повезло. Очередной мой наниматель, услышав старую байку о том, какой я плохой фермер и хороший управляющий, хитро на меня посмотрел и произнес:

— У моего соседа, митра Барнауца, нет управляющего. Уже давно. Если хочешь...

Я радостно захлопала в ладоши:

— Конечно, хочу!

Выражение лица мужчины было немного лукавое. Избавиться от меня было его главной целью и, видимо, он сделал бы все, что угодно, что бы я уволилась. Он даже предложил подвезти до фермы Барнауца.

— Только ты не пугайся, — произнес он, ссаживая меня около заросшего травой указателя, — он немного странноватый.

После месяца скитаний и сотни синяков мне так сильно было нужно поработать по своему прямому назначению, что я не обратила ни малейшего внимания на его слова.

Дорога к ферме была ровной. Пожалуй, на этом ее достоинства и заканчивались. Никто по ней не ездил уже давно. Я с трудом пробиралась сквозь песок, грязь, траву и наваленные ветки. Поля заросли сорняками, сады превратились в сказочные непролазные чащи. На ветвях висели созревшие плоды, но я не увидела ни одного сборщика, ни одной телеги на дороге. «Да уж», — подумала грустно. Ферма, как раз для меня. Тут нужно десяток лет убить, чтобы привести ее в порядок.

Вдали показался большое серое строение. Похоже на хозяйский дом. Закрыты все ставни, возле амбаров не снуют животные, не слышно стука топора или визга пилы. Тихо и

пусто.

У меня даже мелькнула мысль, что хозяин умер, и внутри я найду его разлагающийся труп. Потом вспомнила, что умирают здесь исключительно по разрешению Храма и тело сразу же забирают.

— Здравствуйте! — крикнула я, остановившись перед домом.

Когда-то фасад, наверное, производил впечатление. Каменная постройка из серого кирпича с желтыми прожилками, широкая дверь, ступени и колонны у входа выглядели красиво и основательно. Издалека. А горы мусора, занесенного ветром на крыльцо; зеленое болото вместо бассейна во дворе; грязные мутноватые окна в разводах и осыпающаяся черепица усугубляли и без того нерадостное настроение.

— Есть кто-нибудь?! — опять заорала я, решительно подходя ближе.

— Чего тебе, девочка? — из второго этажа выглянуло заросшее мужское лицо.

— Митр Барнаус? — и дождавшись кивка, продолжила, — я пришла наниматься на работу управляющего.

Из окна послышался хриплый ехидный смех.

— Управляющего? — переспросил он. — Тут нечем уже управлять. Иди отсюда, поищи себе работу в другом месте. Оставь меня в покое.

Ставни закрылись, митр ушел. Нетушки, я так просто не сдамся. Мне нужна эта работа, да и место идеальное. На окраине, всего в нескольких улитах от «моего» леса. Я энергично дернула на себя дверь и вошла в полутемное помещение.

Внутри было не лучше, чем снаружи. Пыль покрывала старую рассохшуюся мебель, полы не мылись, наверное, лет пятьдесят.

— Митр Барнаус! — заорала я, подняв лицо вверх. — Я упрямая и мне очень нужна эта работа!

— Мне нечем тебе платить, — оказывается он стоял возле лестницы на второй этаж.

Высокий, крепкого телосложения мужчина, ещё не совсем старый.

— Я и не требую плату. Пока мне будет достаточно крыши над головой и еды. А дальше посмотрим...

— Сумасшедшая девчонка, — прокряхтел митр, — ты же видишь, что ферма в полном запустении, нет ни работников, ни животных, ни техники. Пахотной земли почти нет, сады одичали. Я давно отошел от дел, и у меня нет желания что-то менять. Мне немного осталось.

Я сощурила глаза, рассматривая мужчину. По-моему, он только прикидывается немощным. Выглядит гораздо лучше Виды, а та еще была бодренькая старушка в свои сто с небольшим.

— Вы главное мне не мешайте, — заявила я авторитетно, — и через год вы не узнаете свою ферму.

— Делай, что хочешь, — махнул рукой он, — только меня не трогай.

Митр развернулся и шагнул в темноту коридора.

— Так я нанята?! — заорала ему в след.

— Нанята, — донеслось из темноты...

Работы действительно предстояло много. Сначала я произвела инвентаризацию складов и амбаров. Нашла кое-какое оборудование, разряженные батареи, одну поломанную повозку. Сбор урожая в гряде подходил к концу, и если я намеревалась хоть что-то успеть собрать, нужны были люди. Платить, естественно, было нечем, и я сделала заявку в гильдию такого

содержания: «Уникальное предложение. Зачем покупать фрукты, если их можно получить бесплатно! Две корзины собираете хозяину, две оставляете себе. Приглашаются жители городов и деревень всех профессий. Вы не будете работать по специальности, и мы не будем вам платить».

Я надеялась, что если это будет не работа, а обычная забота о хозяйственных нуждах (типа готовки еды домохозяйкой), то Боги не будут вставлять палки в колеса. Так оно и оказалось. Многие женщины приехали с детьми подростками. Набирали полные повозки местных яблок, слив, персиков и прочее и увозили домой. Нам тоже много чего перепало. «Лучше так, чем никак», — думала я, подсчитывая ящики с фруктами, стоящие у амбара. Оставалось придумать, что с ним делать.

Фрукты были не слишком товарного вида. Сады находились в запустении долгие годы, яблоки выдались маленькими, персики миниатюрными и невкусными. Продать их свежими не представлялось возможным. Значит только переработка. Выбирала между джемом, производством сока или алкоголя. Как я это собиралась делать, ещё не придумала, но после того, как нашла в подвале несколько огромных бочек, выбор определился сам собой. Тем более, что вино можно было продать намного дороже того же джема.

Хозяин смотрел на мои манипуляции издалека. Иногда я видела его, выглядывающим из окна, иногда мы встречались на кухне, где каждый готовил себе обед из чего придется. На небольшом огороде сзади дома еще росли овощи, а на дальнем пастбище паслась одинокая пожилая корова, которую хозяин регулярно доил и выгуливал. «Наверное, у него к ней особые чувства, — думала я, когда видела, как он ухаживает за ней, поит водичкой и расчесывает гриву».

Из смеси мелких неказистых фруктов и сахара получилось отличное пюре, которое потом отправилось в бочки и принялось бродить в темном теплом подвале. Я периодически перемешивала сусло, и когда пришло время, герметично закрыла бочки, вставив трубку для выхода газа. Откуда я знала, как делать вино, если ни разу в жизни этого не делала? Было ощущение, что я знала это всегда. Откуда ни возьмись, в голове возникали замыслы и супер идеи. Боги помогают в выбранной профессии? Что ж, тем лучше для меня.

Когда наступила зима, и времени стало больше, я отправилась навестить свой любимый лес. Только на этот раз запаслась маячком со встроенным компасом, едой и теплой одеждой. Неделя через неделю — таков был мой обычный распорядок. И как бы мне не хотелось побыстрее найти яму, только-только начинал болеть живот, я сразу же поворачивала домой. Я не торопилась. Теперь решила делать все основательно и более тщательно подойти к поиску. Маркером отмечала границы, рисовала знаки возле каждого найденного оврага, заносила в рукописную карту тропы и ориентиры. Я стала профессиональным следопытом, но пока это слабо помогало, ямы не было. Конечно, я не только зимой искала яму. Когда удавалось выкроить свободную недельку весной, летом, осенью, я всегда тратила их на поиски. Просто зимой времени было неизмеримо больше.

Если хозяин и удивился моим отлучкам, то ничего не сказал. Виделись мы редко, он не лез в мои дела, я не трогала его...

На следующий год у меня были грандиозные планы. Нанять работников на постоянной

основе, закупить технику, скот, распахать поля, почистить сады и многое другое.

Ранней весной я процедила вино, разлила по меньшим емкостям и закупорила. Теперь только ждать, пока созреет. А тем временем нужно найти покупателей. Я не сомневалась, что напиток получится отличным, мне удавалось все, за что бы я ни бралась.

Пришло время, и я удачно продала около двухсот бутылок в один из ночников Варны. Теперь у меня были деньги для дальнейших преобразований.

За зиму я постепенно убралась в доме, выбросила разломанную мебель и протертые ковры. Почти подружилась с хозяином, однажды напоив его молодым вином. Язык его развязался, и он поведал мне свою невеселую историю.

Еще десять лет назад его ферма была богатой и процветающей. У него была чудесная семья, и хоть Боги им дали лимит на одного ребенка, им с женой хватало счастья и так. Все было прекрасно, пока его сын не пошел в Храм выбирать себе сначала профессию, а потом и жену. Место жительства паре выбрали в той гряде, где жила девушка, а это было очень далеко. Сын уехал, а они с женой затосковали. Не радовало ничего, после редких посещений молодой семьи становилось только хуже. Жена зачахла от тоски по единственному сыну. И митру в голову пришла в голову гениальная идея. Отдать все накопленное добро за право выбора места жительства. Они пошли в Храм и им озвучили цену за двоих. Сумма была огромна. Митр продал все — скот, технику, урожай, ценности и даже земли, которые не были закреплены за фермой (что-то типа майората, по — моему). Были уволены все работники, урожай продан за два года вперед и все равно им хватило на «выбор» только для одного. Барнаус отправил жену, а сам остался здесь доживать свой век в одиночестве.

— А разве можно расставаться мужу с женой? — задала я интересующий меня вопрос. — Разве Боги не настаивают на том, чтобы пара жила вместе?

— Можно, если они выполнили свое предназначение, — вздохнул митр.

— Какое?

— Родили столько детей, сколько им определено Богами, после этого можно жить где угодно...

— Э... — нахмурилась я. — А если дети не рождены, что тогда?

— Штрафы за каждые бездетные три года, — ответил хозяин, — с каждым разом штрафы увеличиваются.

— Упс, веселенького мало. А вы встречаетесь с женой?

— Сначала я часто ездил, да и Трис приезжала с сыном. Потом все реже и реже. А за прошлые два года ни разу. Ни они, ни я... Последний раз, когда я у них был, мне показалось, что я чужой для них, — митр грустно опустил голову, — стал не нужен.

— Это естественный процесс, — налила я ещё понемногу в бокалы, — вы не причем. И они не виноваты тоже. Когда люди не видятся по нескольку лет, чувства остывают. Это жизнь...

Мы выпили еще немного. Я все больше и больше ненавидела тот капкан, в который угодила. Понимала, что сделать ничего не могу, и это бесило еще больше. Мужа, которого выбрали для меня Боги, я не желала, пусть он был самым идеальным. Место, где приходилось жить — хотела поменять. Только вот профессия... Тут действительно все хорошо. Но иногда меня терзали смутные сомнения, что скоро надоеет мне управление и захочется чего-то новенького. Оставалась одна надежда на то, что я обнаружу яму и смоюсь отсюда как можно скорее.

Живя здесь, я многое поняла. Люди делились на два типа. Одни, как Вида, принимали

волю Богов безропотно и послушно. Никогда не перечили и жили в итоге счастливо, в согласии и спокойствии. Другие, как Барнаус, пытались (как могли, что было в их силах) изменить установленный распорядок. Они покупали в Храме выбор, немножко обманывали Богов. Например, я заметила, как один молодой человек один час раз в день посвящает чистке коровников (ему выбрали профессию животновода), а потом за него все делают другие. Его отец, богатый владелица ночника, живущий по соседству, договорился с Барнаузом, чтобы тот трудился у него на ферме. Пусть таких мажоров было немного, но они были. Люди везде одинаковые, и здесь и там. Лишив выбора, Боги дали взамен абсолютное здоровье, благополучие и достаток. У нас же есть болезни, войны, бедность, голод. Что лучше? Неизвестно. А с другой стороны мы всегда его совершаем, каждый день, каждую минуту. Честность или воровство, верность или предательство, любовь или ненависть. Кто прав? И что делать? Я вздохнула и опустила на сложенные руки тяжелую голову.

— Хорошая ты девушка, Уля, — произнес заплетающимся языком митр, — не похожа на местных вертихвосток. Так откуда ты, говоришь, приехала?

— Из Баку, — ответила я тоном не намного тверже.

Я изменила имя, изменила фамилию. Опять выдумала новую грядку и, пользуясь тем, что большинство жителей сидели у себя дома и никуда не выезжали, не боялась, что не обнаружат таковой на карте. По большому счету и карт не было. Боги не считали нужным посвящать народ в таинства географии.

Вначале я, привыкшая к интернету и телевидению, очень страдала от отсутствия новостей. Помню, как меня нервировала инфантильность Виды.

— Все, что нужно знать, мне сообщит вестник с Храма, — говорила она, — больше мне ничего не интересно.

— А вдруг что-то случится? — не унималась я.

— Что, например?

— Ну не знаю... — я перебрала в памяти то, что случилось у нас, и откинула большинство новостей. Ни политика, ни войны, ни революции, ни эпидемии не были актуальными. — А вдруг астероид прилетит, и планета взорвется?

— Не знаю, что такое астероид. Но по твоим словам, что-то ужасное. И ты думаешь, если я буду о нем знать, то что-то смогу сделать? — заулыбалась Вида.

Я не нашла, что ответить. Тогда я была в негодовании, меня раздражало то, что я не могла узнать протяженность грядки, количество людей ее населяющих, не могла посмотреть карту планеты. Те вещи, которые были естественными у нас, на Земле, здесь были под запретом.

Следующий год я встретила во всеоружии. На ферме работало пятнадцать человек на постоянной основе. Немногочисленные поля были вспаханы и засеяны, сад обрезан и опрыскан от вредителей, подготовлены амбары для урожая и так далее. Мы взяли даже двух кухарок и купили еще одну грузовую повозку. Были потрачены все кредитные средства, полученные от гильдии Варны на развитие бизнеса. Но я не боялась прогореть. Я была уверена в своих силах, да и Боги помогают, если трудишься в своем профессиональном поле...

Когда мы собрали урожай, встал вопрос о продаже, и тут оказалось, что в Варне сельхозпродукции и так завалились, так как почти вся Оша была аграрным районом. Я поехала дальше и дальше, по городам. Гильдии разводили руками. Они предлагали принять продукцию, но по минимальным ценам. Меня это не устраивало. Я прошлась по ночникам, гостиницам, ресторанам.

— У нас уже есть поставщик, нас он устраивает, — заявили мне в Горше.

— И кто же это? — буркнула я.

— Митр Павн, — ответил владелец ночника, — у него прекрасные овощи и фрукты. Да и мясо отличное поставляет.

Я кивнула и поехала в другой город.

— Рей Павн наш поставщик... — Отказ.

— У Павнов отличная репутация, мы не будем менять поставщика... До свидания.

Бла. Бла. Бла.

Объехав все крупные города, я призадумалась. Мой деверь оккупировал почти половину гряды. Так не пойдет. Потом я подумаю, как спихнуть его с пьедестала, а пока мне нужно придумать, и очень срочно, куда девать тонны собранного урожая. Все пустить на вино? У меня нет столько емкостей, да и деньги от продажи тогда появятся только через четыре-пять месяцев.

Нужно ехать в соседнюю грядку. Я заправила батареи и рванула на север.

Прошло ещё несколько дней, пока я нашла покупателя. Еще пару на обсуждение условий сделки и торговлю. На пятый день знакомо заныл живот... Злясь и ругаясь сквозь зубы я потопала в местный Храм.

Только я встала в светлый круг, как голос запричитал:

— Вы находитесь не в своей родной грядке, у вас есть день, чтобы вернуться назад.

— Я не могу вернуться, пока не заключу контракт, — ответила я, — мне нужно еще два-три дня. Максимум четыре.

Я хотела дожать владельца ночников в столице и раскрутить ещё и на спиртное.

— Твой срок вышел, Илья Вида. Возвращайся в Оши, — голос был неумолим.

— Если я уеду, то не заключу контракт и останусь без прибыли в этом году, — твердо произнесла я, пусть внутри все дрожало от неуверенности и страха, голос оставался спокойным, — пострадает моя репутация управляющего. Люди, которые работают на меня останутся без заработной платы, ферма опять придет в упадок. Вы же должны помогать в моей профессиональной деятельности. Разве нет?

Я замерла в ожидании. Надежды было мало, но уехать, не попробовав склонить чашу весов на свою сторону, я не могла. Молчание затягивалось. Как я бы сказала раньше, произошел неприятный юридический казус. Столкнулись два табу. Интересно, что выберут Боги? Табу на работу или на проживание?

Я почувствовала, как струйка пота сбежала у меня по шее. Чем дольше длилось молчание, тем неуверенней и нервозней я становилась.

— Ты можешь задержаться в грядке ещё на один срок, — в конце концов произнесли Боги.

Я коротко кивнула и вышла из Храма, внутри бурлило ликование. Я победила! Я узнала главное! Если можно обмануть Богов в одном месте, если можно нарушить веками устоявшиеся правила, значит, я найду, как обходить их все до единого!

Домой я летела, как на крыльях. У меня был контракт! Овощи и фрукты завтра

отправятся грузовым экспрессом на север, и самое главное — я обманула вездесущих Богов.

Наступила моя вторая зима на ферме. И третья на Илимасе. Я стала смелой и решительной, по крайней мере, с виду. Я преуспела на профессиональном поприще, за год превратив ферму из заброшенной если не в процветающую, то хотя бы в прибыльную. Митр Барнаус выбрался из раковины и взял на себя руководство над работниками и наем новых.

— На самом деле я никогда не думал, что такая мелкая юная девчонка способна сделать такую грандиозную работу, — заявил он однажды.

— Теперь мне полагается зарплата? — лукаво улыбнулась я.

— Впиши в контракт любую сумму, какую захочешь, деньги все равно все у тебя, — вздохнул наигранно он.

— Сами виноваты, — хмыкнула я и побежала собираться.

Зима и ранняя весна — время поисков ямы. Я уже обследовала всю западную часть леса и кусок центральной части. Пусть и продвигалась медленно, но зато знала, что не пропустила ни единого неучтенного миллиметра земли.

— Митр, — как-то раз я обратилась к Барнаусу, — как вы смотрите на то, чтобы производить крепкий алкоголь? Он будет востребованный, так как нужен для гораздо более разнообразных нужд.

— В смысле? — не понял он.

— У меня есть идея, где мы сможем использовать спирт!

— А что такое спирт? — опять переспросил он.

— Я дам вам попробовать, — заявила я, полностью захваченная новой мыслью.

И как мне раньше не пришла в голову эта идея? Заспиртованные ягоды, сухофрукты, настойки и прочее... Тьма возможностей и совсем немного вложений. Нужно только вспомнить, как сделать самогонный аппарат.

Оша была полностью сельскохозяйственным районом. Иногда у меня мелькала мысль, куда гильдии девают такое огромное количество фруктов, овощей, мяса? Если Боги помогают в выбранной профессии, то получается, что все фермы приносили бешеную прибыль. Конечно, большинство фермеров сдавали продукцию гильдиям и не заморачивались поиском источников сбыта подороже.

Я не хотела уподобляться им и решила продавать не сырье, а уже готовую продукцию, годную к употреблению. Если бы было возможно, я бы построила конфетную фабрику или консервный завод, но пока ограничимся джемом, спиртом, вином и тому подобным.

Через полгода ночники Варны и Оши были в моих руках. Я поставляла крепкий алкоголь, заспиртованные сухофрукты, настойки, джемы и пюре. Деньги текли рекой. Я уже подумывала открыть свою пекарню и кондитерскую (как в «Коротком дне»), как на меня вышел сам старший Павн. Наверное, перешла дорогу...

Он прислал на ферму вестника с просьбой встретиться с митром Барнаусом.

Я уже почти забыла про свой неудавшийся брак. Иногда замечала заинтересованные мужские взгляды в свою сторону. Меня даже пару раз приглашали на свидания. Я стандартно отказывала, ссылаясь на загруженность и тоску по покойному мужу. Я сменила легенду, и теперь была молодой вдовой, чей муж недавно погиб на рудниках (да простит меня Гор). А

незабытая боль после того самого поцелуя в Турисе была дополнительным стимулом отвергать кавалеров.

— Может быть, ты с ним встретишься, — митр ныл уже второй день, — что я ему скажу? Я ничего не понимаю в твоих делах.

— Павн хочет встретиться с хозяином, а хозяин — это вы, — отвечала я.

Не хотелось мне встречаться с деверем. Слишком уж он наблюдательный и умный. И пусть я опять сменила имидж, манеру одеваться и краситься, существовала все-таки небольшая вероятность, что он меня узнает.

Я вернулась к родному цвету волос, перекрасив их в рыжий. Перестала пудрить кожу, и теперь она была просто бледной. Конечно, приходилось рисовать стрелки, удлинняя глаза и прятать уши, но на этом и все. Косынку почти не надевала, предпочитая тюрбан или пышную прическу. И теперь, видя себя прежнюю в зеркале, я словно выпрямила плечи, стала уверенней и спокойней. Но все равно, если была бы возможность избежать встречи с Реем, то я бы воспользовалась шансом.

— Я не знаю, о чем с ним говорить, — Барнаус хватался за соломинку, — он один из самых богатых землевладельцев в Оши, а я...

— А вы самый удачливый предприниматель, — отрезала я.

— А кто это? — округлил глаза митр.

— Это значит, что вы лучше зарабатываете деньги, находите новые способы развития бизнеса, вкладываетесь в перспективные проекты...

— Что? — растерянный хозяин хлопал глазами.

— Просто запомните мои слова и держитесь высокомерно, — вздохнула я, — если на какой-либо вопрос не знаете ответа, говорите: «Это не в моей компетенции» или «мне это неинтересно». Будет предлагать сотрудничество — отказывайтесь...

И так далее. Я учила митра, он послушно кивал.

— А, может, лучше ты... — опять принялся за старое.

— А зачем мы вам дорогуций костюм купили и сапоги из корушки? Вы теперь выглядите, как богач... — Я окинула хозяина восторженным взглядом и убрала несуществующую пылинку с воротника.

— Ладно, — вздохнул он, — поеду на новой грузовой повозке, она выглядит приличней, чем старая.

— Ага, — согласилась я, — заодно возьмите партию наливки для «Короткого дня» в Варне. Я обещала доставить завтра, но если такая оказия...

— Но как я буду выглядеть, если Павн узнает, что я работаю развозчиком? — растерялся митр.

— Вот это и называется предпринимательством, — усмехнулась я хитро и пояснила, — истинный коммерсант не обращает внимания на показуху. Он делает деньги в любой ситуации, не боясь показаться смешным, работающим или скромным.

— Не понял... А зачем тогда ты мне купила костюм?

— Ясно, — вздохнула я, — проехали. Помните, ваша любимая фраза — мне это неинтересно...

Я с тревогой смотрела на удаляющуюся повозку. Митр был прекрасным добрым человеком, но любой, кто с ним поговорит, поймет, что с выдумкой и изобретательностью у него туговато.

Вернулся хозяин радостным и довольным.

— Какой замечательный парень этот Павн! — заявил он с порога. — Такой внимательный, любознательный. Ик.

— Вы пьяны?

Я подошла ближе и приняухалась. Точно.

— Должен же я был угостить его нашей наливкой, — митр, пошатываясь, добрался до кресла и упал всем своим немаленьким грузом.

Кресло натужно закричало.

— Значит, все, что я говорила — коту под хвост, — пробурчала под нос.

— Такой молодец, — распинался Барнаус, — все время спрашивал, интересовался. У него столько идей... Хозяин икнул и выдал: на тебя, кстати похож.

Я скептически поджала губы.

— Я пригласил его на следующей неделе в гости, — я перепугано уставилась на хозяина, — он захотел сам увидеть твои идеи, так сказать, в деле.

— Что? — только и смогла выдавить я из себя севшим голосом.

— Я признался, что это ты... как ты там говорила... отличный предприниматель... И все благодаря тебе, — митр всхрапнул и прикрыл глаза. — Что-то я устал...

— О боже, — прошептала я.

Все, что я говорила митру, прошло мимо ушей. С одной стороны мне повезло, что он честный и открытый человек, а с другой... Что же, придется готовиться к визиту дорогого гостя.

За внешность я не боялась. Прошло много времени после того, как Рей видел меня в последний раз. Я совершенно изменилась, даже держаться стала по — другому. Черные волосы, смуглая кожа, яркие косынки и браслеты — в прошлом. В прошлом истеричность и нервозность, хамство и трусость. Сейчас я сама естественность, простота и изящество. Дорогая одежда пастельного цвета, закрывающие шею и запястья рубашки, узкие бриджи, высокие сапожки на каблуке. Копна русых волос, бледная кожа и взгляд свысока, теперь я девушка с деньгами и гонором. Теперь я знаю себе цену.

Что может подвести — это голос и манера разговора. Значит, придется следить за тоном. И пусть мы с ним не слишком много разговаривали, лучше перед его приездом выпить холодного молока. От него у меня сразу садится голос.

Рей прислал вестника за день до приезда. Воспитанный, гад. Я и так провела в напряжении всю неделю, даже митр удивленно поглядывал и спрашивал, что со мной. А после вестника вконец разволновалась. Весь вечер провела перед зеркалом, ретушируя брови, рисуя стрелки и перебирая одежду. Потом плюнула в сердцах, обозвала себя дурой и легла спать. Будь, что будет. Даже если он меня узнает, то пусть только попытается забрать к

муженьку. Я устрою такое представление, что он сам будет не рад...

Как я не хорохорилась, но перед приездом гостя забила в самый дальний уголок фермы, где строили сушку для фруктов, сделав вид, что без моего руководства работники не справятся. Строители странно на меня косились и ходили по большому диаметру, стараясь не зацепить дорогой одежды.

На эту сушку у меня были большие планы. Я собиралась покупать за бесценок у соседей излишек урожая и производить сухофрукты. Они и хранятся дольше, и используются в разных областях, например, в кондитерке...

Прошел час, пошел второй, я постепенно успокаивалась. А вдруг Рей посмотрит дом, подвал и уедет спокойненько домой? И когда я совсем расслабилась и даже согласилась попить чаю со строителями, в проеме склада показались две мужские фигуры.

— Вот ты где прячешься! — зычный голос митра Барнауца заставил меня вздрогнуть и выплеснуть полчашки напитка на пол. — А я все гадаю, где мой управляющий.

Рядом с митром стоял мой ненавистный деверь. Такой же, как и всегда. Солидный, спокойный, одетый в черный сюртук и такого же цвета брюки. На лице, как обычно, непроницаемая маска, губы сжаты в тонкую линию. Свершилось. Прятаться больше не имеет смысла. Я встала со стула и шагнула навстречу.

— Добрый день, митр Павн, — произнесла я, встречая его пронизывающий взгляд.

— Митресса Уля, — кивнул мне Рей и улыбнулся уголком губ, — вот значит, кто пытается разрушить мой бизнес.

Барнаус хихикнул рядом с нами, шутка показалась ему забавной. Я не улыбнулась.

— Я не разрушаю ничего из того, что Вы сами не разрушили, — ровно ответила, не отрывая взгляд от черных глаз, и добавила насмешливо, — если Вы не в состоянии удержать первенство, то Ваше место обязательно займут более удачливые и смелые.

Рей хищно прищурился. Смотри, смотри, все равно не узнаешь. Молчание затягивалось, рядом смущенно переступал с ноги на ногу митр. В итоге, Рей иронически хмыкнул и произнес.

— С Вами выгоднее дружить, митресса...

— В бизнесе нет дружбы, есть только конкуренция. Кто победитель, тот и прав, — ответила я заносчиво.

— Не только конкуренция, — медленно произнес Рей, — ещё партнерство, сотрудничество. Или Вы не знаете таких слов?

Опа. Деверь показал зубки? Забавно.

— Слова знаю, но я не знаю Вас, митр Павн. И не собираюсь сотрудничать с первым встречным.

— В таком случае, давайте знакомиться, — Рей искренне улыбнулся и, как последняя размазня, я растаяла от его улыбки.

— Давайте...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Переиграл, плут. Если бы я отказалась, то выглядела бы совершенной стервой и грубиянкой.

Барнаус, до этого момента переводивший настороженный взгляд с меня на Павна, облегченно выдохнул:

— Ну вот и познакомились. — Он потер руки. — А теперь я вас оставляю, старику нужно отдохнуть.

Я подавила в себе порыв удержать митра. Это было бы слабостью. Митр потопал в сторону дома, я а развернулась к Рею.

— Ладно! — смирилась я со своей судьбой. — Что Вы хотели увидеть?

— А что Вы готовы мне показать? — ответил вопросом на вопрос Рей.

Я безразлично пожала плечами.

— Тогда начнем с перегонного аппарата...

Я впервые увидела деверя расслабленным и дружелюбным. После часа блужданий по амбарам, подвалам и складам, он уже не казался мне монстром, желающим меня украсть. Совсем наоборот. Он вникал в мои слова, переспрашивал, хвалил... Я поражалась его заинтересованности и любопытству. Мы говорили о проблемах сбыта излишнего урожая, о том, что гильдии демпингуют на рынке, не давая фермерам зарабатывать...

— Вот если бы можно было сделать замкнутый цикл... — мечтательно произнесла я, глядя на незаконченную сушилку.

— Что именно ты хочешь? — поинтересовался Рей, мы перешли на «ты» в середине путешествия.

Вообще, на Илимасе «вы» употреблялось очень редко. Только при обращении к людям преклонного возраста. Часто я поражалась, когда при встрече меня сразу же называли на «ты»...

— Я хотела бы, чтобы зарядившиеся батареи на крыше спускались вниз и сами вставляли в разъемы сушики, а выработанные, отправлялись на зарядку вверх, — я энергично размахивала руками, показывая непрерывный вертикальный конвейер. — Понимаешь?

Рей сосредоточенно кивнул.

— Тогда бы можно было бы освободить несколько работников от замены батарей. А то приходится следить за тем, чтобы сушила была все время заряжена.

— Уля, — Рей серьезно посмотрел на меня, — я могу придумать тебе такое приспособление... Я немного изобретатель.

Я настороженно подняла глаза. Бесплатный сыр только в мышеловке.

— И что ты хочешь за помощь?

— Ты откроешь мне тайну перегонного куба, — Рей прищурился.

— А не много ли ты хочешь, уважаемый митр? — фыркнула я насмешливо. — Стоит ли труд одного-двух работников, которые сейчас обслуживают сушилку, моего гениального открытия спирта?

— Твои условия? — улыбнулся он покладисто.

— Пообещай не поставлять спирт южнее Варны, — произнесла я твердо. — Мне север, тебе юг...

— Ладно, — тут же согласился деверь и добавил полушутливо, — с тобой опасно иметь дело, митресса.

— Не очень, — беззаботно махнула рукой я, — главное не переходи мне дорогу. Если не будем лишний раз пересекаться, то вполне сможем сосуществовать.

— Но я хочу иногда переходить тебе дорогу, — произнес Рей.

Я мгновенно нахмурилась.

— В смысле?

— Иногда встречаться, обсуждать изобретения. Знаешь, ты первая с кем мне действительно было интересно. У тебя много разнообразных идей, блестящих замыслов.

Самолюбию было приятно услышать комплимент от знаменитого брата моего мужа, но внутри грызло беспокойство.

— Э...

Я не знала, что сказать. Мы, наконец, вышли на площадку перед особняком и остановились рядом с автомобилем Рея. Я окинула взглядом знакомую повозку, на которой он забирал меня из Туриса, вспомнила наши скандалы и прения и еще раз убедилась, что встречаться нам незачем.

— Так когда ты сможешь выполнить мой заказ? — перевела я разговор в более безопасное русло.

— Думаю, недели через две привезу прототип. А ты к этому времени подготовь чертежи.

Я согласно кивнула, усиленно размышляя. Чего он стоит и смотрит? Неужели ему не пора? Солнце беспощадно било прямо в лицо, не давая скрыться от пристального взгляда.

— Уля, — вдруг Рей резко наклонился вперед, — мы раньше не встречались? Ты очень похожа на... Одну мою знакомую.

Сердце испуганно дернулось. Ну вот. Дождалась. Я слегка склонила голову набок, просчитывая в уме возможные варианты поведения.

— Ты не здешняя, — задумчиво добавил Рей, — я ни разу не видел такой странный разрез глаз, губ. И совсем не заметны клыки. Их почти не видно...

— Я действительно не здешняя... Всего полтора дат в Оши. До этого жила в другом месте. Очень далеко, почти на другом конце Илимаса. После смерти мужа выбрала распределение сюда.

— Барнаус рассказывал мне о твоём несчастье... — тихо произнес Рей. — Как это случилось?

Я мысленно дала обещание убить митра за длинный язык. Хотя. Что он такого рассказал, чего я скрывала? Это была моя официальная легенда. А делать заказы под своим именем в гильдии я давно перестала. Так что, вероятность узнавания во мне беглой невестки Рея минимальна.

— У него была профессия горняк, он добывал руду под землей, и однажды шахту завалило, — моя легенда за время обросла подробностями.

Я хорошо подготовилась. Узнала, какие профессии самые травмоопасные, и что в некоторых гильдах основным заработком является добыча минералов. И иногда бывают аварии...

— Постарайся больше не напоминать мне об этом, — печально произнесла я, выдержав немаленькую паузу, — мне больно обсуждать мужа.

Ха! А я даже не соврала.

— Извини, — Рей был само раскаяние, — я понимаю, как тебе тяжело. Потерять любимого. Еще в таком молодом возрасте...

Я тяжело вздохнула и опустила глаза. Очень хотелось захихикать. Закусив губу, чтобы не опозориться вконец, вдруг подумала, что Рей сам того не желая извиняется передо мной за мой неудавшийся брак с его братом. Тема узнавания была забыта. Сейчас Рей выглядел не хищником, который унюхал добычу, а скорее беднягой, преисполненным раскаянья.

Мы немного помолчали. Почему он не садится в машину? Все смотрит и смотрит.

— Уля, не хотите работать на меня? — вдруг произнес он, и я опять подпрыгнула от неожиданности.

Ему снова удалось меня удивить.

— Кем?

— Управляющим, конечно, — улыбнулся Рей, — у меня никогда не было такого великолепного управляющего. Обещаю удвоить сумму твоей заработной платы.

Я на миг представила себя рядом с Реем. Работать бок о бок, продвигать новые проекты, спорить, внедрять новшества, торговаться... Эх, было бы интересно. Но... Минусов гораздо больше. Во-первых, я буду близко от своего мужа, во-вторых, далеко от леса, который я уже обшарила наполовину, в-третьих, митр Барнаус меня во всем устраивает, не лезет в мои дела, дает мне полную свободу действий.

— Спасибо за предложение, но я отказываюсь.

— Я должен был попытаться, — улыбнулся он совсем не удивившись, — тогда... До встречи, Уля?

— До встречи, Рей, — я смотрела, как он отъезжает на своей красивой машине и вдруг поймала себя на мысли, что мой деверь очень даже ничего... Когда он не смотрит свысока и не поучает, как жить, с ним можно общаться.

Конвейер привезли через неделю.

— Мог бы и предупредить, — недовольно встретила я улыбающегося деверя, судорожно вспоминая, что на мне надето и накрасилась ли я утром.

Целый день я обустроивала территорию сушилки, раскладывала стеллажи, шкафы, расставляла ящики. Рабочие вырыли подвал для готовой продукции. Холодильные батареи приходилось заказывать с севера за немалые деньги. Зато у них ничего не росло. Следующим этапом у меня было забраться на десяток гряд на север и договориться о бартерных поставках. Мы им продукты, вино, спирт, они нам холодильники. Митр говорил, что так далеко он ни разу не уезжал. Да и вообще, у них не приветствовалось, чтобы люди перемещались на такие расстояния. Максимум две — три гряды. Так как экспресс проезжает в сутки около одной гряды (а все гряды одинаковы по размеру), то за данную Богами неделю вне дома, человек может проехать только две с половиной гряды в одну или в другую сторону, чтобы успеть вернуться обратно.

Я-то знала, как бороться с Богами на их поле, поэтому особо не нервничала. Полгода назад со мной приключился еще один инцидент с сильными мира сего, и я вышла из него победителем.

Когда я помогала закладывать первую партию фруктов под пресс, я прищемила руку, причем так больно, что сразу определила «знак от Богов». Не откладывая в долгий ящик, обмотав ранение, прыгнула в машину и отправилась в ближайший Храм.

— Как это понимать? — заявила я сходу, только-только встав в круг.

— Ты работала не по своей профессии, — заявили мне сверху.

— А кто может определить, где заканчивается моя профессия и начинается другая? — ответила я.

— Твоя профессия «управляющий»...

— Правильно, — перебила я голос, — управлять — это значит не только считать деньги, продавать продукцию и планировать работу на ферме. Управлять, значит, быть в курсе всего, что происходит в доме, в саду и в поле, вникать во все дела, показывать, как правильно делать работу сборщикам урожая или другим служащим. Научить, показать, рассказать...

Мой монолог продолжался и продолжался. Боги молчали. За время жизни на Илимасе, я поднаторела в софистике, научилась так хорошо изворачиваться, юлить и философствовать, что сама верила в то, что говорила.

— Вы мне позволите и дальше спокойно, без эксцессов, заниматься тем, что мне нужно для выполнения функций управляющего? — в конце произнесла я, стараясь запутать Богов окончательно.

Молчание. Я терпеливо ждала, рассматривая белые стерильные стены.

— Только в тех областях, которые связаны с твоей профессией, — наконец они соизволили ответить.

— Фермерство, животноводство, уборка, повариха, подсобные работы и так далее... — на всякий случай уточнила я.

Опять продолжительное молчание. Что же, я никуда не спешу.

— Да, — мне показалось, или в их голосе мелькнуло недовольство?

Нет, не может быть. Они же беспристрастны.

— Договорились, — быстро спрыгнув на пол, пока они не передумали, я направилась домой.

Кто может определить, какие области связаны с моей профессией? Никто. Даже, если мне будет необходимо разукрасить дом или вышить покрывало, я найду способ убедить Богов, что эти действия были необходимы. То ли Боги на Илимасе не совсем компетентны, то ли им в сущности все равно, что творится вокруг, то ли они совсем и не Боги?..

Мысль кощунственная, но она прочно засела в моем мозгу. Здешние так привыкли их считать Создателями, что не видят нестыковок в действиях и словах... Я же смогла сыграть на их поле и выиграть в двух номинациях — профессии и месте жительства. Оставалось одно незаконченное дело — замужество.

Деверь выглядел страшно довольным. Я с подозрительностью смотрела на улыбающееся лицо и видела перед собой совершенно другого человека. Он руководил выгрузкой конвейера, попутно бросая на меня косые взгляды.

— Я думала, что работа займет у тебя больше времени.

— Я торопился, — произнес он, помогая рабочему перенести запчасть на тележку.

Интересно, зачем? Я не хотела, чтобы он мне нравился, не хотела симпатизировать ему. И пусть врагом он не был, но и другом назвать брата своего мужа я не могла.

Сейчас на Рее был обычный рабочий комбинезон, немного пыльный, немного помятый, волосы растрепались, на щеке темнел след от смазки. А главное, вид у него был не суровый и надменный, а очень даже добродушный и милый. Черт!

— Займемся установкой? — произнес он, отряхивая руки.

Я согласно кивнула и пошла за тележкой.

Рабочие устанавливали конвейер, Рей давал указания, я же тихонько стояла в стороне, наблюдая за деверем. Как же он переменялся. Словно сбросил с себя груз условностей и предрассудков. Словно помолодел лет на десять, и я уже не смогла бы с уверенностью

утверждать, кто из братьев красивее. Стоп! Что за мысли? Он же женат, и это у них навечно!

Я отлучилась, чтобы попросить принести рабочим напитки с бутербродами. Позвала принять участие в установке конвейера митра, тот отказался. Потом проверила пресс, прошла по саду, посетила коровник. Там меня и нашел Пит.

— Митр Павн просил передать, что они закончили, — произнес он на одном дыхании, — ждут только тебя.

Делать нечего, необходимо принимать работу. Вздохнув и мысленно попеняв себя за трусость, я потопала в сторону сушилки. Не хотелось надолго оставаться рядом с деверем, слишком уж он начинал мне нравиться.

Конвейер производил грандиозное зрелище. Высотой около трех метров, изящный, блестящий, он выглядел как хитроумный агрегат из моего земного прошлого. В центре располагались горизонтальные стеллажи, на которые будут укладываться поддоны с фруктами, по бокам вертикально стояли батареи, сейчас не заряженные.

— В конвейере задействовано четыре пары батарей, — произнес Рей, незаметно подойдя ко мне, пока я любовалась машиной, — две заряжаются наверху, две сушат фрукты внизу.

— Но как они поймут, что они зарядились? Есть таймер? — задумчиво произнесла я, попутно вычисляя, сколько хоть приблизительно может стоять эта машина, и нужно ли мне будет платить Павну?

— Нет. Конечно, я рассчитал, сколько времени заряжается и разряжается одна батарея, — радостно ответил тот, — но так как разряжаться повторно она будет не полностью, то в следующий раз ей нужно будет потратить меньше времени...

Я кивнула.

— Соответственно, зарядка по определенному времени отпадает.

— И как же можно рассчитать время следующей зарядки? И нужную температуру?

Для меня, выросшей на классической механике, было непонятно, что делать со всеми этими батареями, зарядами, накопителями. У нас было все просто — двигатели работают на бензине, дизеле, газе. Да еще атомная энергия, солнечная. У любой машины, станка и конвейера, короче, у любого механизма есть двигатель, который толкает, крутит, тормозит или разгоняет. А как конвейер будет работать без двигателя? Сие мне было недоступно...

— Смотри, — Рей подошел к блестящему корпусу и дотронулся до тонкой пластины, прикрепленной к батарее, я прищурилась, пытаясь разглядеть стык. — Принцип работы конвейера основан на противовесе. Я и раньше делал подобные машины, поэтому вышло так быстро. Я соединил вместе несколько батарей. Одни, как обычно, будут нагреваться на солнце и аккумулировать жар, другие от температуры первых становятся тяжелее.

Я удивленно уставилась на Рея.

— Есть такой минерал — кадний, он добывается на юге. Мне пришлось съездить за ним. Так вот, от температуры он меняет свою кристаллическую структуру. Набирает вес, так сказать. Батареи становятся тяжелее и опускаются вниз. На их место перемещаются остывшие, более легкие.

— То есть, она сама будет решать, когда ей нужно будет менять батареи? — мои круглые глаза округлились ещё больше. — Опускать их и поднимать наверх? Непрерывно?

— Поднимать сама, но непрерывно — нет, — улыбнулся Рей, — пусть я и поставил самые емкостные батареи, какие смог найти, но на всю ночь их все равно не хватит. Примерный расчет — в три часа ночи все батареи остынут, и конвейер остановится. Плюс

ещё же нужно будет убирать готовую продукцию, для этого тоже нужно будет останавливать конвейер.

Я всегда любила умных мужчин. Поэтому первым делом попыталась погасить в глазах искреннее и неподдельное восхищение деверем. Незачем ему об этом знать.

— Значит, сушилка не сможет работать с трех ночи до девяти утра? — буднично поинтересовалась я.

— Да, это время можно будет потратить на диагностику и смазывание деталей. Все-таки за ней придется следить, как и за любой другой машиной.

— Конечно...

Я уже было открыла рот, чтобы добавить: «Какой ты молодец!», как вовремя спохватилась. Нужно срочно расставаться с деверем, пока я не принялась преклоняться перед его находчивостью и заглядывать в рот. Я развернулась и направилась прочь из склада. Рей, немного потоптавшись, пошел за мной.

Мы молча дошли до авто.

— Я ещё не закончила чертежи перегонного куба, — буркнула холодно, демонстративно сложив руки на груди.

На самом деле я за них ещё и не садилась.

— Ничего страшного, я приеду через неделю и заберу, — добродушно ответил Рей.

— Зачем? Я могу прислать почтой, — не хочу с ним встречаться.

Не хочу симпатизировать. Чем меньше мы будем видеться, тем лучше. Нет ничего более опасного, чем увлечься братом своего мужа.

— Мне совсем несложно. Я все равно часто бываю в этих краях.

Какой настойчивый! Я равнодушно пожала плечами. Как хочешь.

— Тогда... До встречи? — Рей, немного потоптавшись возле машины, залез внутрь.

— До встречи, — пробормотала я, наблюдая, как авто взмыло вверх.

Меня переполняли двойственные чувства. С одной стороны, мне было интересно с ним, с другой... Он женат, я скрываюсь от его брата. И даже призрачная интрижка невозможна между нами. Зачем же тогда нам встречаться?

Всю неделю я уговаривала себя, что Рей мне совсем не нравится. В этом мире брак на всю жизнь. И даже если (а вдруг?) я ему приглянусь, даже если он придется по душе мне... Все равно есть еще примитивная физическая боль, которую никто не отменял. Мы просто физиологически не сможем быть вместе.

Значит — просто друзья? Точно.

К концу недели я успокоилась. Волнение о том, что я влюблюсь в деверя, улеглось. Этого просто не может быть. Я занималась своими повседневными делами и не думала о том, какой он умный и красивый. Впереди сбор урожая, потом зима и поиск ямы... Да! Кстати! Зачем мне здесь какие-то кавалеры, если я в одно мгновение могу перенестись в свой мир, оставив позади все то, что мне дорого здесь?

И когда Рей приехал через семь дней, у меня даже не екнуло в груди, я была спокойна, как удав.

— Привет, — мимоходом ответила на приветствие, — чертежи готовы, сейчас принесу.

Я направила в дом.

— А ты не хочешь съездить ко мне на ферму и помочь с установкой? — крикнул Рей вслед. — Посмотришь мои механизмы, приспособления. Обменяемся опытом... Обещаю теплый прием.

Ага... Сюда входит знакомство с братом и женой?

— Нет, спасибо, — обернулась я, — у меня много работы.

Засунув под мышку папку с бумагами, я топала назад и чувствовала себя прескверно. Рей отказался от денег за изобретение конвейера, мотивируя это тем, что работал не по профессии, а Боги наказывают тех, кто зарабатывает вне своей прямой специальности. Относится ко мне добродушно и по — дружески, а я? Холодно отвечаю ему, постоянно настороженна и напряжена. Даже толком не поблагодарила. Со стороны моя сухость и безучастность выглядят подозрительно.

Я отдала чертежи, потом мы прошли в подвал, чтобы Рей ещё раз внимательно посмотрел на устройство перегонного куба.

— Хочешь посмотреть на работу своего конвейера? — поинтересовалась мимоходом.

После долгих размышлений я решила быть более дружелюбной и любезной.

— Конечно, хочу! — Рей выглядел оживленно, почти счастливо.

Куда делся его обычный невозмутимый вид, который я наблюдала, живя в их особняке? Или тот вид был только для «домашнего пользования»?

Конвейер работал на ура. Сбор урожая еще не начался, но мы закупили некоторое количество фруктов из южных районов на пробу.

Себе-то я могу признаться, что иногда прихожу сюда, на склад, только для того, чтобы просто посмотреть на это большое блестящее чудо. Батареи, собранные из тонких слоев разнообразных материалов, повышающие их емкость, теплоотдачу, долговечность... Этот шедевр сам поднимает на крышу ловушки, в которых они находятся, заряжает их, опускает, когда нужно. И как это можно было сделать за неделю? Уму непостижимо!

— Ты раньше делал такие штуки? — не удержалась я от вопроса. — Уж слишком хорошо у тебя получилось.

— Не точно такие, баввааа — ответил Рей, так же, как и я, восхищенно рассматривая машину. — Я иногда экспериментировал с разными материалами, проверяя их емкость и способность к отдаче энергии. Между прочим, я планирую себе на ферму сделать подобный конвейер. Правда, ещё не знаю, что он у меня будет делать, но идея хорошая.

— Спасибо, — улыбнулась я и добавила добродушно, — у тебя действительно получается лучше конструировать, чем фермерствовать.

— Я с детства хотел стать изобретателем, все время что-то мастерил, строил... — Рей пожал плечами. — Но, увы, когда пошел в Храм в восемнадцать лет (лет, а не дат? Или дат — это только год, а лет осталось так же? Ниже Рэй еще про «лет» говорил), мне выбрали профессию фермера.

— Странно, — ответила я, — Боги всем дают возможность заниматься тем, что больше нравится.

А сама подумала: «По крайней мере, мне все так говорили».

Иногда, когда ночь опускается на Илимас, а мне не спится, я размышляю об этом странном мире, где все наизнанку, не логично и не правильно. Почему так много фермеров, животноводов, строителей и так далее... То есть, профессий не развивающих, не двигающих цивилизацию вперед. Почему нет конструкторов, инженеров, изобретателей? Или есть, но

их очень мало... Может быть, Богам выгодно, чтобы прогресс стоял на месте? Вида рассказывала, что все те технические приспособления, которые есть сейчас у нас — авто, почта, обогрев дома, экспресс и прочее, были и в ее детстве, и при ее маме... То есть цивилизация не развивается. Или развивается, но не здесь? Ведь Боги не пускают людей дальше, чем на несколько гряд от родной... Значит, проверить, как там, за тридевять земель на другом конце планеты невозможно. Очень много вопросов, под силу ли мне ответить на них?

— Я признаюсь тебе в большой тайне, — таинственно произнес Рей, я отвлеклась от своих мыслей и перевела внимание на него.

— Я коплю деньги на выбор профессии, — продолжил Рей.

— Хочешь стать изобретателем?

— Почти, — улыбнулся он, — только нет такой профессии изобретатель, есть конструктор. Вот им я и хочу стать.

— Тебе уже озвучили сумму? — поинтересовалась я.

Мне было очень любопытно, сколько стоит выбор в Храме, Вида не смогла мне ответить, а мистер Барнаус, когда рассказывал о своем выборе, назвал сумму не слишком шокирующую... По крайней мере, мне так показалось. Но он же выбирал место жительства, а не профессию.

Рей ответил. Я прикинула, сколько лет мне нужно будет трудиться от зари до зари, полностью откладывая прибыль за год. Получалось около двадцати лет, с учетом того, что прибыль будет оставаться на прежнем уровне (за основу я взяла прошлый год). Долго... Значит, придется находить новые способы зарабатывания. Правда, для чего мне был нужен выбор, я еще не придумала. Так, на всякий случай...

— Да, — вздохнула я, — сумма немаленькая.

— Еще несколько лет, и я смогу собрать ее без ущерба для моей семьи, — произнес Рей.

Я вскинула голову и пристально уставилась на деверя.

— Ты так заботаешься о своей семье? Боишься бедности?

— Я — нет, — спокойно ответил Рей, — но у меня на попечении брат, я обещал отцу и матери заботиться о нем.

Я насмешливо фыркнула.

— Он маленький? Еще живет с тобой? Что же ты будешь делать, когда он пойдет в Храм и выберет место жительства? Поедешь за ним?

Конечно, я знала, кто у него брат и сколько ему лет, мне просто было интересно, как он интерпретирует эту ситуацию.

— Нет, — добродушно усмехнулся Рей, и мне стало стыдно за свою язвительность, — Гору двадцать семь, наши родители так хотели, чтобы мы жили вместе, что когда я в двадцать лет выбрал в Храме место жительства, заплатили, чтобы Гора отправить ко мне в Ошу. Я старше его на семь лет и всегда был для него опорой... А знаешь, что?

Рей развернулся и зачарованно уставился на меня, словно что-то задумав. Я насторожилась.

— Поехали в Варну, поужинаем в ночнике? Я расскажу о себе, а ты о себе. Познакомимся поближе.

— Зачем это? — опасливо поинтересовалась я.

— Мне почему-то кажется, что мы подружимся. Нам еще долго придется работать вместе, — ответил весело он.

Я в изумлении смотрела на мужчину и хлопала глазами. Что он имеет в виду?

— Я так просто не оставлю такую перспективную клиентку, — добавил Рей. — А вдруг тебе захочется создать ещё один аппарат или конвейер? Где ты найдешь конструктора? Их очень мало...

Я весело рассмеялась. Рей улыбнулся следом за мной.

— Да, ты действительно уникален, и фермер, и конструктор, и изобретатель... А еще очень самоуверенный и честолюбивый тип.

Во мне боролись и любопытство и опасения. А, будь, что будет! Это же не свидание... Мы просто поужинаем и пообщаемся. Все-таки он мой родственник.

— Ладно. Я только переоденусь, — в итоге произнесла я и направилась к дому.

Женское тщеславие толкало вперед, побуждало поразить деверя, уж я-то постараюсь, для этого у меня сейчас есть все возможности... Дорогая одежда, обувь, украшения, прекрасные рыжие волосы, а главное — мой уникальный естественный облик, который теперь я не прячу.

Когда я вышла из особняка, первое, что пришло на ум — я красилась и одевалась не зря. Внутри разливалось почти греховное удовольствие — глаза Рея горели неприкрытым восхищением. Я не любила яркую и блестящую здешнюю моду. Когда у меня появились деньги, я стала заказывать одежду напрямую в швейной мастерской, подбирая ткани и цвета на свой вкус. Сейчас на мне был костюм бледно-розового цвета с плиссированной коротенькой юбочкой и узким пиджаком. Волна рыжих волос свободно рассыпалась по плечам, заодно прикрывая уши. Легкий макияж, в основном для того, чтобы чуточку выпрямить брови и сделать уже скулы.

— Ты особенная, — произнес Рей, усаживая меня в свой автомобиль. — У тебя такая необычная внешность, что мне кажется, я никогда не смогу насмотреться на тебя.

— Не такая уж и необычная, — ответила осторожно, — там, откуда я, все такие...

— И как называется твоя родная гряда?

— Баку.

— Не слышал, — задумчиво произнес Рей, а я подумала: «Естественно, не слышал, потому что это столица Азербайджана».

Хорошо, что в этом мире нет карт, и география не в почете, никто не сможет проверить мои слова.

Мы низко летели над дорогой, и мне мимо воли на ум приходили воспоминания, когда он в прошлый раз усаживал меня в это авто. Рей тогда был злой, как черт, резко и грубо разговаривал со мной, да и я хамила и огрызалась в ответ. Сейчас же он вел себя, как джентльмен. Был предупредителен и внимателен. Интересно, каким он ещё может быть? Как он ведет себя наедине с женой, в спальне, в кровати? Я резко оборвала глупые мысли. Какая мне разница? Я об этом никогда не узнаю и точка!

Ночник мы выбрали на окраине. Не хотела встречаться с владельцами, куда я поставляю свои товары, а это были в основном крупные центральные заведения. Сели на улице, под чистым звездным небом. После того, как мы утолили первый голод, я поинтересовалась:

— Ты обещал рассказать, как вы с братом оказались в одной гряде. И почему он живет с тобой?

Рей задумчиво уставился в тарелку. перевел взгляд на улицу, потом посмотрел на меня и невесело улыбнулся.

— Родители поженились очень рано. Маму забрали из родного дома, когда ей было

всего восемнадцать лет. Отец выбрал ее, а родной грядой стала гряда отца — Мурси. В детстве я часто слышал от мамы, что она страшно тоскует по своим родителям, сестрам. Она твердила, что родные люди должны жить вместе, что неправильно разлучать их... Нет, — Рей вскинул голову, — они не сетовали на решение Богов, даже в мыслях у них не было неповиновения Выбору.

— А ты? — Я впиалась изучающим взглядом ему в лицо. — Тебя хоть раз посещало сомнение в правильности Их выбора? Любого Выбора?

Лицо Рея превратилось в непроницаемую маску. Мы не отрывали друг от друга глаза, сцепившись намертво.

Вопрос мой был на грани кощунства и ереси.

— Мы говорим не обо мне, — Рей отвел взгляд, прерывая дуэль. Ушел от ответа. Ничего, я ещё задам ему этот вопрос. — Так вот. Родители всю жизнь копили деньги на то, чтобы выкупить у Богов разрешение оставить ребенка рядом с ними. Но так как нас было двое и на двоих средств бы не хватило, они решили, что если не смогут оставить двоих, то пусть хотя бы братья живут вместе... Когда я в двадцать лет выбрал своим местожительством Ошу, то отец пошел в Храм и потребовал выбор для Гора туда же, отдав за это все, что они накопили за долгие годы упорного труда. И взяли с меня обещание заботиться о младшем брате.

— Понятно, — произнесла я, — ты послушный сын и старший брат, но почему же Гор до сих пор на твоём попечении? Почему живете вместе?

— Откуда ты знаешь? — Рей удивленно приподнял брови.

— Ты сам сказал, что он живет в твоём доме, — ответила я, судорожно вспоминая, когда же он это говорил.

И не напугала ли я чего-то.

— Я не говорил, что он живет вместе со мной, но ты оказалась права, он действительно не захотел покупать себе жилье. Сказал, что ему так удобнее, — Рей кривовато усмехнулся, — я планировал купить ему дом, когда он женился, но не вышло...

Рей замолчал. Я ждала продолжения, ведь начиналось самое интересное... Но пауза тянулась и тянулась.

— Так теперь и он, и его жена живут с тобой в одном доме? — наконец не выдержала я и задала вопрос.

Тон мой был не то чтобы ехидный, но не добродушный уж точно.

— Нет, — ответил Рей, — не живут...

Нам принесли напитки, как не вовремя! Я жаждала узнать, что там с моим муженьком, но пытаться почти незнакомого человека о его личных семейных проблемах было верхом неприличия. Пришлось сделать вид, что мне неинтересно. Я попивала феско с молоком и рассматривала ночное звездное небо над городом.

— Кстати, — оживился Рей, — жена моего брата тоже была управляющим и довольно неплохим. Я расспрашивал о ней ее бывшего нанимателя.

— Почему «была»? — нейтрально поинтересовалась я.

Это когда же он расспрашивал? Скорее всего, приезжал в Турис, после моего побега, думая, что я возвращусь к митру Горецу. Наивный.

— Она пропала больше одного дата назад... Не знаю, что произошло между ней и Гором. Гор сам в недоумении, клянется, что расстался с ней любовно, а я в тот день отсутствовал. Она купила билет на экспресс в Актус, в гряду, где родилась. Мы проследили

путь до ее поселка и все... Тупик. Она исчезла, словно растворилась в воздухе. Сколько раз я обращался в Храм узнать ее местоположение, но Боги отказывали...

— И как ты думаешь, что с ней произошло? — надеюсь, он не заметил в моем голосе жгучего любопытства.

Рей пожал плечами.

— Что угодно. Но в одном я уверен точно, она жива. Потому что Гор так и не может встречаться со своей первой любовью, значит, он не вдовец...

«Естественно, — злобно подумала я, — вам всем хотелось бы, чтобы я умерла и не мешала вашей семейке».

У меня тут же испортилось настроение. На небо набежали тучи, закапал дождь. Как раз под стать моему состоянию.

— Пойдем под крышу, — Рей встал и подал мне руку, я демонстративно проигнорировала жест.

Мы разместились внутри ночника, за угловым столиком. Я слушала шуршание ежедневного десятичасового дождя, попутно вспоминая все обиды и несправедливости, которые преподнесла мне жизнь. Пашка, отмененная свадьба, перенос в другой мир, бесконечный ужас и страх, поселившийся внутри на долгие годы, вынужденное одиночество... Безмерная тоска по любви, теплу, нежности. Которых нет и не будет.

Ладно, что киснуть? Ничего же не изменится.

— Что случилось? — в голосе Рея прозвучало беспокойство. — Ты вдруг стала такой грустной. Я сказал что-то неприятное?

— Все нормально, — я постаралась мило улыбнуться, — вспомнилось кое-что...

— Извини, — у деверя дрогнул голос, — все эти разговоры... Ты вспомнила покойного мужа?

Эта фраза почему-то меня развеселила. То есть, произвела эффект противоположный смыслу, который вкладывал в нее Рей.

— Тебе ещё больно о нем говорить? — осторожно поинтересовался он. — Я бы хотел больше узнать о твоей жизни, но если ты не хочешь, я не буду настаивать.

— Все прошло, — ответила я, — иногда воспоминания тревожат меня, но такой сильной боли, которая была после его ухода, больше нет.

Да простят меня Боги за вынужденную ложь.

— У тебя такая необычная внешность, — улыбнулся Рей, — я никогда не встречал подобных тебе людей. Наверное, Баку находится очень далеко?

— Да. Не близко, — я принялась сочинять небылицы, — после внезапной смерти мужа я пошла в Храм и попросила выбор места жительства подальше от Баку. Как можно дальше. В Оцу я ехала почти семь дней, сменяя экспрессы один за одним.

— То есть, ты никогда в жизни не сможешь вернуться и повидать родных? Если семь дней в один конец, то это предел возможности?

— Надеюсь, что когда-нибудь смогу вернуться домой, — растерянно ответила я, имея в виду совсем другое, — надеюсь, что-то изменится в мировом устройстве, и Боги разрешат мне вернуться.

Рей скептически смотрел мне в лицо. Я знала, о чем он думает. Он считает меня фантазеркой и выдумщицей. Мне захотелось сбить это выражение с его лица.

— Между прочим, я однажды уже смогла прожить двенадцать дней в другой гряде, — с нескрываемым превосходством заявила я, — у меня получилось уговорить Богов.

Глаза Рея расширились от удивления.

— Не может быть!

— Еще как может, — улыбнулась я и рассказала историю о том, когда в первый год я пыталась продать свою продукцию, где только возможно.

— Вот так я и смогла обмануть одно из неоспоримых правил, — закончила я свой рассказ.

Рей глубоко задумался. Весь рассказ он не отрывал жадного взгляда от моего лица. Возможно, я зря рассказала ему об этом, возможно он не готов для такой шокирующей информации. Но мне так хотелось покрасоваться, рассказать, какая я смышленная и находчивая, поколебать его слепое доверие Богам Илимаса.

— Ты уникальна, — тихо произнес Рей.

Я ожидала немного другого, поэтому немного растерялась. Я думала, он начнет спорить, сомневаться в моих словах, обвинять меня во лжи... Но он сразу поверил мне, мгновенно и без раздумий.

— Как думаешь, если можно нарушить одно правило, то можно ли нарушить и остальные?

Какой же он умный! Сразу сделал правильные выводы. Лицо Рея преобразилось. Глаза лихорадочно мерцали, голос дрожал от возбуждения.

— Не знаю, — ответила я уклончиво, — вряд ли. Давай лучше поговорим о чем-либо другом.

Я не стала дальше продолжать эту тему. Пусть переварит хотя бы эту информацию. Если я расскажу ему о возможности работать не по профессии, то боюсь, он вовсе впадет в ступор.

— Расскажи лучше о своей жене, — заинтересовано произнесла я. — Как ее зовут, кто она по профессии... У вас есть дети? И сколько?

Лицо Рея сразу же превратилось в непроницаемую маску.

— Мою жену зовут Пелея. Мы женаты больше пяти лет. И детей у нас нет.

Коротко и по существу. Я подождала немного, надеясь на продолжение, его не последовало.

Мне хотелось спросить: «Почему же, если у тебя есть красавица жена, он здесь со мной, а не с ней? Что же за любовь у вас такая? И почему нет детей? Это же естественное желание для каждого — иметь свое продолжение». Пусть я и будут выглядеть невоспитанной хамкой в его глазах, но я задам хоть часть этого вопроса.

— Почему?

Рей раздраженно сжал губы. Вопрос повис между нами в воздухе, как осязаемое грозное облако. Будет закономерно, если он сейчас скажет: «Не твоё дело» и будет прав.

— Это наше общее решение, — наконец, сквозь зубы, произнес Рей.

Небольшая пауза.

— Пелея работает демонстратором.

— Это что такое? — удивилась я.

— Достаточно редкая и престижная профессия. Пелея демонстрирует новую одежду, украшения в больших салонах и магазинах.

«Понятно, — подумала я, — манекенщица, значит».

Рей продолжал:

— Работа ей очень нравится, и я не вправе заставлять ее бросать работу, толстеть,

рожать и прочее...

Странно. В его словах я чувствовала какую-то недосказанность. Значит, чуточку лукавит. Возможно, и сам и не в восторге от того, что жена будет толстеть?

— И что же в итоге, вы родите ребенка, только когда она постареет? В сорок лет? В пятьдесят?

— Не знаю... Пока мы об этом не говорили, — буркнул недовольно Рей.

Я решила оставить эту тему в покое. Действительно, мне то что, когда они решат родить наследника? У меня на первом месте яма...

Совсем скоро начнется сбор урожая, заготовки, короткий сумасшедший промежуток времени, когда я как ошалелая ношусь между грядками, сбываю урожай и заключаю новые контракты... Потом зима, спокойствие и поиски ямы...

После того, как Рей отвез меня домой и уехал сам, я еще долго бродила по особняку, не в силах уснуть. Все прокручивала и прокручивала наш разговор в голове. Мне казалось, что после этого ужина — свидания мы стали ближе друг к другу. Настолько, насколько это возможно между друзьями. У нас была полная гармония, созвучность мыслей, устремлений, целей. Нам нравились одинаковые вещи, мы одинаково смотрели на события. Он первый и единственный человек на Илимасе, кому я рассказала о возможности обманывать Богов, и самое важное — я была совершенно уверена, что он поймет меня. И он понял!

Если бы он не был коренным жителем Илимаса, я бы подумала, что он с Земли. Или это уже я изменилась и подстроилась под эту планету?

Я крепко обхватила себя руками, с тоской смотря в окно на темное хмурое небо. У нас было все, только не было физического контакта.

Урожай собран и переработан. Все продано, а что не продано, законсервировано и помещено в холодильники. (холодильники?) В принципе год был удачным. Я отложила на черный день немаленькую сумму. Сухофрукты на ура ушли в северные гряды, где свежие фрукты водятся короткий промежуток времени. С каждой партией я дала краткие письменные рекомендации по использованию и хранению. Да и рекламный слоган придумала под статью: «Хотите лакомиться фруктами целый год — покупайте сухофрукты!»

— Каждый дат все удачнее и удачнее, — митр Барнаус потирал руки.

Я уговорила его съездить к своей семье. Мы купили подарков его жене, сыну, невестке и внукам. А еще он очень хотел покрасоваться на своей новенькой машине с гравитационными батареями. И пусть на экспрессе было бы быстрее, но такую возможность похвастаться перед родными я не хотела у него отнимать.

Я тоже подумывала себе купить новенькую красавицу машинку, уже даже присмотрела модель, выбрала цвет, договорилась о хорошей скидке с продавцом... Как вдруг сверху, как снег на голову, свалился вестник их Храма.

— Вам назначен штраф за бездетность.

Пока я приходила в себя, прямо под ноги из вестника выпала пластина с суммой, он что-то еще чирикнул и взмыл вверх.

«Ах, да, — подумала я, — прошло три года после свадьбы. Откуда они начинают отсчет? И откуда все знают? На то они и Боги, чтобы все знать».

Вида мне говорила, что сумма будет расти в геометрической прогрессии за каждый бездетный год. Прощай, моя новая машинка. Вся прибыль уйдет на штраф. А что будет в следующем году? Я поежилась от неприятных мыслей. Нужно что-то с этим делать, иначе через пару лет я буду работать только на штрафы.

Яма! Вот моя цель, она никуда не делась.

Деньги я обменяла в ближайшей гильдии. Весь мой заработок уместился в шесть гравибатарей, имеющие самую большую емкость на Илимасе. То есть, они были самой крупной купюрой. Из этих шести пластин, две придется отвезти в Храм. Не откладывая неприятную процедуру в долгий ящик, я сразу отправилась на встречу к Богам.

Сказать, что я была зла — ничего не сказать. Я была в гневе. Год работы — впустую. Нет, я не осталась в минусе. Мне хватит денег на закупку необходимого оборудования, батарей. Хватит на зарплату работникам и даже на наем новых. Но лишних денег уже не было.

Я влетела в Храм как фурия. Вскочила в круг и вытянула руку с пластинами.

— Штраф за бездетность от Ильи Виды, — процедила сквозь зубы.

Пластины стали легкими, потом вырвались из рук и улетели вверх, к куполу. Я с сожалением подняла голову. Моя новая машинка, новые наряды, украшения...

— По какому праву вы накладываете штраф? — не удержалась я от вопроса.

Негодование клокотало внутри и подбивало на драку.

— Вам было назначено произвести на свет четверых детей, — раздался невыразительный голос, — вы не исполняете свое предназначение в браке.

— Это мое личное дело, когда рожать детей, — ответила я резко, — и рожать ли вообще.

— Существуют определенные правила в этом мире, и вы должны им следовать.

— Кто создал эти правила? — огрызнулась я.

Молчание. Тогда второй вопрос, ещё более кощунственный.

— Кто создал Храмы?

Опять молчание.

— Отвечайте! — заорала я громко.

— Мы не вправе отвечать на подобные вопросы. Задайте другой.

И тут я прозрела. Это не Боги. Это самая обычная программа, искусственный интеллект, внедренный в точки сбора информации. Серверы, натканные повсюду, называемые Храмами. Ничего божественного и сказочного в них нет. И, конечно, они могут отвечать только на те вопросы, алгоритм для которых в них заложен.

Я в полной прострации спрыгнула на пол. Молча вышла из Храма, села в авто. Хоть открытие меня потрясло, но не так сильно, как могло потрясти местного жителя. Мой технический ум и предполагал что-то подобное. Теперь нужно хорошенько подумать, исходя из полученных знаний. Что полезного могут они мне дать? Как использовать их для своего блага?

Если честно, у меня даже повысилось настроение после посещения Храма. Кто знал, что уплата огромного штрафа произведет такой эффект. Я съездила в Варну, с улыбкой на лице отказалась от покупки авто, выпила феско в гостевом доме. В голове крутились и крутились эгоистичные мысли, как мне вывести липовых Богов на чистую воду, и как добиться от них предпочтений для меня лично.

На время сбора урожая мы договорились с Реем не встречаться. И я, и он прекрасно понимали, какой тяжелый и ответственный для фермеров этот период. Признаюсь, я скучала по нашим ужинам, беседам, спорам. И поэтому очень удивилась и обрадовалась, когда увидела во дворе его авто.

«На ловца и зверь бежит», — подумала я, потирая руки. Очень уж хотелось узнать: штраф делится пополам между супругами или каждому вкатывают по полной?

— Ты же говорил, что будешь занят? — выскочила я навстречу с улыбкой на лице.

— Я не мог оставить без присмотра свое гениальное изобретение, — ответил он шутливо, — мой конвейер нуждается в постоянном присмотре.

— А как там поживает мой перегонный куб? — ответила я с той же ехидной ухмылкой.

— Ты всегда можешь приехать ко мне на ферму и посмотреть, — произнес Рей более серьезно.

Я только неопределенно фыркнула, взмахнула рукой и перевела разговор на другую тему. Естественно, о конвейере никто и не вспомнил. Мы наперебой делились последними новостями, ценами на закупки, новыми правилами гильдий и прочим...

— Я так удачно продала засушенные фрукты, — похвалилась я, — теперь мне свозят все остатки урожая с окрестных ферм. Сушка работает не переставая. На следующий дат хочу построить небольшой измельчитель. Буду производить сухие питательные смеси из овощей и зерновых. А вдруг кому-нибудь пригодятся.

— Это будет проще простого, — ответил Рей, улыбаясь, — у меня на ферме их несколько, только они называются мельницы и производят муку.

— Что-то типа этого, только для овощей.

— Как скажешь, партнер.

Я смотрела на Рея, и губы сами собой расплывались в улыбку. Почему раньше я считала, что он некрасивый, угрюмый и замкнутый? Он самый замечательный на свете! Веселый, обаятельный, остроумный.

— Ужинать?

— Поехали! — произнесла я и вложила свою ладонь в протянутую руку.

Иногда, может, случайно, может, нет, я или он притрагивались друг к другу. Короткое объятие за талию, поддержка под локоть, рука, протянутая для опоры. В первое время я замирала в страхе, боясь, что меня скрутит боль. Но нет, такого не происходило. Наверное, Боги разрешают столь невинные ласки.

Я до сих пор не называла наши встречи свиданиями. Какие же это свидания, если у нас нет ни малейшего шанса на совместное будущее? Ни на романтическое, ни даже на долговременное дружеское. Я не сегодня завтра найду яму и перенесусь в свой мир. Ему вскоре надоест платить штрафы, он заведет детей со своей женой, остепенится, перестанет приглашать на ужины какую-то далекую подругу.

Между нами нет ничего, даже призрачной надежды на поцелуй. А иногда так хотелось! Особенно, когда паузы затягивалась, а глаза смотрели в глаза, призывно и жадно. Сердце выпрыгивало из груди, и казалось, только тонкая грань условностей отделяет нас от объятий.

Смешно. Я отменила свадьбу с Пашкой из-за его поцелуя с другой. А сейчас сама мечтаю о поцелуе с женатым человеком... Плюс и сама не свободна... Как все запутано.

— Как там брат? — поинтересовалась я мимоходом, когда мы уселись на наше обычное место в ночнике.

— Не очень, — отозвался Рей, — ходит хмурый. Ему пришлось заплатить первый штраф за бездетность, и он поклялся, что разыщет свою жену к следующему дату во что бы то не стало.

— Что так? — произнесла я с опаской. — Большой штраф?

— Да нет, я бы ему помог, если бы не хватило... Просто эта тупиковая ситуация порядком надоела и мне, и ему. Штрафы будут расти с каждым датом, плюс ему с Ильей дали лимит на четверых детей...

Я присвистнула.

— Ты представляешь, до каких пределов он вырастет через десять лет? Каждые три дата будет прибавляться по одному ребенку.

— И как же он планирует ее искать? — меня порядком встревожил этот вопрос.

Рей неуверенно пожал плечами.

— На поиски по портрету надежды нет. Гор смог бы нарисовать его и ходить по гряде, показывая всём и каждому... Но Илья все время ходила в балахонах, жутко красилась и вообще делала все, чтобы оттолкнуть от себя.

— Странная девушка...

— Ага, — кивнул Рей, — если бы я не знал, что ее родиной является соседний Актус, я бы мог с уверенностью заявить, что она прибыла в Ошу издалека. Как и ты.

Я настороженно вскинула голову. Рей спокойно уничтожал салат, а не пялился подозрительно мне в лицо. Значит, просто пришлось к слову.

— Ладно, если ее лицо вы описать не можете, то, как тогда твой брат будет ее искать?

— Дальше Оши она все равно не смогла бы уйти, Боги не позволят, значит, искать нужно в родной гряде, — Рей поднял бокал с вином, и я мимо воли залюбовалась длинными тонкими пальцами. А оказывается, он мне не друг уже, а скорее враг... Он, со своим умом, логикой и находчивостью, если сконцентрируется, вполне сможет меня найти. Я задумчиво прищурила глаза, пытаюсь взглянуть по-другому на этого обаятельного мужчину.

— Второй момент, — продолжал он, — мы знаем ее профессию — управляющий. Теоретически она могла бы работать и по другой специальности, но тогда она бы бедствовала и голодала. Это маловероятно, тем более что Илья уже работала управляющим, это у нее хорошо получалось, и вряд ли она сменит специальность.

— Логично, — медленно произнесла я, сжав пальцы под столом.

— Итак, у нас получается...

— У нас? — перебила я Рея. — У кого это у нас? Не Гор ищет свою жену, а ты невестку?

— Мне особо некогда заниматься поисками. Работы много, да и не мое это дело, — Рей сморщился, словно съел что-то кислое, — она не очень приятная особа, и мне не хотелось бы опять влезать в их распри. Я составил план, а Гор будет ему следовать.

Я так и знала! Знала, что Рей приложит свои умения и ум к поискам меня. Почему-то я чувствовала внутри какую-то детскую обиду, словно меня предал лучший друг. Я понимала, что он не знал, кто я, но все равно было неприятно.

— А тебе не кажется, что если девушка сбежала, значит, у нее были какие-то причины для этого? — задала я вопрос холодным тоном.

— Все может быть, — ответил Рей нейтрально, — но это не мое дело. Когда Гор ее

найдет, пусть и разбирается. Пора ему самому решать свои проблемы.

Я только приподняла брови в удивлении. Что я слышу! Заботливый старший брат, наконец, понял, что младший должен сам учиться жить?

— И каков твой план? — перевела я разговор в интересующее меня русло.

Расскажите-ка, как вы собираетесь меня искать.

— Мы знаем, что она живет в Оши, знаем, что наиболее вероятно работает управляющим, скорее всего, успешным, так как в состоянии платить штрафы. Знаем, что одинока, так как не может ни с кем встречаться, по причине того, что замужем. Я проверил общую статистику в гильдиях. Управляющий не такая уж и распространенная профессия. На всю гряду их всего триста с небольшим человек. Одиноких и того меньше. В каждой гильдии есть информация, кто работает управляющим в том или ином районе, на той или иной ферме. Нужно только объехать их все.

Я молча смотрела на Рея, не в силах вымолвить и слова.

— Даже если поиски займут целый дат, это все равно выгоднее, чем платить штрафы, растущие ежедатно.

— Такое ощущение, что тебя интересуют только деньги, — буркнула зло я.

— Нет, не только, — спокойно ответил Рей, — я вижу, как страдает Гор, он не может встречаться с девушками. Это угнетает. Перспектив никаких. Дальше будет только хуже. Не знаю, что думает по этому поводу Илья, но и она, если не глупая, уже должна осознать проблему. Ее упрямство только вредит.

«Нет, — подумала я, — не вредит. Она ищет яму и свалит отсюда, как только найдет. И ничего ее не удержит в этом мире».

— Понятно, — произнесла я со смешком, — страшные вы противники, братья Павн. Нельзя становиться у вас на пути. А как он ее узнает, если даже найдет? Он же не видел ее настоящего лица, а имя она могла изменить.

— Вот это реальная проблема, — нахмурился Рей, — можно проверить только физическим контактом. Если они супруги, им будет хорошо вместе. А если это не она, он даже не сможет ее поцеловать, его скрутит боль.

— Он что, будет целовать всех одиноких управляющих? — воскликнула я пораженно.

— Ты не видела моего брата, — заулыбался Рей, — они сами будут бросаться ему на шею.

— Нет, я не брошусь, — фыркнула негодуя, — пусть только подойдет ко мне. Пожалее.

— Хорошо, я скажу ему, чтобы ферму Барнауса обходил стороной, — я облегченно выдохнула. Пронесло.

— А вообще, я хотел бы вас познакомить, — рано радовалась.

Предложение Рея опять вогнало меня в небольшой шок.

— Зачем?

— Ты мне очень нравишься, — произнес Рей, — а брат единственный мой кровный родственник здесь, в Оши. Я очень хотел бы, чтобы вы подружились.

— Посмотрим, — пробормотала я, — пусть сначала найдет свою жену, а потом можно и познакомиться.

Наши встречи стали регулярными, мне было жутко даже думать, сколько денег и времени он тратит на дорогу через всю грядку туда и обратно. И как на эти отлучки смотрит Пелея. Но все равно я каждый выходной ждала его приезда. И радовалась, как влюбленная школьница, когда вдалеке замечала его авто. Митр Барнаус только неодобрительно качал головой.

— Я знаю, что он женат, — говорила я, — между нами ничего нет, только дружба.

Он вздыхал и шел к своему любимому креслу, бормоча себе под нос: «Как же! Дружба. Я же не слепой. Вижу, как ты смотришь на него, и как он на тебя... Ой, не к добру это, не к добру».

Я сама понимала, что не к добру, но не могла ничего с собой поделать. Одевалась, красилась, а последние часы ходила из угла в угол, выглядывая в окно.

Я даже сократила свои посещения леса. Если раньше, искала яму ровно семь дней, то сейчас, чтобы успеть к его приезду, была в лесу всего пять. Совесть пыталась возмутиться, но я убедила себя, что лишних два дня погоды не сделают, а осталось мне совсем чуточку, четверть территории.

Рей, как всегда приехал вечером. Улыбающийся, радостный, словно выиграл в лотерею.

— Я привез тебе на пробу новый сорт найго, — он вытащил из машины огромную корзину со спелыми фруктами, — скрестил несколько видов. Если понравится, могу выделить черенок.

Я очистила оранжевый фрукт. Сочный, свежий, душистый, пахнущий солнцем и ветром, он показался мне самым вкусным на свете.

— Обязательно привези, я привью к зиме, — ответила я, после того как не удержалась и съела ещё парочку, — а хочешь попробовать мой новый проект?

Рей удивленно посмотрел на меня. Его губы разъехались в лукавой улыбке.

— Как можно попробовать проект? Это же словесное несоответствие.

— Пойдем, сам увидишь, — потянула я его за собой.

Мне тоже захотелось удивить Рея чем-нибудь, но так как в земледелии и садоводстве я не сильна, то приходится поражать в другой сфере. Мы зашли в прохладное помещение полуподвала. Там стоял стеллаж, пара кресел вокруг круглого стола и несколько откупоренных бутылок на нем.

— Я долго и много экспериментировала с разными добавками, настойками... Вот, что получилось. — Я широким жестом показала на бутылки, потом пошла к шкафу и достала бокалы. — Попробуй, скажи свое мнение. Что лучше. Что будет успешнее продаваться... Посоветуй, с мужской точки зрения.

Рей с хитрой улыбкой сел за стол и взял первую бутылку.

— Поделишься рецептом?

— Конечно, — я протянула бокалы и уселась напротив.

Алкоголь стирает множество границ. Делает общение проще и доверительней. После первого бокала Рей расслабленно откинулся в кресле, после второго расстегнул наглухо затянутый ворот своего обычного черного сюртука.

— Митру Барнаусу понравилось вот это, — я ткнула пальцем в одну из бутылок.

— Митр человек знающий и плохого не посоветует, — совершенно серьезно кивнул Рей и наполнил бокалы из указанной бутылки.

Я задумчиво рассматривала цветовую гамму напитка, переливающуюся и искрящуюся в свете светильника. У меня уже давно шумело в голове, постоянно хотелось хихикать и

почему-то целоваться... Но пока я держала себя в руках.

— Знаешь, я впервые задумался о Выборе, что дают нам Боги, — произнес медленнo Рей.

Приятная расслабленность в одно мгновение слетела с меня. Я настороженно перевела взгляд на мужчину.

— В свое время я злился, что Они не дали мне заниматься своим любимым делом, а выбрали мне профессию фермера. Но, в конце концов, уговорил себя, что Им виднее. Они лучше знают, что нужно человеку, они глядят в будущее, Они — Боги. Возможно, я не преуспел бы в конструировании. Возможно, я принес бы больше пользы гряде, выращивая овощи и фрукты. Не знаю.

Я выжидательно молчала. Понимала, что Рей обнажил сейчас свою душу передо мной и говорит мне то, что не говорил никому в своей жизни.

— Первым моим Выбором было место жительства. Это и понятно, родители подталкивали. Им нужно было озвучить в Храме просьбу и накопить денег на переезд брата. Выбор профессии я сделал почти сразу же после переезда. С женой немного затянул... Девушек вокруг было много, дефицита внимания я так же не ощущал, — Рей кинул на меня косою взгляд, я кривовато улыбнулась, — в общем, думал пойти в Храм ближе к тридцати, но Пелея меня опередила...

— В смысле? — отозвала я.

— Выбрала меня первой, тогда я думал, что мне несказанно повезло с женой. Красавица, с интересной профессией, не лезет в мои дела, не пытается управлять мной...

Рей замолчал.

— А сейчас что думаешь? — поинтересовалась я, сощурившись.

Рей кривовато усмехнулся и отхлебнул из бокала.

— Прекрасный напиток. Мягкий, ароматный, легко пьется. Немного пахнет тувией.

— Да, — мой голос почему-то осип. Я прокашлялась. — Я настояла его на ее ветках, ещё добавила нирты и зерен феско.

Получилось, что-то вроде нашего коньяка, но с женским, сладковатым вкусом. Мне нравилось, и Барнаус оценил, но требовалось мнение мужчины, которому я доверяю больше всего.

— Ты молодец, — Рей смотрел на меня в упор, со странным выражением на лице. — Женщин, похожих на тебя, я ни разу не встречал в своей жизни.

Я замерла от удовольствия. Его голос, словно незримая ласка, окутывал теплом. Я всегда, даже когда мы были врагами, уважала его и доверяла суждениям, поэтому комплимент так польстил мне.

— Ты энергична, упряма, напориста, — продолжал Рей, — любишь работать и не боишься запачкаться. Я видел, как ты помогаешь рабочим собирать урожай, как яростно торгуешься. Видел, с каким восхищением смотрела на конвейер. Он действительно тебе нравится.

— Конечно! — возмутилась я. — Как он может, не нравится! Это же технологический шедевр!

— Большинство женщин прошли бы мимо и не заметили этой штуки, — с горечью произнес Рей.

— Твоя жена тоже? — я чувствовала внутри какую-то непонятную злую зависть к Пелее.

Быть рядом с этим мужчиной. Каждый день видеть его, спать с ним, обнимать его. И знать, что он никуда от меня не денется, что это на всю жизнь. Спокойное, долгое, непрекращающееся счастье, обеспеченное Богами. Наверное, в этом есть смысл.

Рей не ответил. Абсолютная звенящая тишина окутала нас.

В подвале было сухо и прохладно. Не слышно ни стука молотка, ни грохота повозок, ни разговоров работников, ни шума ветра. Ничего. Только наше дыхание и стук сердец. Вот таких пауз я и боялась больше всего. Потому что глаза, глядящие в глаза, могут рассказать гораздо больше, чем произнесенные слова, и это пугало. Алкоголь помог сделать то, что не могли сделать ни общность мышления, ни близкие интересы, ни дружба, ни тайное восхищение друг другом. Он упростил многое, сделал все преграды между нами такими несущественными и ничтожными. Боги? Храмы? Выбор? Жена, муж? Все неважно...

— Так вот, — Рей словно очнулся ото сна, — в последнее время мне все чаще приходят в голову эти мысли. Правы ли Боги, что дают, — деверь запнулся, — точнее не дают нам выбора. И что было бы, если бы мы могли сами выбирать свою судьбу...

Я могла бы многое ему рассказать. Рассказать о своем мире, где у каждого есть выбор. И делают люди его сами. Правда, потом и страдают от его последствий сами, но это уже другая история. Могла бы поведать, что выросла в свободном и независимом мире. Где я сама хозяйка, где я могу выбирать профессию, образ жизни, мужчину, мужа, в соответствии со своими собственными предпочтениями. И даже если я ошибусь — это будет моя ошибка и мой просчет. И винить я буду только себя. Могла бы... Но сказала совершенно другое.

— А почему именно в последнее время?

— Это очевидно, — произнес Рей, не отрывая взгляда, — я встретил тебя.

Эта простая фраза за секунду перевернула мой мир верх дном. «Я встретил тебя». Мысленно я добавила: «И я дала себя узнать настоящую». Не ту, которая прячется под толстым слоем грима, закутанная в платок. Не ту пугливую мышку, которая боится собственной тени. Не ту враждебную, агрессивную, потерявшую опору в жизни девушку, которая проклиная всех и вся, убегала из дома. А настоящую меня. Ту женщину, в которую я сейчас превратилась. Я повзрослела, меня перестало шаркать со стороны в сторону. У меня появились цели, заслуги, достижения...

И появился мужчина, к которому меня тянет все больше и больше. И это, увы, не то бездумное восхищение красивой мордашкой и нежным словам, какое было у меня к его брату, а вполне осознанное, зрелое чувство.

Я поймала себя на мысли, что сейчас брошусь ему на шею и будь, что будет. А что потом?

И тут меня поглотил ужас. Спазмом скрутило живот, только не от физической боли, а от страха.

— Тебе пора, — нервно пробормотала я, поднимаясь с кресла.

Рей внимательно смотрел на меня. Я ещё больше запаниковала.

— Уже поздно, мне завтра рано вставать.

— Я сказал что-то тебе неприятное?

— Да! — я практически кричала. — Как ты можешь такое говорить!

— Какое, какое? — он выглядел почти спокойным, только на лбу быстро пульсировала жилка.

— Что я что-то значу для тебя...

— Ты действительно значишь для меня очень много, — произнес Рей ровно. — Ты

нрависься мне. И я не понимаю, к чему эта истерика.

— Ты же женат!

— Да, я женат, — согласно кивнул Рей, — но я придумаю, как решить эту проблему.

— Не нужно ничего решать, — выдохнула я, все дальше и дальше отходя от стола по направлению к двери, — я не хочу тебя больше видеть. Убирайся из фермы и из моей жизни!

Развернулась и выскочила за дверь. Надеюсь, он найдет выход, не маленький. Внутри все дрожало от перенапряжения. Почему я так сильно отреагировала? Что со мной случилось? В одно мгновение из уравновешенной спокойной женщины превратилась в истеричку?

Чего я испугалась? Своих чувств? Его? Слишком серьезных и непреодолимых преград между нами? Испугалась того, что влюблюсь в Рея и не переживу, если у нас ничего не выйдет?

А действительно, ничего и не выйдет, он женат, я замужем. Боги не позволят нам быть вместе, и мы не властны над физической болью...

Да и поздно бояться. Я уже влюбилась.

Я стояла за занавеской и смотрела, как Рей уезжает. Как всегда, спокойные, четкие и экономные движения. Непроницаемая маска на лице. Как жаль, что это выражение опять вернулось на его лицо. Сейчас он был похож на того надменного мужчину, кого я встретила два года назад, впервые оказавшись в Оши.

Мое сердце щемило от боли, по щекам покатались слезы. Нужно успокоиться. Впереди зима и непрекращающиеся, еженедельные поиски ямы. Рей сказал, что я сильная. И это действительно так. Один раз я уже пережила боль утраты, пережила потерю любви, переживу и во второй. Главное — вернуться домой.

Больше Рей не приезжал. Я, конечно, и не надеялась, что после моих слов, он посетит ферму. Но все равно поначалу внутри все замирало, когда какая-нибудь машина подъезжала к дому.

Стараясь не думать о нем, я готовилась к длительному походу. Собрала рюкзак, сшила новый спальный мешок, упаковала отопительные батареи, портативную плитку, мешочек сухофруктов, зерна феско. То, что я оказалась влюблена в своего деверя, ничего не меняло. Я по-прежнему искала яму. Это так прочно въелось в кожу, что я действовала на уровне инстинктов.

В последние годы искала яму не так безалаберно, как делала это, живя в Актусе с Видой. Тогда я бесцельно шаталась по лесу, надеясь на чудо. Теперь я отмечала на карте каждую кочку, каждый овражек, каждую поляну. Моя карта превратилась в огромное полотнище, которое уже трудно было носить с собой. Я оставляла ее в особняке, а с собой брала только маркеры и новые листы. Я отмечала деревья, рисовала палочки и кружочки, вкапывала колышки. Упорство и тяжелый труд должны были принести плоды, я верила в это. На этот раз я не пройду мимо, если яма в лесу, я ее найду обязательно.

На третий день я остановилась на ночлег на небольшой поляне, окруженной толстыми теплыми деревьями. Пусть по календарю была зима, но из-за теплоотдачи деревьев температура на поляне была достаточно высокой, чтобы пока не вытаскивать из ловушек

батареи.

Я сидела, прислонившись спиной к теплomu стволу, и отдыхала. Вдруг услышала шорох шагов. Мгновенно открыв глаза, застыла в изумлении — на поляну вышел мужчина, заросший, грязный, с огромным рюкзаком за спиной. За последние два года поисков ямы я впервые встретила кого-то еще в этом глухом лесу. Тот раз, три года назад, не считается, так как тогда мужчины были почти возле поселка. А сейчас я находилась в такой чаще, что страшно представить.

Я не испугалась. Зная, что на Илимасе не бывает преступлений, спокойно сидела на своем месте, разглядывая незнакомца.

— Добрый вечер, митриса, — поздоровался он.

— И тебе не хворать, — отозвалась я.

— Я не помешаю?

Мужчина сбросил свою тяжесть около соседнего дерева и точно так же сел спиной к стволу.

— Нисколечко, — ответила я и добавила вопросительно, — как тебя занесло в эту глушь?

Мужчина обернулся, и я встретила с яркими живыми глазами на усталом морщинистом лице. «Да он совсем не молод, — подумала я, — скорее даже стар».

— Меня зовут Лоф, — произнес он после небольшой паузы.

— Уля, — представилась я в ответ.

— Я не спрашиваю тебя, Уля, как ты оказалась в такой непроходимой чаще, — парировал он, — хотя встретить молодую красивую женщину здесь ещё более немыслимо, чем пожилого мужчину.

— Один — один, — буркнула я себе под нос, а вслух сказала, заулыбавшись: — Это значит, не лезь в мои дела, а я не буду лезть в твои?

— Почти дословно, — улыбнулся в ответ мужчина и откинулся назад.

Мы еще немного посидели. Окончательно стемнело, пора разбирать спальный мешок и вставлять батареи под дно. Но сначала ужинать.

— Присоединишься к моему столу? — обернулась я к мужчине, он сидел с закрытыми глазами и, казалось, дремал.

После моих слов, встрепенулся и подхватился на ноги.

— Я никогда не отказываюсь от еды, особенно бесплатно.

Я рассмеялась.

— Ну-у, едой это трудно назвать, скорее небольшой перекус.

Я вытащила сухофрукты, хлеб, сыр. Разложила на импровизированной подставке и в пригласительном жесте взмахнула рукой:

— Присаживайся.

И только когда он уселся рядом, я увидела, что у него нет кисти правой руки. Спрашивать было невежливо, особенно после того, как меня попросили не задавать вопросов.

— Как вкусно, — Лоф почти единолично уничтожил весь наш ужин. — Сыр сама делаешь?

— Да, моя ферма неподалеку от границы, на стороне Оши, — скрывать такие сведения смысла не было.

— Но ты же сейчас в Актусе, — утвердительно произнес он.

— Я знаю.

— Решила прогуляться в соседнюю грядку, проверить свою выносливость?

— Что-то в этом роде, — уклончиво ответила я. — А ты откуда?

Между нами повисло молчание. Что такого я спросила? У каждого есть родная грядка. Мужчина хмуро смотрел в сторону, жуя последний кусочек сушеного яблока. Потом, явно что-то решив для себя, уставился мне в лицо.

— Вряд ли когда-нибудь я тебя увижу, да и ты больше никогда не увидишь меня, — произнес он странную фразу, — а вдруг моя история поможет...

Я смотрела на мужчину и ничего не понимала.

— У меня нет родной грядки, — я в изумлении уставилась на него, вроде не сумасшедший, — я путешествую от одной области к другой, перебиваясь случайными заработками, и нигде не задерживаюсь надолго.

— Как... — я хрипло прокашлялась, — как такое может быть?!

— Я расскажу, — грустно ответил он, — а ты решай, что с этим делать...

Он уселся поудобнее, поджал под себя ноги и принялся говорить.

— Я всегда был бунтарем, с детства. У матери много было проблем со мной. Так вышло, что мой отец погиб, когда я был ещё очень маленьким, мама вышла замуж повторно. У меня не сложились отношения с отчимом, мы все время ссорились, я убегал из дома. Потом мама родила мне сестренку, и они вообще забыли обо мне. Отчим так и сказал: «Быстрее иди в Храм и выматывайся из нашей грядки. Нам надоело вытаскивать тебя из передрыг». А я ответил, что никогда меня не заставят сделать выбор против моей воли. В конце концов, я ушел из дома, бродяжничал, попрошайничал, ночевал на улице, воровал еду. Иногда меня ловили люди из гильдии и пытались заставить пойти в Храм выбрать профессию. Я убегал и от них.

— Но мне говорили, что Боги насылают боль за неповиновение, — произнесла я.

— Ха! Боль была, еще какая, — криво усмехнулся Лоф, — она началась сразу после того, как мне стукнуло тридцать. Внутренности скручивало и выворачивало наизнанку. Однажды я не выдержал... Что тогда было в моей голове, я уже не помню. Я тогда почти все время ходил пьяным, чтобы хоть немного ее приглушить, и однажды так разозлился, что отрубил себе правую кисть топором, — он вытянул руку и показал культышку.

Я сочувственно покачала головой, по-прежнему слабо чего понимая.

— И боль исчезла! — Лоф смотрел на меня и улыбался. — Представляешь! Нет, конечно, у меня дико болела рука, мне пришлось бежать в медпункт. Но самое главное — боль, с помощью которой меня наказывали Боги, пропала.

— Значит, штрих-код вплетен в нервную систему через руку, — задумчиво произнесла, — вот так они контролируют людей...

— Что? — переспросил мужчина. — Что такое штрих-код?

— Это я о своем... Так что дальше?

— Дальше? — Лоф улегся на спину и закинул руки за голову. — Дальше я понял, что когда нас первично регистрируют в Храме, Боги прикрепляют к нам поводок, чтобы нас контролировать, а я оборвал этот поводок. Потом я много странствовал, прошел все грядки насквозь, побывал на далеком юге, где постоянно стоит невыносимая жара, и на севере, где даже в лесу всегда лежит снег. Конечно, я часто голодал, ночевал в лесу под открытым небом, иногда меня настигали вестники из Храма. Я их ломал, даже не дослушав сообщения.

— Ты смелый, — пробормотала я, — я бы так не смогла.

— Так что, если хочешь сбросить тиранию Богов, ты знаешь, что делать, — подытожил мужчина сонным голосом.

Идея была заманчива. Но я еще не совсем потеряла надежду, чтобы так поступить. Это был крайний случай.

— Такой способ не для меня, — ответила я, немного подумав, — кисть мне дорога и все остальные мои конечности тоже.

— Как тебе угодно, — прошептал себе под нос мужчина и повернулся на бок.

У меня было столько вопросов к Лофу, но увидев, что он похрапывает, я отложила их до завтра. А потом и вовсе раздумывала их задавать. И так все ясно. Вплетенные в нервную систему чипы могут не только вызывать тошноту и головокружение. Если нужно, они могут вообще вырубить человека полностью. Скорее всего, Лоф не единственный. Думаю, в этом мире есть и другие, подобные ему. Только они прячутся и не идут на контакт. Везде и всегда будут отщепенцы и борцы с системой. Илимас не исключение.

Несомненно, моя встреча с Лофом была судьбоносной. В копилку, в которую я откладывала способы борьбы с Богами, добавился еще один. Теперь я знала, как они нами управляют.

Утром я проснулась раньше Лофа. Успела приготовить кое-какой завтрак, заварить феско.

— Как же мне повезло, что я тебя встретил, — произнес мужчина, выпивая вторую чашку.

— Это мне повезло, — ответила я и совсем не покривила душой.

Пусть он съел половину запасов моих продуктов на неделю, но то, что он мне рассказал, стоило неизмеримо больше.

— Знаешь, — допив последнее, Лоф рассматривал пустое дно чашки со странным выражением на лице, — иногда мне кажется, что моя жизнь прожита зря. Что нужно было пойти в Храм, завести дом, семью. Пахать на каком-то заводе или ферме, спокойно жить и горя не знать...

Я с сочувствием покачала головой.

— Еще не поздно. Ты всегда можешь зайти к Богам и попросить выбор. Они не откажут.

— Нет, Уля. Уже поздно. Большая часть жизни прожита, да и я не смогу уже жить по правилам, подчиняться распорядку...

Он вздохнул и встал с покрывала.

— Вот и все. Прощай, Уля.

— Прощай, Лоф.

Мужчина закинул рюкзак на спину и зашагал на север. Я долго смотрела ему вслед. Даже когда он скрылся между деревьями, я не могла оторвать взгляд от колышущихся веток. Грустный итог жизни. Что лучше? Оборвать поводок Богов и всю жизнь провести бродяжничая? Или быть покорным Их воле, жить пусть и не свободно, но спокойно и более-менее счастливо? Каждый решает сам за себя.

Я ещё раз сварила феско, только уже для себя, свернула спальный мешок, проверила маркеры и принялась собираться в дорогу. Впереди юго-восточная часть леса.

Два месяца зимы прошло в непрерывных поисках. Барнаус давно перестал задавать мне вопросы, куда я пропадаю так надолго и почему возвращаюсь уставшая, грязная и злая. А в эту зиму еще и заплаканная. Тоска по Рею была невыносима. А боль непрекращающаяся, адская и нестерпимая. Я заходила в самую глухую чащу и изо всех сил кричала от этой боли, чтобы хоть немного приглушить агонию. Убивало наповал осознание того, что легче не станет, в этом мире будущего у нас нет. И самым лучшим выходом для меня было бы уйти в свой мир и там уже пытаться склеить разбитое сердце. Я с остервенением, выделяя пару часов на отдых, прочесывала лес вдоль и поперек. Мне иногда казалось, что я уже отметила маркером каждое дерево, растущее в этом чертовом лесу! И нет ни одной поляны, ни одного оврага, который бы я не нанесла на карту!

Какая ирония! Сетовать на свой мир, перенестись сюда, где один муж на всю жизнь, нет измен и предательств, чтобы опять сетовать только по другому поводу. Женщины! Имя вам непостоянство.

Самое ужасное в этой ситуации было то, что я до сих пор не знала, как поступлю, если вдруг найду яму. Иногда мне снились кошмары. В них я находила ту самую яму, зная наперед (как это бывает только во сне), что если я спрыгну вниз, то мгновенно перенесусь домой, на Землю. Я делала шаг и оказывалась в своей аскетичной комнате, в Москве. И снова меня пилили родители, а сестра смотрела снисходительно и жалостливо. Тоска по Рею разрывала сердце, ни давая никакой надежды на избавление, а впереди были только одиночество и безысходность. Я просыпалась на мокрой подушке, залитой слезами, и долго не могла успокоиться.

Другие сны были ещё страшнее. Мне снилось, что я не нашла яму, зато меня обнаружил Гор. Он приводит меня к себе домой, где я встречаю улыбающуюся Пелею и счастливого Рея, окруженных их детьми. И понимаю, что вся моя дальнейшая жизнь — нескончаемая пытка.

Я оставила выбор на волю случая. Когда ее обнаружу, тогда и буду решать, что делать.

Большинство работников на зиму разъехались по домам. Остались только те, кто присматривает за живностью и кухней. Митр опять отправился в гости к сыну. Я бродила по пустым коридорам особняка, словно лунатик, не в силах заснуть. Я не видела цели в своей жизни. Работать до седьмого пота, зарабатывать. Зачем? Ни детей, ни семьи здесь у меня не будет. Яма, по всей видимости, превратилась в мигрирующую по лесу невидимку. Иногда мне даже казалось, что Боги нарочно придумали этот квест для того, чтобы поиздеваться надо мной. И что меня ждет, если я не попаду домой? Гор в роли мужа? Увы, теперь, когда я призналась себе, что влюблена в его брата, жизнь с мужем представлялось мне каким-то немислимым отвратительным извращением.

Вдалеке послышался глухой стук двери. Я замерла на втором этаже, прислонившись к стене. Воры? Кто-то из слуг? Тихонько прошлась по коридору, спряталась за углом, перед лестницей, надеясь захватить нарушителя врасплох.

В проеме коридора показалась высокая фигура.

Я была так измучена тоской, что не сразу поверила глазам. Это был Рей. Не раздумывая ни секунды, без единой мысли в голове я бросилась ему на шею. Вцепилась всеми

конечностями, прижалась изо всей силы, вдавливая себя в его тело. Будь, что будет.

Это как ураган, как лавина, как смерч. Не избежать и не остановить. В голове хаос, в мыслях неразбериха и бедлам. Я была не властна ни над собой, ни над своими чувствами, ни над своим телом. Оно само знало, что ему нужно, и действовало самостоятельно. Пусть мне будет больно, пусть Боги меня наказывают. Но в ту секунду я понимала, что если не дотронусь до его губ, то просто умру, других вариантов нет.

— Как же я скучала! — всхлипывала я, осыпая поцелуями его лицо.

— Я больше не могу без тебя, — умудрился прошептать Рей между ласками, — не могу жить, не могу дышать. Я приехал, чтобы просто тебя увидеть.

Я почти висела на нем, чувствуя под сюртуком его колотящееся сердце. А мое едва не выпрыгивало из груди. В ушах стоял такой грохот, даже если живот и болел, я не чувствовала ничего, только бешеную необходимость в прикосновениях, объятиях, поцелуях.

— Быстрее, быстрее, — тянула его за собой, лихорадочно шепча.

Нужно попасть в мою спальню как можно скорее. Я успевала, и тащить его за собой, и судорожно целовать. Я торопила Рея и торопилась сама, спешила, пока боль не настигнет и не поглотит целиком. Пусть за эти несколько минут я отхвачу у Богов по максимуму. Пока боль не станет такой невыносимой, что я не смогу терпеть. Но ведь и Рей рискует. Он тоже женат! Я остановилась на пару секунд, внимательно взгляделась ему в глаза. Нет, они не мутные от боли, довольно живые и яркие, пылающие страстью и жадой. Он прервал наш обмен взглядами, обнимая ладонями мое лицо и прижимаясь к губам.

— Что же ты застыла? — прошептал, задыхаясь, — веди.

И я толкнула дверь в свою спальню.

А потом уже ни о чем не думала: ни о боли, ни о Богах. Потому что нет ничего более прекрасного, чем занятие любовью с любимым человеком. Это как квинтэссенция любви. Ее суть, основа, сердцевина. Без нее все будет неполным, незавершенным. Да, касания, разговоры по душам, общие цели, устремления, порывы — это прекрасно, но физическая близость гармонично дополняет и завершает картину. Сорванные покровы с тела, душ. Мы обнажены друг перед другом. Во всех смыслах. И если эта близость наполнена ещё и духовным единением, то обычный секс превращается в полет.

— Я люблю тебя... — кто первым это сказал?

Неважно.

— Я люблю тебя... — эхом звучит ответ.

Его тело заполняет пустоту. Мы становимся одним целым. Его аромат проникает в меня, наши дыхания смешиваются, сердце бьется в унисон с моим. Я не думаю ни о чем, растворившись в этой нежности, отдавая саму себя без остатка и вновь возрождаясь из пепла, как птица Феникс.

Это ли не любовь?

— Вот ты какая, настоящая, — прошептал Рей. Его пальцы очертили мое немного заостренное, но ещё довольно круглое ухо, дуги бровей, вздёрнутый носик. — Зачем ты прячешь эту красоту?

Рассвет медленно, но уверенно заползал в комнату, окрашивая в розовый цвет стены,

мебель, разбросанную одежду; золотил обнаженную кожу рук, выглядывающих из-под одеяла.

— Я не такая, как все, — пробурчала недовольно.

Я еще пребывала в полусне, в теплом сладком коконе из его тела, одеяла и нежности.

— Я вижу, и это замечательно, — отозвался Рей, — ты самая красивая на свете.

— Это ты говоришь, потому что хочешь меня, — смущенно улыбнулась я.

— И здесь ты права, — Рей склонился ко мне и прижался к губам, — ты такая умная...

Я даже не обратила внимания на легкую тошноту, зарождающуюся в желудке. Что такое эта тошнота по сравнению с наслаждением, которое он мне дарит? Любая боль сгорит в этом огне.

— Ты знаешь, я думал, будет гораздо хуже, — прошептал Рей мне в шею через некоторое время, — точнее, в тот момент я вообще ни о чем не думал. Но сейчас... Мой брат рассказывал, что когда он целовал Алану, будучи уже женатым, он чувствовал такую сильную боль, что темнело в глазах. Но когда целовались мы, я даже ничего не заметил. Небольшой дискомфорт, не больше... наслаждение было гораздо ярче и сильнее. Хорошо, что ты не замужем и не испытываешь никаких неприятных ощущений.

Я промолчала. Увы, я чувствовала то же самое. Лишь легкую, почти незаметную боль, которую легко игнорировать. Я отодвинула поиски истины и сомнения на потом. Сейчас только Рей. Если Боги разрешили нам эту ночь, значит, ее нужно использовать по полной.

Он ушел тихонько и незаметно. Что-то прошептал мне в волосы, я, не разобрав, уткнулась опять в подушку, досматривать сон. А окончательно проснулась, только когда солнце стояло в зените.

Его запах еще витал надо мной, кожу покалывало иголочками, я вытянулась, как довольная кошка, и перекатилась на другую половину кровати, обняв и уткнувшись носом в подушку. Как же хорошо!

Я еще долго лежала, перебирая в памяти каждое мгновение, вспоминая все те чудесные вещи, которые происходили в этой комнате, переживая их заново. И вдруг меня поразила невероятная догадка. Эта мысль посещала меня и ночью, но тогда я не стала заострять на ней внимание. А сейчас она опять назойливо выбралась на поверхность и встала передо мной ясно и четко.

Почему была такая крохотная боль? Скорее, даже отзвук боли, который быстро исчез, сгорел в пламени страсти. Что бы это значило? Я помню, что когда я целовалась с Падди, у меня резко и сильно заболел живот. И та боль была невыносимой, такой, что заставила отпрыгнуть и согнуться пополам. На задворках сознания мелькнула догадка. Она ещё не оформилась в полноценную мысль, но заставила беспокоенно приподняться с кровати.

Я села, обняла себя руками и задумалась. Какова вероятность того, что я попаду в другой мир, в другое измерение, и там встречу свою половину? Не ту, которую определили Боги, а настоящую, истинную. Того самого человека, с которым и в горе, и в радости, до конца жизни. Какая вероятность? Ничтожная. Нулевая.

Против этого события даже божественные правила оказались бессильны. И впаянные в нервные окончания ниточки, за которые дергают Боги, не помогли. Любовь оказалась сильнее правил.

Или они знали? Только не эти Боги, которые обитают в Храмах-серверах, а настоящие... Те, кто построил эти Храмы, кто создал нас и оставил на попечение своих слуг.

Не знаю. Только знаю, что я люблю Рея больше жизни, и что я в полной растерянности.

Что делать дальше...

Жить по-прежнему вот так? Общаться, иногда спать вместе, если мы уж выяснили, что боли нет, или она почти незаметна? И долго это продлится? У него есть жена, у меня муж. Совместных детей у нас не будет, штрафы будут расти в геометрической прогрессии. И когда-нибудь произойдет то, что кому-то из нас это надоест. Да... Еще остается яма. Воспоминание уродливым монстром вылезло на свет божий, я испуганно затолкала его внутрь. Подумаю об этом потом...

Я вдруг вспомнила слова Виды и горько усмехнулась. Одна любовь на всю жизнь, один муж, незамутненное счастье. Боги сводят вместе идеально подходящих друг другу людей? Ха! Или Боги лоханулись, или я такая несчастливая. Хотя... Возможно, Вида и была права с своей колокольни. Возможно, я бы влюбилась в Гору. Если бы утром успела переодеться и встретила бы с мужем во всеоружии. Если бы я не подслушала тот разговор в кабинете. Если бы я позволила Гору узнать себя... А себе узнать его... Если бы не убежала. Если бы не встретила с Реем и стала вести совместный бизнес... Столько если. Но случилось то, что случилось. И я в полной растерянности.

А через два дня Рей пришел на ферму пешком. Я готовила ужин и случайно выглянула в окно. Он шагал через двор, со стороны поселковой дороги, наверное, его кто-то подбросил. С небольшим рюкзаком за спиной, в простом сером комбинезоне, с улыбкой на лице и сияющими глазами. Я выскочила из дома, и застыла на пороге, в изумлении уставившись на мужчину.

— Митриса управляющая, — произнес Рей весело, остановившись у крыльца, — возьмите меня на работу фермером? Я очень ценный и старательный работник.

— Что произошло? — горло вдруг пересохло, внутри кольнуло страшное подозрение.

Я не смогла его оформить в полноценную мысль, но чувствовала, что сейчас услышу что-то ужасное.

— Я теперь безработный и бедный, — ответил Рей, и я не увидела на его лице ни грамма огорчения, — продал всё — фермы, машины, даже свои изобретения и одежду... И купил выбор в Храме.

— Ты стал конструктором? — с трудом выдавила я.

— Нет. Я стал свободным и могу сам выбирать себе жену.

— А разве разводы возможны на Илимасе? — я хваталась за соломинку.

— Как оказалось, да. Этот выбор самый дорогой, — Рей со смешком передернул плечами, — но ты дороже.

Он выглядел, как человек абсолютно счастливый и абсолютно беззаботный. В моей же голове царил хаос.

Рей подошел ближе и заглянул в мои глаза.

— В первый раз я не видел, кого выбираю в жены. А сейчас... Я вижу и знаю, кого хочу. Я выбираю тебя, — произнес он взволнованно, — Уля, ты выйдешь за меня замуж?

Я задохнулась от потрясения. Сердце пронзила острая боль.

— Нет, — прошептала я, схватившись за горло, словно пытаюсь не дать словам вырваться наружу, — я не могу. Не могу...

— Что? — голос Рея дрогнул.

Я смотрела в любимые глаза и видела, как они тускнеют и наполняются пустотой. Как больно смотреть на ничего не понимающего мужчину и знать, что я не могу ему рассказать правду. Не могу, потому что замужем за его братом. Не могу, потому что боюсь того, что он

возненавидит меня за ложь и притворство.

— Я не имела в виду, что вообще не выйду за тебя замуж, — начала нервно тараторить я, пытаясь хоть как-то оправдаться, — давай мы об этом завтра поговорим? А сегодня ты устал с дороги, найдешь себе комнату, у нас есть несколько свободных спален на третьем этаже. Выбирай любую. Отдохнешь, выспишься...

Глаза Рея становились все холоднее и холоднее.

— Хорошо, — в конце концов, ответил он скрипучим тоном, — сегодня я уступлю тебе. Но завтра ты мне все расскажешь. Почему тебя вогнало в панику мое предложение. Чего ты боишься. И почему не можешь выйти за меня, если нет никаких преград, и ты сама мне говорила, что любишь.

— Завтра, — ещё раз прошептала я, — я все расскажу завтра.

Повернулась и, пошатываясь, вошла в дом.

Рей отдал за меня все. Все, что у него было. Отказался от своей мечты стать конструктором. А я? Трусливо сбежала, поджав хвост.

Весь вечер и ночь я прорыдала у себя в комнате. Мои глаза горели огнем, а лицо распухло, как футбольный мяч. Я слышала шаги в коридоре. Слышала его дыхание и знала, что Рей стоит за дверью и ждет. Ждет любого знака с моей стороны, но я не позвала. Я боялась. Была не готова рассказать ему правду, правду о том, что я замужем, и что самое страшное — замужем за его братом. Столько небылиц и лжи я нагородила, тонны вранья и притворства. Нет. Я знала, что он простит, точнее, верила в это. Но я сама должна решить эту проблему с Гором. Иначе перестану себя уважать.

Была ещё яма... Нет. Не буду о ней думать, иначе совсем сойду с ума!

Рей пришел ко мне, сделал шаг навстречу, оставив позади всю свою прежнюю жизнь, свои мечты и планы. Отдал все, что заработал тяжким трудом. Что я могу сделать для него? Тяжкая ноша, непосильный выбор. Я впервые, находясь на Илимасе, позавидовала коренным жителям. Позавидовала тому, что Боги сами за них все решают, и им не приходится выбирать.

Иногда совсем безумные мысли посещали меня этой ночью. Отрезать себе руку, что ли, как Лоф? Тут же ехидный внутренний голос добавил: «И предложить Рею, пусть и себе отрежет». И будем мы, двое калек, жить счастливо, но недолго. Прятаться по лесам, голодать и бедствовать. Нет, должен быть другой способ, и я его найду. Боги заварили эту кашу, пусть теперь и разруливают ситуацию. Сейчас я имела достаточный багаж знаний для борьбы с Ними на Их поле и готова к схватке.

Рано утром, только-только небо окрасилось в розовый цвет, я оделась и выскользнула за дверь. Рея не было, наверное, все-таки ушел в свою комнату. Я спустилась в гараж, заправила машинку и направилась в ближайший Храм. Если я что-то и могу решить, то только эту конкретную проблему. Проблему с замужеством.

— Я пришла воспользоваться правом выбора, — заявила я, встав в круг.

Тепло и невесомость, привычно охватившие меня, сейчас не вызывали ничего внутри: ни трепета, ни благоговенья, как раньше. Только раздражение и усталость.

— Какой выбор ты хочешь сделать? — сверху раздался механический голос.

— Я хочу выбрать мужа.

— Но ты замужем, — голос был спокоен и монотонен, — ты уже выбрала себе пару.

— Позвольте, — я подняла лицо вверх и уставилась на сияющий нимб надо мной, — я не выбирала, мне не дали выбрать. Я просто подчинилась. Я могу сейчас воспользоваться

своим выбором?

Я опустила голову вниз, она и так раскалывалась от боли, а в глаза словно плеснули кислотой. Я была одновременно и зла, и напугана, мне хотелось ломать и крушить, кричать и топтать ногами, но пока я держала себя в руках.

— Нет. Ты замужем, ты не можешь выбирать повторно, — ответили мне.

Волна гнева поднялась изнутри и заволокла чернотой измученный разум.

— Ну какие же вы тупые! — вспыхнула я — Еще раз повторяю. Я. Не! Выбирала!

И уже спокойнее:

— Вон у стены, на входе, висят правила, действительные для всех жителей Илимаса. Они гласят: «Каждый человек имеет право раз в своей жизни сделать выбор. Супруга, профессию, место жительства». Я повторяю. «Каждый человек». Единственное, что я совершила — это выбрала себе профессию. Вы же не отрицаете, что не я выбирала мужа?

— Не отрицаем.

— Значит, я имею право воспользоваться привилегией и выбрать его?

Молчание. По всей видимости, я ввела Богов в ступор своими рассуждениями.

— Подобного никогда ещё не было, — мне показалось, что машина в замешательстве, — за всю историю Илимаса.

— Ну когда-нибудь это должно было случиться... — фыркнула я насмешливо.

Если бы я не была стопроцентно уверена, что Рей моя вторая половинка, я бы никогда не решилась на эту авантюру. Подтверждением этого служило отсутствие боли и, наверное, железобетонная подсознательная интуиция. Была еще одна жуткая мысль, а вдруг они слукавят и выберут мне опять Гора. Надежда была на то, что программа просто не знает, что такое обман, и честно произведет выбор.

Я висела и висела над полом, а Боги все никак не могли решиться.

— Я хочу воспользоваться своим правом, предоставленным мне многовековыми законами Илимаса и выбрать мужа, — ещё раз произнесла я, четко выговаривая каждое слово. И пусть только попробуют отказать! — Я могу это сделать?

— Да, можешь, — ответили мне Боги, и я облегченно выдохнула.

— Давайте! — я замерла в ожидании.

Сердце колотилось, как ненормальное. А если я ошиблась? Если вдруг сейчас они выберут мне совершенно другого мужчину?

«Тогда я разнесу этот Храм по кирпичикам», — дала я мысленно себе обещание.

— Выбор сделан... — я напряглась и окаменела. — Имя — Рей Павн.

От облегчения я чуть не упала, только невидимая паутина удержала меня. Свершилось. Я была права.

Пару секунд я приходила в себя, а когда пришла, то меня затрясло от негодования.

— Вы. Вы обманули меня! — заорала я возмущенно. — Вы подсунули мне Гора, зная, что он мне не подходит. Вы тупые машины! Снимайте татуировку, быстро. Иначе все в этом мире узнают об их липовых Богах!

Я рычала и кипела от ярости. Я не помнила, что говорила. Какие-то жуткие ругательства, проклятья, угрозы вырывались из моих уст. Я была в бешенстве. Столько лет коту под хвост. Столько нервов, сомнений, страхов. Я гневно потрясала кулаками, параллельно утирая текущие ручьем слезы.

— Мы не могли выбрать тебе Рея, он в тот момент был женат, — сквозь гул в ушах я различила голос Богов, — а для Гора ты была идеальной парой.

Я еще пару раз судорожно всхлипнула, пытаюсь осознать то, что только что услышала. Вытерла щеки и задумчиво подняла голову.

— Для Гора? Это что значит, кто первый выбирает, под того и подстраивается выбор?

Сверху замялись с ответом.

— Алгоритм реально не доработан, — произнесла я насмешливо и рассуждала дальше, — значит, я лучший выбор для Гора. Ему нужна была нянька? Типа его старшего брата, который всю жизнь ему помогал и направлял? И вы выбрали меня? Я должна была сделать из него мужчину?

— Ты действительно была идеальной женой для Гора. А Рей был занят. Мы не могли озвучить его имя. Ведь пошел в Храм Гор.

— Тогда не озвучивали бы ничего! — крикнула я раздраженно. — Если вы не в силах свести двух идеально подходящих людей, не сводили бы вообще!

Боги молчали.

— Какой у вас здесь бардак, — никак не могла я успокоиться. — Те, кто вас строил, реально что-то не доделали в ваших микросхемах.

— Что ты говоришь, Илья Вида? — я впервые услышала что-то вроде интонации в их голосе, и сейчас она была пораженной.

— Вы не Боги! — произнесла я по слогам. — Нечестно с вашей стороны позволять людям называть вас так и думать, что вы всемогущие. Вы — машины, искусственный интеллект с четким алгоритмом действий. Мне нужны правдивые ответы на мои вопросы. И не думайте, что сможете меня обмануть сказками о вашем величии и призрачных правилах.

Маски сброшены. Меня несло неудержимой волной, и я не успокоюсь, пока все им не выскажу. Все, что накипело.

— Я знаю, как вы нами управляете, знаю о вплетенных в нервные окончания ниточках, за которые вы дергаете, насылаете на людей то тошноту, то страх. Да, возможно, вы раньше помогали людям. Когда цивилизация была молода и неразвита, вы учили людей жить. А сейчас вы мешаете! И не хотите в этом признаться.

Я замолчала, тяжело дыша. Сердце выпрыгивало из груди, в горле пересохло. Бессонная ночь, бесконечные рыдания не добавили мне сил. Казалось, от перенапряжения я сейчас потеряю сознание. Нужно успокоиться и взять себя в руки. Боги по — прежнему молчали.

— Что вы на это скажете?

Неужели они просто так проигнорируют все то, что я им здесь наговорила?

— Задавай вопросы. Мы ответим.

Вот и все, что они сказали. Ни слова возмущения, ни оправдания, ни одного логического объяснения всем этим событиям. Значит, я права? Они — бездушные машины? Я несколько раз глубоко вздохнула, остывая и усмиряя сердцебиение. Они хотят вопросы? Они получают их.

— Когда вы были построены?

— Мы включились впервые сто семьдесят пять тысяч лет назад.

— И кто вас построил?

— В нас не заложена информация об этом. Мы их называем Создателями. Они заселяли миры разумными существами и строили Храмы на каждом из них.

— Вы хотите сказать, что такие же Храмы есть и у нас, на Земле? Неправда! Я бы знала! Я не видела ни одного из них, — я помолчала, а потом осторожно поинтересовалась: — Вы же знаете, что я не здешняя, что я пришла из другого мира.

— Конечно, — ответил голос сверху.

Я усмехнулась. Ах вы плуты. Все-то они знают.

— И почему тогда у нас их нет? — поинтересовалась я саркастически.

— Вариантов много. На Илимасе нет никакой сейсмической активности, нет ни гор, ни вулканов. А у вас?

— У нас есть.

— Вот один из вариантов — произошло землетрясение, некоторые из Храмов были разрушены. Люди перестали в них ходить, и постепенно рождалось новое поколение без поводков. Дальше — больше.

Я молчала, обдумывая ответ. Логично, а развалин у нас на Земле предостаточно, чтобы обнаружить остатки.

— У вас агрессивное население? — продолжали Боги.

Я на мгновение задумалась.

— Нет, не сказала бы... Конечно, бывают войны, — потом тяжело вздохнула и произнесла: — Да. У нас всегда где-нибудь на планете идут войны... Да. Агрессивное, так уж сложилось.

— Тогда второй вариант. Начались бунты, погромы, что опять привело к разрушению Храмов. Агрессия присутствует у людей в крови. Мы сдерживаем ее здесь своими правилами.

— Вполне возможно, — задумчиво отозвалась я, — а больше Создатели не появлялись на Илимасе?

— Нет.

Возможно, время для них течет по-другому. Возможно, тысяча лет для них как секунда, и они продолжают строить и строить бесконечные миры где-то в других местах? А, возможно, им все надоело, они бросили своих подопечных на выживание и улетели заниматься своими делами?

За несколько минут я получила столько информации. Нужно было все обдумать и осмыслить. Но дома меня ждал Рей и тяжелый разговор по душам.

— Вы убрали с моей руки татуировку о замужестве?

Я подняла кисть и попыталась разобраться в хитросплетении точек и палочек.

— Да, — короткий ответ сверху.

— А у Гора?

— Как только он придет в любой из Храмов, мы уберем ее.

— Отлично, — я впервые за все время улыбнулась.

Дам знать через Рея. Вот муженек (хотя теперь уже нет) обрадуется. Будет миловаться со своей Аланой, пока снова не пойдет в Храм за женой.

— Расскажите немного о Храмах, — уже дружелюбнее произнесла я. — За сотни тысяч лет, наверное, вы накопили огромное количество информации. О каждом, живущем когда-либо на Илимасе.

— Да, — ответили мне, — но Храмы не только являются объектами для сбора информации. Они излучают невидимые магнитные волны, которые воздействуют на организм человека. Поэтому, люди не болеют, поэтому в чужой гряде вы чувствуете недомогание и тошноту.

— Какая прелесть, — отозвалась я, — что еще? Что вы ещё делаете для людей?

— Мы не имеем права вмешиваться в людские дела. Только давать им выбор, когда они

попросят.

— Почему же тогда вы заставляете в определенные даты идти к вам и насильно навязываете Выбор? Места жительства, профессию, мужа, жену?

— Чтобы цивилизация не погибла.

Я в удивлении уставилась в пустоту.

— В смысле?

— Изначальные установки были таковы, чтобы каждая семья производила на свет достаточное количество детей для поддержания определенной численности, чтобы не было перенаселения, и все популяции людей были равномерно распределены по территории Илимаса...

— Стоп. Вы разрушаете семьи. Вы отрываете детей от их родителей в таком молодом возрасте!

— Они могут сделать выбор места жительства и позже, например, в тридцать, — ответили мне, — эмоции и чувства отдельно взятого индивидуума не сравнимы с проблемой перенаселения и голода, которые могут возникнуть из-за этого.

— Все сравнимо! — крикнула я звонко. — Все важно! Для каждого индивидуума, как вы называете людей, его мир самый важный и значимый. Все должно быть в гармонии: и духовная составляющая и физическая. Если вы Боги, точнее называете себя ими, то должны были предусмотреть все.

Я не знала, как парировать их логику, но чувствовала, что они не правы.

— Твое мышление эгоистично и узко. Мы думаем ни об одном индивидууме, а обо всем населении Илимаса.

— Ладно-ладно, проехали, — буркнула я, — но почему сейчас это продолжается? Я допускаю, что раньше, на заре цивилизации, возможно, вы способствовали прогрессу, но сейчас вы конкретно тормозите его!

Молчание было мне ответом. Не хотят они признаваться в том, что их установки устарели, а новых нет. С другой стороны, искусственный интеллект должен сам развиваться, самосовершенствоваться.

— Хорошо... — у меня появилась новая мысль. — Почему тогда одним семьям вы разрешаете одного-двух детей, а мне с Гором целых четверых?

— Ты пришла из другого мира, а у нас нечасто бывают подобные уникамы. Вот мы и решили произвести выборку. Посмотреть, что получится из ваших детей.

— Что? — воскликнула я пораженно. — У вас и раньше были пришельцы? Когда? Как?

— Были, но очень редко. Наши Создатели оставили проходы между мирами, для каких-то своих целей. Иногда в них попадают люди. И у нас, или у вас появляются чужестранцы.

— А где находятся эти переходы?

Вдруг они знают точные места? Тогда я сегодня же попаду домой!

— Мы не знаем, — нет. Не попаду... — Они хаотично расположены на Илимасе и скорее всего, открываются на короткий промежуток времени.

Вот это совсем плохо. Значит, лес я прочесываю три года зря? Значит, я могу вообще никогда не попасть домой? Я затолкала страшную мысль глубже внутрь, подумаю об этом дома.

Усталость давала о себе знать. Ноги подкашивались, в глазах двоилось.

— На сегодня все, — заявила я и спрыгнула на пол, покачнувшись, — если появятся еще какие-нибудь вопросы, я вас навещу.

Прозвучало угрожающе. Боги, по своей привычке, проигнорировали мой экспромт. Ну и ладно, и так выяснила немало. А главное — избавилась от ненавистного замужества. Осталось последнее — поговорить с Реем.

Домой я ехала медленно, оттягивая момент своей исповеди как можно дольше. Даже по пути заехала в поселок, перекусить. Я сидела за столиком, жевала завтрак и тряслась от страха. Что я ему скажу? Поймет ли он, простит ли? Я освободилась от Гора, но не освободилась от своей трусости — я жутко боялась разговора. Но он был неизбежен. В итоге, кое-как взяв себя в руки, я направилась на ферму.

Рей сидел во дворе и что-то мастерил. У меня, как всегда, сладко замерло сердце от его вида. Как же я его люблю! Сильно, до умопомрачения. Он поднял глаза, и я увидела, что ночь была бессонной не только у меня. Рей встал и направился в мою сторону.

— Привет, — произнес он тихо, — ты куда-то ездила?

— Привет, — ответила я, — да. По делам.

— Мы можем поговорить, или тебе нужно еще время? — иронически усмехнулся он, отряхивая комбинезон.

— Нет, не нужно, — я глубоко вздохнула, — пойдем в гостиную, там удобнее.

Я двинулась вперед, Рей пошел за мной. На скамейке остались сиротливо лежать запчасти от какого-то будущего великолепного механизма. Возможно, после нашего разговора, Рей возненавидит меня, уйдет прочь, и все, что останется мне от него — это крошечные магнитные детальки на память.

Мы разместились друг напротив друга. Я читала в его глазах немой вопрос, но сам Рей молчал, давая мне возможность начать самой. Ну что ж... Поехали.

— Сначала, я хочу попросить у тебя прощения, — произнесла я сдавленно.

— За что? — Рей удивленно выпрямился в кресле.

— Потом ты поймешь, за что, — я прокашлялась, — я хочу сказать, что люблю тебя всем сердцем, всей душой и не представляю своей жизни без тебя.

Рей дернулся ко мне, наверное, намереваясь обнять, но я жестом остановила порыв.

— Стой. Дай мне закончить.

Рей уселся назад, крепко сжал подлокотники и замер, пристально разглядывая меня в полутьме гостиной.

— Я пришла издалека. Если ты заметил, у меня другое телосложение, отличные от ваших уши, глаза, зубы и прочее.

— Конечно, я заметил, — хмыкнул мужчина, — но я думал, что там, в Баку, у вас все такие.

Я тихонько рассмеялась.

— Баку — это название города в одном из многочисленных государств нашего мира. Никакого отношения к гряде он не имеет. Я выдумала его, как и прочие свои легенды, чтобы запутать следы.

— Запутать что? — переспросил Рей.

— Это такое устойчивое выражение. Фразеологизм. Значит, спрятаться. Укрыться. Замаскироваться.

— Ничего не понимаю, — произнес Рей взволнованно.

— Скоро поймешь. Так вот, перед прибытием сюда, со мной в моем мире произошло несчастье, мне изменил жених, — Рей протянул руку и дотронулся до моей, наверное, желая успокоить. Я улыбнулась.

— Нет, не нужно, я уже давно его забыла... Но тогда, три дата назад, я горько сетовала на судьбу, на несправедливость и жестокость своего мира. Возможно, это сыграло свою роль, возможно, что-то еще, но я провалилась сюда. Провалилась, оступившись и упав в яму.

Я замолчала, прошлое так явно встало передо мной, словно это произошло вчера. Вспомнилась боль в оцарапанных руках, грязь под ногтями, запах влажной земли, сыпавшейся на голову. Замешательство и паника, охватившие меня, когда я блуждала по незнакомому лесу. Жажда, усталость и невыразимая, бесконечная тоска.

Я встрепенулась и подняла глаза на Рея, тот внимательно смотрел, терпеливо ожидая продолжения.

— Так вот, когда я попала в ваш мир, я жутко боялась. Жила в постоянном страхе долгие месяцы, пока не выучила язык, правила поведения, ваше мироустройство. Мне, в сущности, повезло. Меня, растерянную и беспомощную, нашла старушка, которая жила в глухом лесу и работала в нем лесником.

Рей прищурил глаза. Лицо его окаменело.

— Гряды назывались Актус, а старушку звали...

— Вида Брок, — за меня произнес Рей.

Я смотрела ему в глаза и ничего не могла прочитать в них. Рей откинулся назад и ровно, невыразительно произнес:

— Продолжай.

— Когда меня вызвали в Храм для какого-то непонятого обряда, я была в ужасе. Ничего не понимала, ничего не смыслила в ваших правилах. Вида сказала, что отказываться нельзя... Что мне выбрали идеальную пару, что жизнь с этим человеком превратится для меня в сказку, — я тяжело вздохнула. — Вот так я и вышла замуж за Гора.

Губы Рея сжались.

— В нашем мире нет ни Богов, ни Храмов, ни принудительного выбора. Для меня все было в новинку. Моя ошибка была в том, что мне казалось, что как только кто-нибудь увидит меня настоящую, то сразу же поймет, что я иномирянка. Тогда я еще не знала, что жители Илимаса не бывают дальше нескольких соседних гряд и уж точно не знают, что происходит в дальних.

— Поэтому ты одевалась, как пугало, — подытожил Рей.

— Да.

— Как тебя зовут по — настоящему?

— Ульяна. Уля...

— И, конечно же, ты не вдова? — в его голосе я слышала усталость и безысходность.

— Не вдова, — ответила тихо.

— То есть, до сих пор замужем за Гором?

— А вот и нет, — на моем лице промелькнула быстрая улыбка, — эту проблему я решила.

Рей потрясенно приподнялся.

— Как?!

Я выдержала многозначительную паузу. И начала издали, чтобы немного его помучить.

— Ты знаешь, что представляют собой ваши Храмы? — Рей неуверенно пожал плечами, я хихикнула. — Мне, человеку новому, сразу стало ясно, что это никакие не Боги. А спустя время, после некоторых событий, удостоверилась окончательно — это обычные машины.

Подобные тем, которые ты конструируешь, и тем, которые есть повсеместно в моем мире.

Брови Рея взлетели вверх. Глаза загорелись лихорадочным огнем. Он наклонился вперед, стараясь не пропустить ни единого слова. «Все-таки, он под стать мне! У него критический склад ума и незашоренное мышление», — подумала я и принялась рассказывать.

Я рассказала о том, как обманывала Богов, задерживаясь в чужих грядах на лишнюю неделю или две. Рассказала, как шантажировала их разоблачением, если они не снимут с меня брачный поводок. Рассказала о Лофе, о его отрубленной руке. Рассказала о Создателях, которые населяли миры, и о глупых правилах, которые они оставили после себя.

— Наверное, они думали, что эти правила вначале помогут развить цивилизацию, а потом, если люди умны и находчивы, то должны сами были освободиться от этих правил, — закончила я свой рассказ.

— Но народу Илимаса понравилось так жить, — продолжил мою мысль Рей, — и они ничего не стали менять в ней... Так и живут тысячи лет, следуя правилам, полагаясь на Выбор Богов и ничего не предпринимая, чтобы стать, наконец, самостоятельными...

Я сочувственно кивнула. Рей не выглядел потрясенным. Скорее, озадаченным и задумчивым. Конечно, для него, выросшего в этом мире, мой рассказ был чем-то невероятным, возможно, даже болезненным.

— Мне нужно подумать об этом, — в конце концов произнес он, — если ты права, а у меня нет причины не доверять твоим словам, то это меняет все. А сейчас расскажи-ка мне, как ты встретила Лофа.

Черт! Он сразу же ухватил суть. Неужели, я надеялась, что Рей пропустит мимо ушей упоминание о лесе? Я виновато замаялась, подыскивая разумное объяснение.

— Ты ищешь яму? — произнес он, сделав единственный правильный вывод.

Умный мужик. Я низко опустила голову.

— Да.

— Чтобы уйти домой?

— Да.

Больше вопросов не последовало. Я искоса посмотрела на Рея, чувствуя себя отвратительно. Он задумчиво смотрел в сторону, безо всякого выражения на смуглом лице. Только брови были сдвинуты в одну ровную линию, и кожа натянулась на высоких скулах.

— Значит, Гор сейчас свободен? — такого вопроса я не ожидала.

Тихонько выдохнув, ответила:

— Да, свободен. Ему нужно только навестить любой Храм, и с него снимут «женатость».

— Алана будет счастлива...

— Тебе не нужно было платить такие огромные деньги, — произнесла я примирительно, — видишь, все обошлось бесплатно.

— Ну, я-то был не свободен. И у меня ведь нет таких преференций перед Богами, как у тебя, — прохладно ответил Рей, перевоза на меня цепкий взгляд. — Не говори мне о деньгах, я не жалею, что их отдал. Заработал один раз, заработаю и во второй. Главное — ты.

Чувство вины опять схватило за горло, острым скальпелем вгрызаясь в сердце. Я глубоко вздохнула и произнесла:

— И что дальше? Что мы будем делать?

Рей пожал плечами.

— Дальше? Будем жить. Будем любить друг друга, работать вместе, творить вместе.

— Ты хочешь, чтобы мы пошли в Храм и поженились? — осторожно спросила я.

— Это самое страстное мое желание, — твердо произнес Рей.

— Давай пока отложим свадьбу? Дай мне немного времени... Сейчас ты свободен, я свободна. Ничего нам не мешает жить просто так... — я запнулась.

Глаза Рея превратились в ледышки.

— Когда... — Рей осекся и сразу же поправился: — Если ты найдешь яму, как ты поступишь?

— Я не знаю! — воскликнула нервно и вскочила на ноги.

Я бегала вокруг стола, а Рей только молча наблюдал за моими метаниями.

— Я просто хочу завершить работу. Поставить точку. Я потратила три дата на поиски этой чертовой ямы и сейчас, когда осталось совсем чуть-чуть, не могу все бросить... — я посмотрела на Рея. — Ты понимаешь меня?

— Как ни странно, да, — отозвался он, — сам такой. Довожу все до конца. Скажи мне одно. Если ты ее найдешь, ты сразу же уйдешь в свой мир?

У меня не было ответа на его вопрос. Паника сдавила обручем голову, не давая связно мыслить. Опять захлестнули ужас и страх. Плечи затряслись, и я зарыдала, горько всхлипывая и размазывая слезы по лицу. Мне было жалко себя, жалко Рея, я не знала, что делать, я была в полном беспросветном отчаянии, страстно желая только одного — умереть и не отвечать на его вопрос.

— Ладно, ладно, — Рей подошел, обнял за плечи и прижал к груди, — не плачь. Все будет хорошо.

Он гладил мне спину, целовал волосы, шептал, как он сильно любит меня, как восхищается мной. Какая я сильная и смелая девочка, и постепенно я успокаивалась.

— Теперь я могу по-настоящему поцеловать тебя? — прошептал мне в ухо.

Я повернула к нему залитое слезами лицо.

— Угу.

— Как свободную женщину? Свою женщину? Не жену другого человека?

— Тебе, по-моему, это и раньше не мешало меня целовать, — хихикнула я сквозь слезы, подставляя губы.

— Пойдем, — Рей подхватил меня на руки, — я целый день ждал этого.

— Так, значит, ты меня простил? — произнесла я жалобно, уткнувшись ему в плечо.

— Нечего прощать, — ответил Рей, прижимая крепче, — ты поступила, как должна была.

Это счастье не бояться боли и не ожидать ее. Наслаждаться каждым прикосновением, каждым поцелуем. Знать, что впереди только наслаждение и предвкушать его. Я, словно цветок к солнцу, тянулась к его рукам, губам. Какое у него красивое тело. Длинное, гибкое, свитое из мускулов. Никогда не думала, что буду так восхищаться «неземным» торсом. А вон оно как.

— Расскажи мне о своем мире. Там лучше или хуже, чем на Илимасе? — Рей приподнялся на локтях и положил голову на сложенные в замок ладони.

Я немного подумала.

— Кое в чем, лучше, кое в чем хуже.

Вспоминая свой, теперь уже такой далекий, мир я попыталась взглянуть на него со стороны. Оценить плюсы и минусы, сильные и слабые стороны. Тогда, только попав сюда, я

не представляла себе другой жизни, а сейчас, приспособившись, акклиматизировавшись, я понимаю, что и мой мир не идеален, в нем так же есть недостатки.

— Я живу в мире, который использует основной вид энергии — топливо, — начала я рассказ с того, что интересует Рея больше всего, то есть, с технической стороны.

— Топливо?

— Названий много. Нефть, газ, уголь. Эти продукты добываются из недр планеты, чтобы потом безвозвратно сгореть и выделить тепло, которое превращается в энергию.

— Какое расточительство, — произнес Рей, покачав головой.

— И не говори! — согласилась я. — Только недавно люди начали осваивать солнечную энергию и энергию ветра. Но, увы, принцип остался тот же. Тепло, точнее энергия сгорания, двигает повозки, заставляет работать станки, конвейеры и другие механизмы. Например, если бы ты строил сушилку у нас на земле, первое, что бы сделал, это спроектировал двигатель. Электрический или работающий на нефтепродуктах...

Я рассказывала основные принципы механики, упомянула закон сохранения энергии, коснулась химии, атомной физики. Все по чуть-чуть, что вспомнила из школы. Но и так у Рея глаза все больше и больше округлялись.

— Мы пошли совсем по иному пути, — произнес он потрясенно.

— У вас другой мир, поэтому все по-другому.

Особенно его восхитило то, что мы летаем в космос, что побывали на других планетах, пусть и соседних, но все-таки. А ещё то, что все знания у нас были в свободном доступе. В библиотеках, интернете...

— Мне приходилось обманывать, чтобы добраться до нужных книг, учебников. В юности я брал их у нашего соседа, который был конструктором, иначе мне бы их никогда не выдали в гильдии, — усмехнулся Рей горько, — больше додумывал сам. Боги и гильдии не помогают, если ты совершенствуешься там, где тебя не ждут.

Мы еще долго беседовали, проведя весь день в кровати, выбираясь только за едой. Нам столько нужно было рассказать друг другу, столько успеть.

— Я даже не знаю, будут ли у нас дети. Возможно, мы несовместимы друг с другом, — поделилась я ещё одним своим страхом.

— Глупости! — Рей фыркнул как большой кот и потрянул головой. — Если Боги дали тебе в мужья Гора и определили лимит детей, значит, они у вас могли бы быть. Будут и у нас.

Осталось невысказанным одно — для того, чтобы их иметь, нужно пойти в Храм и оформить брак.

— А как Боги помогают в профессиональной деятельности? — меня волновал ещё один вопрос. — Ладно место жительства — Храмы определяют ареалы обитания, а датчики в нервных окончаниях регулируют болевые ощущения. То же самое можно отнести и к замужеству. А вот работа? Это совершенно непонятно. Что значит, Боги помогают?

Рей глубоко задумался.

— Я сам никогда не размышлял об этом. Если ты помнишь, то до настоящего момента я и вовсе считал их всемогущими и всеильными. Но если порассуждать...

Я с интересом уставилась на Рея. Наша кровать превратилась в птичье гнездо. Одеяла отодвинуты в сторону, простыни сбились, подушки разбросаны по периметру матраса. Рядом, на придвинутом столике — поднос с остатками еды. Рей сидел, скрестив ноги, в центре кровати и выглядел властелином этого бедлама. В пижамных брюках, с голым торсом

и серьезным выражением на лице.

— Думаю, сами Боги не помогают. Это обман. Наоборот, их задача не дать работать не по профессии, из-за этого травмы, порезы и прочее. Помогают гильдии. Они закупают продукцию по завышенным ценам, платят хорошие зарплаты, дают нужную информацию, книги, прочее...

— Мне кажется, Храмы все-таки как-то сканируют мозг. Что у них за оборудование, я могу только догадываться. Ведь мне они выбрали профессию согласно моим личным предпочтениям, — возразила я.

— Тебе повезло, — вздохнул Рей, — а мне не очень.

Рей опустил на четвереньки и со странным выражением лица пополз ко мне.

— А в чем мне действительно повезло, — его голос стал похож на кошачье урчание, — так это в том, что я встретил тебя...

Я с хохотом бросила в него подушку.

— И пусть ты упрямая, дикая иномирянка, — шепчет он, переворачивая меня на спину и накрывая горячим телом, — я люблю тебя...

Я оставила позади свои сомнения и неуверенность и жила сегодняшним днем, не думая о будущем, не планируя ничего. Ни работу, ни нашу совместную жизнь с Реем, ни поиски в оставшемся небольшом кусочке леса на юге Оши. Я, словно бабочка, спряталась в своем плотном коконе и боялась высунуть нос наружу.

До начала посевного сезона оставалось всего ничего, а я все откладывала и откладывала поход в лес. Но когда-нибудь нужно было что-то решать. Сомнения и неуверенность грызли изнутри. В итоге я решила, что если сейчас все брошу, то никогда себе этого не прощу. Нужно довести поиски до конца.

Рей молчал, но иногда я замечала его взгляд, пристальный, цепкий. Он словно спрашивал: «Что ты решила? Останешься со мной?» И мне становилось ещё хуже.

Однажды я не выдержала. Проснулась рано утром, когда Рей еще спал, быстро собрала рюкзак, заправила машинку и рванула в лес. Надеялась, что за пару дней успею все оббежать. Но не учла того, что нужно было еще ехать вдоль леса на самый юг, на что я потратила почти полдня. Один — на поиски.

В итоге вернулась домой лишь через двое суток. Рей молча встретил во дворе. Он не сказал ни слова, но его взгляд был намного красноречивее. Я приняла душ, переоделась и спустилась вниз.

— Что нового? — поинтересовалась, как ни в чем не бывало, обняв его за плечи и целуя в макушку.

— Вчера привезли семена кловиса, через пару дней начнем высаживать с южного участка, — голос Рея был дружелюбен, и если бы я его хуже знала, то думала бы, что все в порядке.

Он пах домом, немного сеном и смазкой. Такой родной и близкий.

— Я так соскучилась, — шепнула и уселась ему на колени.

Я ожидала фразы: «Так сидела бы дома», которую произнес бы почти каждый на его месте, но Рей был другой. Он понимал, что его слова ничего не изменят, и он не властен над моим упрямством.

— Я тоже, — в конце концов выдохнул он и притянул к себе.

На ближайшую неделю у нас установились следующие правила. Я уезжала рано утром, Рей притворялся, что спит. Тратила не больше двух дней на поиски и мчалась обратно. Он

встречал меня, как ни в чем не бывало, словно мы расстались десять минут назад. Но ночью, во сне, неосознанно прижимал меня к себе так крепко, будто собирался присвоить, связать нас навечно.

Ямы не было. Мне оставалось пройти всего ничего. По времени день, может, два. Если честно, я даже стала надеяться, что не найду ее. Это было бы наилучшим выходом. В Храме мне сказали, что проходы появляются хаотично. Кто я, чтобы спорить с Создателями? Сердце постепенно успокаивалось, страх перед возможным выбором уходил.

Мы, как и прежде, разговаривали каждый день, я рассказывала о своем мире, он о своем. И пусть я три года прожила здесь и думала, что все знаю, это было не так. У Рея появились новые идеи, особенно ему приглянулась стиральная машина. Он сразу же занялся поиском нужных минералов.

— А как же ты будешь создавать водоворот в бочке? — смеялась я над его энтузиазмом.

— Ты же видела бассейн у меня во дворе? — произнес Рей. — Там тот же принцип создания волн.

— С ума сойти! — хлопала в ладоши я. — У нас скоро будет стиральная машина. Вот Лора обрадуется, — Лора была нашей прачкой, — как же она будет отрабатывать свою профессию, ты подумал?

— Отработает, — буркнул Рей, что-то мастера, — тем более что машина будет только стирать, ни выжимать, ни сушить она пока не будет. Это следующий этап...

Я подумала и решила, что в ближайшее время расскажу о посудомоечных и гладильных аппаратах... А вдруг он и их сконструирует? Я под села рядом и заглянула в записи и рисунки, разбросанные по столу.

— А ты сообщил Гору о разводе?

— Да, сразу же. Пару дней назад отправил вестника.

— И как оң? Обрадовался? — хихикнула я.

Рей смущенно прищурился.

— Ты не обидишься, если я скажу, что он был невероятно счастлив?

Я обняла его за шею и развернула лицом к себе.

— Не обижусь. Я сейчас сама счастлива, и мне хочется, чтобы все вокруг так же были счастливы...

После этих слов нам ничего не оставалось, как поцеловаться. Долго, глубоко, упоительно.

— А где сейчас Гор? — хрипло прошептала я, борясь с головокружением.

— Ты общаешься с ним?

— Конечно, — ответил Рей, — они все вместе живут в нашем особняке. Это единственное, что я не продал. Гор, Алана и Пелея.

— Ну ты же не монстр, — погладила я Рея по щеке, — нужно же им где-то жить. А как долго?

— Что именно?

— Как долго продлится их счастье? До тридцатилетия Гора совсем немного. А дальше его опять нужно будет идти в Храм.

— Впереди у него несколько лет. За это время что угодно может случиться, — буркнул недовольно Рей, — пусть сам решает, что делать. Тридцать лет — это солидный возраст. Пора становиться самостоятельным.

Я только улыбнулась. Пусть он говорил, что не будет помогать брату, но я же видела,

что Рей беспокоится о нем, переживает. И не хотела добавлять еще и своих волнений в его и так непростую ситуацию.

А на следующий день приехал митр. Когда он увидел Рея, ремонтирующего грузовую повозку возле гаража, чуть не выпал со своей. А когда узнал, что Рей приехал жить и работать на его ферму, и вовсе онемел.

— Я так рад, — лепетал он, утирая слезы, — теперь вы пойдете в Храм? Когда?

Мы с Реем быстро переглянулись. В его глазах мелькнула грусть.

— Думаю, ближе к лету, — ответил Рей и почти радостно улыбнулся, — отметим свадьбу с размахом. Пригласим друзей, родных. Вы будете главным гостем.

— Ох, скорее бы, — митр потер руки, — так хочется успеть помянуть деток.

Каждое слово вонзалось в мое сердце и оставляло крошечную кровоточащую ранку. Я смотрела на Рея и понимала, в каком аду он живет, ежедневно прощаясь со мной и встречаясь заново.

— Эх, женитесь скорее, я бы оставил вам ферму после смерти... — И видя мой ошарашенный взгляд, пояснил: — Я ее сам построил когда-то, не получил, как другие у гильдии. Так что, она моя.

— Митр, — у меня мелькнула шальная мысль, — а хотите переехать к своим родным в их грядку?

— Девочка, пусть ты и много поработала за последние два дата, но денег все равно не хватит, чтобы купить выбор, — прокряхтел Барнаус.

Рей бросил косой взгляд и хитро усмехнулся.

— В последнее время у меня наладились доверительные отношения с Богами, — произнесла я самодовольно, — могу замолвить за вас словечко.

— Я даже не знаю... — Митр был растерян, и даже немного напуган. — А точно Боги согласятся?

— Давайте, я поговорю с ними, а вы пока подумаете?

На том и порешили. Мы ещё долго сидели за поздним ужином, попивая вино и общаясь. Барнаус совсем не удивился, когда узнал, что Рей все отдал, чтобы заплатить за Выбор в Храме. Сам был такой. Продал все, разорил ферму, чтобы жена жила рядом с единственным сыном... Мужчины общались, а я сидела и думала, как мне повезло встретить таких прекрасных людей здесь, в чуждом мне мире. Еще Вида... Светлая ей память.

Утром я опять, как всегда, вскочила рано. Настроение было приподнятым. Я чувствовала, близок конец моим поискам. Быстро собрав готовый рюкзак, прыгнула в авто и рванула на юг. Планировала закончить сегодня и наконец оставить позади всю прошлую жизнь, но вмешались внешние силы. Когда я подошла к неисследованному участку леса, оказалось, что там ведутся какие-то работы по благоустройству. Ходили лесники с маркерами, отмечали деревья. Я, прячась и прислушиваясь к разговорам, походила по периметру. Услышала, что работы продлятся ещё два дня. Вздохнула и отправилась домой.

Рей был на полях. Начались весенне-полевые работы, обычные для сельскохозяйственной деятельности. Я чувствовала искреннее сожаление, что он занимается тем, что ему не по душе. Сама пошла в подвал, проверять вино и настойки, скоро нужно будет закупоривать. На обед Рей не явился, я сделала вывод, что ему проще поесть с работниками, чем мотаться туда-сюда... Вечером, за ужином, он был молчалив и замкнут. Мы с митром обсуждали его возможный переезд, закупку льда в холодники, так как прошлый весь растаял, новых овец, привезенных с запада, а Рей все молчал и молчал. Я

искоса поглядывала на хмурое, усталое лицо и почему-то чувствовала себя виноватой.

Мы вместе поднялись в спальню. Рей встал посреди комнаты и уставился на меня пристальным взглядом. Внутри шевельнулось беспокойство.

— Ты закончила прочесывать лес? — поинтересовался он холодно. — Ты говорила, что тебе осталось совсем чуть-чуть.

— Понимаешь, — неловко замялась, — когда я прибыла на свой участок, там бродили лесники, и мне пришлось уйти. Я планирую поехать через несколько дней...

— Нет! — громко произнес Рей, я перепугано вскинула голову.

Любимое лицо вдруг превратилось в непроницаемую маску. Холодную и неприступную.

— Что? — мой голос неожиданно сел.

Я вдруг почувствовала, как ослабли колени, а сердце пропустило удар.

— Мне надоели твои метания, — зарычал Рей, сощурив глаза, — я с ума схожу, каждый день ожидая, что ты больше не вернешься, уйдешь в свой мир! Выбирай! Или ты хочешь быть со мной, или хочешь домой.

— Но... — у меня задрожали губы.

Я никогда не думала, что мой нежный ласковый Рей может быть таким жестким и безжалостным. Я впервые видела его таким, и это пугало.

— Я больше не буду тебя уговаривать, умолять. Я больше слова тебе не скажу, пока ты не решишь, что тебе дороже — прошлое или настоящее. Пора выбирать, Ульяна.

Он развернулся и стремительно вышел из комнаты. Я осталась стоять у двери, слезы бежали по щекам, а в голове стояло глухое эхо: «Выбирай!»

Впервые с того времени, как Рей приехал, мы ночевали отдельно. Я вертелась в своей кровати, не в силах заснуть. То плакала, то злилась, то сокрушалась.

Как он мог. Он же говорил, что понимает меня, что сам такой же — доводит все до конца. А внутренний голос ехидно добавлял: «Поставь себя на его место. Как бы ты поступила, если бы Рей каждый день уезжал куда-то, и ты не знала, вернется ли он или уйдет навсегда». Сердце тут же сжималось от дикой боли. Нет! Я бы этого точно не пережила.

«Я люблю Рея? — спросила себя и сразу же ответила, ни секунды не сомневаясь. — Больше жизни!» Тогда, почему терзаюсь? Почему колеблюсь? Почему сейчас лежу без сна, вместо того, чтобы быть в его объятиях? Неужели какие-то призрачные принципы важнее счастья?

Что меня ждет дома? Родители, скорее всего, уже похоронили и оплакали меня. Пашка женился на другой. Единственное, что мне хотелось сделать, это попросить прощения. За свою зависть, за равнодушие, за то, что я всегда дистанцировалась от домашних дел и никогда не стремилась наладить отношения с сестрой. И, наверное, поблагодарить Леру. Если бы не она, я бы вышла замуж за Пашку, работала бы бухгалтером, заглядывала бы ему в рот и никогда бы не осознала, что я что-то могу в этой жизни, никогда бы не встретила Рея, не узнала, что бывает в жизни такое счастье.

Я решительно встала с кровати. Хватит! Три года я искала яму и не нашла. Значит, не судьба. Пора расставаться с прошлым и жить будущим. А мое будущее — это Рей. И я не собираюсь медлить ни секунды.

Несколько метров по коридору. Дверь в его комнату не заперта. Я скользнула под одеяло и сразу же оказалась в кольце рук.

— Я ждал... — горячий шепот, касание губ, и меня обволакивает его нежность. — Ты

решила?

— Да, решила. Я выбираю тебя, — ответила уверенно, прижимаясь ближе. — Больше никогда не буду ходить в лес и искать яму. Прости, что была такой эгоисткой и думала только о себе.

— Прощаю, — тихий смешок раздался в тишине спальни и сразу же за ним уверенные прикосновения рук.

Я растворяюсь в них, в его запахе, тихом голосе, который повторяет, что любит меня, обожает, сходит с ума. И я становлюсь, как доверху наполненный счастьем хрустальный сосуд. Во мне плескается и переливается через край ликование и радость. Меня ждет прекрасное будущее с любимым человеком, впереди только спокойствие и благополучие.

— Доброе утро, соня, — на губах Рея играла улыбка. — Так мы женимся летом?

— Ты не откладываешь в долгий ящик, сразу берешь быка за рога, — пробормотала я, прячась под подушку досматривать сон.

Полночи рыданий и метаний, полночи любви. В итоге я жутко не выспалась.

— Не знаю таких выражений, — произнес он, — ты до сих пор иногда ставишь меня в тупик...

— Это значит, что я согласна, — вынырнула наружу, — только мне нужно сегодня съездить в Храм по вопросу митра. А вдруг Боги разрешат переезд? А потом выберем дату. Идет?

— Идет...

С легким сердцем я поехала в Храм. Хорошо, что он был недалеко... «А, и правда! — мелькнула в голове мысль. — Храмы равно удалены друг от друга и расположены четко по периметру гряды, на одинаковом удалении от границы. Словно пчелиные соты».

— Это я! — радостно заявила, встав в круг.

Мне показалось или сверху донеслось недовольное ворчание?

— У меня к вам просьба! — выкрикнула я.

— Говори, — голос был нейтрально-равнодушный.

— Могли бы вы устроить переезд в гряде Сиран Барнаулу Лоре? Там у него семья, жена, дети, внуки. Они скучают друг без друга. Я вас очень прошу...

— С каких это пор мы стали выполнять твои просьбы?

Ах! Искусственный интеллект научился парировать и огрызаться?

— С тех самых, когда я выяснила, что никакие вы не Боги, а кучка бессовестных машин, которые дурачат людей и мешают прогрессу, — мой тон резко переменялся.

Сами виноваты, сразу выполнили бы мою просьбу, не слышали бы злых слов. Как всегда, по обыкновению, Боги проигнорировали мой спич. Ничего, я не гордая, спрошу ещё раз.

— Так я могу сказать Барнаулу, что ему разрешено переехать в Сиран?

Еще никто не уходил от ответов на мои вопросы.

— Пусть придет в любой Храм, мы поменяем ему родную гряду.

— Спасибо! — крикнула я, спрыгивая на пол. — Вы душки!

Угрюмое молчание сопровождало меня до самого выхода. А ведь на повестке дня ещё смена профессии для Рея. Отложим на потом, нельзя все так сразу. Я хихикнула в кулак. Бедные машины, они не знают, с кем связались.

Настроение было замечательным. Я ехала на своем маленьком стареньком автомобильчике и радовалась приходу весны. Наемные рабочие уже приехали на ферму,

разместились и готовились к посевной. Рей взял на себя все руководство, планирование и координацию процесса. У него и больше опыта в этих делах, и больше знаний. Ведь он уже более десяти лет работает фермером. В моей компетенции осталось только сбывать продукцию, заключать выгодные контракты и вести бюджет фермы. Мы честно поделили обязанности, не забыв и митра. Он по-прежнему ухаживал за животными. Они ему нравились больше всего. В общем, все были счастливы и довольны.

Вдалеке, справа от дороги, показалась стена «моего» леса. Я хотела проехать мимо, как вдруг в голову пришла мысль попрощаться. Я столько времени провела в нем, столько слез пролила, он видел мой гнев и страх, мое отчаянье и уныние. Невежливо проехать и не зайти в гости в последний раз.

Решительно повернула направо и двинулась к опушке.

Лес встретил меня как давнего товарища. Тишина и прохлада окутали дружескими объятиями. Я прошла чуть дальше и прислонилась к стволу орехового дерева.

Я знаю тут каждый кустик, каждый овраг. Лучше всех лесников, работавших ранее или работающих сейчас. Я исходила десятки тысяч улит вдоль и поперек в поисках ямы, а теперь пришла пора расставаться.

— Я больше не вернусь к тебе, — прошептала я и погладила теплую кору, — спасибо, что согревал меня зимними ночами, что поил чистой водой, укрывал от дождя. Прощай навсегда.

Крона дерева зашелестела, словно отвечая. Легким прохладным ветерком подуло в лицо. Я обернулась и чуть не упала в яму, ни с того ни с сего образовавшуюся за моей спиной. Замахав руками, словно мельница, отпрянула назад, уцепившись за ветку орешника.

Она была прямо за деревом. Та самая, которую я искала так долго. Я помнила ее четко и ясно, словно не было этих трех лет. Глубиной около двух метров, с торчащими корнями на стенах, с рыхлой черной землей и терпким затхлым запахом. Мурашки побежали по спине. Я увидела в глубине странное мерцание, словно серебристый туман окутал дно.

Вот она. Моя яма. Ирония судьбы, она появилась, когда я решила бросить поиски и остаться на Илимасе. «Тебе не уйти от выбора, Уля, — подумала грустно, — вот он, перед тобой. Решайся».

Я словно разделилась пополам. Одна половина рисовала яркими красками возвращение домой, к родителям, в свой привычный мир, к друзьям, к интернету, айфону. Возможности путешествовать куда угодно. Я могла стать бухгалтером, менеджером, экономистом или киноактрисой. Кем захочу! Я могла бы встречаться с разными мужчинами, выйти замуж или не выходить вообще. Иметь детей или не рожать вовсе. Я столько всего могла сделать в своем мире!

А вторая половина рисовала только одну картину — жизнь с Реем. Долгую, спокойную, счастливую. Каждый день рядом, каждую минуту... Вместе засыпать, вместе просыпаться. Спорить, обсуждать, советоваться, ругаться и мириться.

И эта картина заслонила собой все остальное.

Я поняла, что нужно делать то, что любишь и быть рядом с тем, кого любишь. Остальное — совершенно неважно.

Я бросила насмешливый взгляд на манящую глубину ямы и шагнула в сторону.

— Ты какая-то странная, — произнес Рей, помогая выйти из машины, — что-то случилось?

Я обняла его за шею и счастливо рассмеялась. Выбор оказался совсем не сложным.

Ничего легче мне не приходилось решать. Зря только боялась...

— Знаешь, — произнесла я, — думаю, нам не стоит ждать лета. Поженимся завтра...

— Ты закончил?

— Да, завтра можно будет испытывать, — Рей отошел в сторону, открывая обзор.

— Обязательно позови нас, не хочу пропустить такое зрелище, — я держала в руках нашего первенца. И я, и он пораженно рассматривали огромный сверкающий механизм, стоящий у нас во дворе. Малыш еще не мог выразить свои впечатления от увиденного, только возбужденно агукал и размахивал руками. Я же высказалась и за себя, и за него.

— Какой ты молодец! Самый умный и трудолюбивый конструктор во всей нашей гряде!

— Заметь, пока единственный, — Рей улыбнулся и взял у меня сына, не забыв, конечно, поцеловать жену.

— Если ты рассмотрел, каким взглядом Тор смотрит на пресс, — ответила я, — то через пару десятков лет в нашей гряде будет их уже минимум два.

Заявки на механизмы приходили не только с нашей гряды, но и из соседних. Рей работал не покладая рук, но и платили очень хорошо. Гораздо больше, чем за фрукты, овощи или даже алкоголь. Этот пресс заказала соседняя гильдия для одной из крупных ферм, и Рей изготовил его за рекордно короткий срок.

— А когда же ты возьмешься за гладильный аппарат? — сокрушалась я притворно, терзая мужа, но понимала, что деньги важнее.

Мы не отпускали Барнауса, пока не накопили достаточно для покупки небольшой фермы в Сиране. Он даже застал рождение Тора, чему был несказанно рад.

— А как продвигаются твои дела с Храмами?

Мы втроем присели на скамейку перед небольшим фонтаном в центре двора, точной копией того, что был у Рея в Оши. Полгода назад он впервые заработал, и теперь здесь мое самое любимое место. Я могу бесконечно смотреть на бегущий по волнам парусник.

— Дожимаю, — весело произнесла я, — осталось совсем чуть-чуть.

— Бедные Боги... Мне их даже жаль. С тобой тяжело не спорить, — рассмеялся муж.

После решения своих личных проблем, таких как профессия мужа, переезд Барнауса, я со всей энергией взялась за мироустройство Илимаса. Хотела изменить право выбора, хотела сделать жителей свободными от него. Задумка была грандиозная и амбициозная, даже, по моему, слишком.

В то же время я понимала, что нельзя делать все одним махом. Ведь люди за тысячелетия жизни на Илимасе привыкли к существующему распорядку, и им трудно будет кардинально менять свою жизнь.

После рождения сына я пришла в Храм и заявила, что никакой штрих-код они на него не прицепят. Когда вырастет, пусть решает сам, что ему делать — идти за выбором в Храм или строить свою судьбу самостоятельно. И пусть не присылают бесконечных вестников, мне они — как слону дробинка.

Муж, услышав эту фразу, только пожал плечами и пробормотал: «Опять фразеологизм? Когда я их все запомню?»

— У меня ещё много в запасе, — ответила я и отправила вестника обратно, в Храм.

К нам часто в гости приезжает Гор. Иногда с Аланой, иногда один, а в последнее время почти всегда один. Конечно, он меня не узнал, а мы с Реем не стали его просвещать, кто я на самом деле. Особенно после того, как муж сказал мне по секрету, как Гор восхищался моей

красотой.

«Она у тебя уникальна, не похожа ни на кого из здешних девушек. Где ты ее нашел?»

Рей ответил, что ему повезло, и больше таких нет.

Я смотрела на их отношения с Аланой, и во мне крепла уверенность — им недолго осталось. Ссоры, истерики, жалобы, сопровождали пару везде. Даже в ночнике, где мы отмечали очередную годовщину нашей свадьбы, Гор умудрился вызвать недовольство девушки, сказав мне крошечный ничего не значащий комплимент насчет платья. Она расплакалась и начала причитать: «Ты меня не любишь, не ценишь, не уважаешь...» И так далее. Вечер был испорчен. После ужина мы разъехались по домам и уже вдвоем отметили так, как считали нужным.

— И ему, и ей срочно нужно взрослеть, — произнесла я, попивая из бокала вино собственного изготовления.

— В следующем дате Гору исполнится тридцать, и ему все равно придется выбирать жену, — Рей был немного угрюм, личные проблемы брата волновали его.

Я подумала: «Гору нужно решать проблемы самому, тем более что Алана явно ему не подходит. Ты, дорогой, слишком долго был для него наставником и опорой». Но вслух сказала следующее:

— Я надеюсь, что смогу все-таки дожать Богов, и с нового года они введут изменения в Выбор. Тогда твой брат будет одним из первых, кто сможет не выбирать жену.

Рей только скептически пожал плечами:

— По мне, так лучше пусть выберет. Иначе их метания никогда не кончатся.

Да. Бывают индивидуумы, для которых самостоятельный выбор невероятно труден, и Храмы для них — самый настоящий дар Богов. Кстати, некоторым земным жителям Храмы явно пришлись бы по вкусу. Я вспомнила кое-кого из моих бывших знакомых. Они так же встречались и расставались десятки раз, жалуясь на трудность выбора, на низкое качество противоположного пола. Находили миллионы причин для своего оправдания и в итоге оставались одни...

Прошло еще немного времени, и искусственный интеллект, именуемый Богами, согласился с моим утверждением, что прогресс нужно двигать вперед — это есть главная цель любой цивилизации. Я часами стояла в кругу и с пеной у рта доказывала, что Создатели, когда строили Храмы, именно это имели в виду. И что бездушные машины (как они) не в состоянии постичь божественный замысел, а вот обычный человек (вроде меня) — вполне.

В итоге, к обычным правилам, висящим на стене у входа в Храм, добавилось ещё одно: «Любой человек вправе самостоятельно выбирать профессию, жену, мужа, место жительства. Если он хочет, чтобы Боги выбрали за него, пусть озвучит свою просьбу в Храме. Человек не ограничен каким-либо сроком действия правил».

Пока достаточно. Дам Богам передышку, а потом у меня в планах выпытать, как общаются Храмы между собой. Само собой, у них есть способ коммуникации, так как все Храмы связаны в единую глобальную сеть. Скорее всего, принцип другой, чем на земле. И скоро я его выведу. Очень надеюсь, что застану что-нибудь типа телевиденья или хотя бы радио...

А однажды мне пришла в голову странная мысль. А вдруг те существа, которые заселили Илимас, и все остальные миры, переместили меня сюда намеренно? Чтобы я встряхнула это болото. Чтобы сделала то, что не смогли сделать коренные жители, привыкшие полагаться

на чужой выбор? А вдруг на каком-то этапе цивилизация должна была перешагнуть эти правила и двигаться дальше? Но никто из местных не смог этого сделать, поэтому прислали меня?

А чтобы подсластить пилюлю, Они мне дали возможность уйти в свой мир, которым я, увы, не воспользовалась. Хитрюги!

Но, скорее всего, это не так. И все произошло случайно...

А мой выбор действительно оказался самым простым на свете. И почему я так долго боялась, сомневалась и трусила? Что может быть проще, чем выбрать любовь, счастье и спокойствие? Это же элементарно!

Мы с Реем, как единое целое. Он помогает мне, я ему. Он помогает на ферме, выращивает новые сорта фруктов, дегустирует мои «проекты», я же рассказываю ему о земной технике, даю пищу для его пытливого ума. И пусть я не очень сильна в физике и химии, Рею достаточно общего описания, чтобы сразу ухватить суть.

Если бы у него была возможность получить знания моего мира, то он бы достиг таких высот, до которых остальным расти и расти. Хотя конструкторы соседних гряд помогают друг другу. Например, недавно ему прислали чертежи и список материалов какой-то грузовой летающей платформы. И Рей сразу же взялся строить аналог.

Он гораздо лучше меня, честнее, благороднее, разумнее. Я же иногда обманываю, притворяюсь, увиливаю. Рей только снисходительно улыбается, словно знает какой-то секрет семейного счастья, но мне не говорит. Я злюсь, во мне просыпается демоненок и старается напакостить. Не знаю, с чем это связано. То ли я начинаю скучать по дому, то ли это обычное желание повредничать.

Тогда я начинаю сокрушаться, как классно у нас на Земле, как интересно и увлекательно. Сколько всего у нас есть того, чего нет здесь. И телевизоры, и компьютеры, мобильные телефоны. Интернет и социальные сети, реклама и огромные, сверкающие неонами, супермаркеты.

— Что же тогда ты здесь, а не там? — лукаво сощуривает глаза Рей.

Я вздыхаю и сразу же иду на попятную

— Потому что люблю тебя. Потому что выбрала и ни секунды не жалею о своем выборе.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте — Knigolub.net